

BULLETIN
STAVROPOL
THEOLOGICAL
SEMINARY

ВЕСТНИК
СТАВРОПОЛЬСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ

СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

ВЕСТНИК СТАВРОПОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

№ 1 (6)

2019 - 2020

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

к 100-летию

Юго-Восточного Русского Церковного Собора

Материалы X Международных

Свято-Игнатиевских Чтений

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл

Научный редактор:

священник Евгений Шишкин,
секретарь Ученого совета
Ставропольской духовной семинарии (СтДС)

Члены редколлегии:

канд. богословия протоиерей Павел Самойленко,
первый проректор СтДС;
канд. филос. наук, доцент игумен Алексей (Смирнов),
проректор по учебной работе СтДС;
протоиерей Михаил Моздор;
священник Алексей Подколзин;
канд. ист. наук священник Александр Пантюхин
(ответственный секретарь);
канд. ист. наук Н. С. Струполева

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор Т. А. Невская;
д-р ист. наук, профессор М. Е. Колесникова

ISBN 978-5-6048187-9-4

© Авторы, 2021

© Ставропольская духовная семинария, 2021

STAVROPOL
THEOLOGICAL SEMINARY

BULLETIN

STAVROPOL THEOLOGICAL SEMINARY

№ 1 (5)

2019-2020

SPECIAL ISSUE
to the 100th Anniversary
Southeastern Russian Church Council
Materials of the X International
Holy Ignatius Readings

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Metropolitan of Stavropol and Nevinnomyssk Kirill

Managing editor:

Priest Evgeniy Shishkin, Secretary of the Academic Council
of the Stavropol Theological Seminary (StTS)

Members of the board:

Archpriest Pavel Samoilenko, Candidate of Theology,
First prorector StTS;
Igumen Alexy (Smirnov), Candidate of philosophy, Associate professor,
Prorektor for Academic Affairs StTS;
Archpriest Mikhail Mozdor;
Priest Aleksiy Podkolzin;
Priest Aleksandr Pantyukhin, Candidate of history
(*Executive secretary*);
Natal'ya S. Strupoleva, Candidate of history

Reviewers:

Tat'yana A. Nevskaya, Doctor of history, Professor;
Marina E. Kolesnikova, Doctor of history, Professor

ISBN 978-5-6048187-9-4

© Authors, 2021

© Stavropol Theological Seminary, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ РУССКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Бабич А. В.

**Кубанский церковный вестник как исторический источник
по изучению кубанской епархии в период проведения
Ставропольского собора 1919 года12**

Гетманская С. Н.

**Православное духовенство Кубани и Ставрополя
(1918–1920 гг.)21**

Калиновский В. В.

**На началах соборности: Таврический епархиальный съезд
духовенства и мирян (май 1917 г.)37**

Кияшко Н. В.

**Административно-территориальная реформа
Юго-Восточного Русского Церковного Собора
в контексте развития церковной жизни
южных епархий55**

Ковырзин К. В.

**Профессор П. В. Верховский и вопросы
церковной реформы после Февральской революции
1917 г.71**

<i>Микуленок А. А.</i> Русская Православная Церковь в Польше (1920-е гг.)	85
<i>Недялкова Н. Д.</i> О вере больше горчичного зерна и священном языке наших дедов	97
<i>Протоиерей Димитрий Олихов</i> Сибирское Соборное совещание в Томске как опыт реализации решений Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг.	112
<i>Петров И. В.</i> «Ветер с Запада»: попытки помощи организации приходской жизни на временно оккупированной территории РСФСР эмигрантским духовенством	119
<i>Урядова А. В.</i> Будни Русской Православной Церкви за рубежом в 1920-е гг.	135
<i>Халидова О. Б.</i> «Безбожное лихолетье» или антицерковная политика советского государства: характер отношений на местах (1920–1930-е гг.) (на примере Дагестана)	148
<i>Священник Евгений Шишкин</i> Гонения на Церковь в 1918 г. как фактор работы Юго-Восточного Русского Церковного Собора.	162

CONTENTS

SOUTHEASTERN RUSSIAN CHURCH COUNCIL IN THE CONTEXT OF THE CHURCH HISTORY 20TH CENTURY

Babich Alexander V.

**Kuban Church Bulletin as a historical source
for the study of the Kuban Diocese during
the Stavropol Council of 1919.12**

Hetmanskaya Sofia N.

Orthodox clergy of Kuban and Stavropol (1918–1920).21

Kalinovsky Vladimir V.

**On the principles of conciliarity: Tauride Diocesan Congress
of Clergy and Laity (May 1917).37**

Kiyashko Nikita V.

**Administrative and territorial reform of the South-eastern
Russian Church Council in the context of the development
of church life in the Southern dioceses55**

Kovyrzin Konstantin V.

**Professor P. V. Verkhovsky and the questions
of church reform after the February Revolution of 1917.71**

<i>Mikulenok Alexandra A.</i> The Russian Orthodox Church in Poland (1920 s.)	85
<i>Nedyalkova Natalia D.</i> About a faith bigger than a mustard seed and the sacred language of our grandfathers	97
<i>Archpriest Dimitri Olikhov</i> The Siberian Counciliar Meeting in Tomsk as an experience of implementing the decisions taken by the All-Russian Local Council in 1917–1918	112
<i>Petrov Ivan V.</i> «Wind from the West»: Attempts of emigrated clergy to help organise parish life in the temporarily occupied territory of the RSFSR	119
<i>Uryadova Anna V.</i> Daily life of the Russian Orthodox Church abroad in the 1920 s.	135
<i>Khalidova Olga B.</i> «Godless Hard times» or the anti-clerical policy of the Soviet state: the nature of local relations (1920–1930s) (on the example of Dagestan	148
<i>Priest Evgeny Shishkin</i> The persecution of the Church in 1918 as a factor in the work of the South-eastern Russian Church Council . . .	162

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ
РУССКИЙ
ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР
В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНОЙ
ИСТОРИИ XX ВЕКА

Бабич А. В.

Кубанский церковный вестник как исторический источник по изучению Кубанской епархии в период проведения Ставропольского Собора 1919 года

В статье дана краткая характеристика официального периодического издания Кубанского Епархиального Совета «Кубанский церковный вестник», выходившего в 1919 году, в период проведения Ставропольского Поместного Собора, представлены размышления представителей русского православного духовенства о современных им событиях революции и гражданской войны в России, свидетелями которых они были.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Ставропольский поместный собор, Кубанский епархиальный Совет, Кубанский церковный вестник, протоиерей, священник, церковный приход, катехизис, вероучение, Кубанское законоучительное братство.

В Государственном архиве Краснодарского края хранится ценный источник по изучению истории фактически образованной в 1919 г. Кубанской епархии – Кубанский церковный вестник. Упомянутый документ являлся официальным изданием Кубанского Епархиального Совета и выходил в течение всего 1919 г. К сожалению, не все номера этого издания сохранились, однако и то, что имеется на хранении в ГКУ «Государственный архив Краснодарского края»¹, дает определенную картину церковной жизни Кубани того времени и обладает непреходящей ценностью.

¹ Кубанский церковный вестник. 1919. № 4, 8, 9, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 22, 23.

Важным фактом является то, что в упомянутом вестнике публиковалась не только официальная информация, такая как, например, сообщение о текущем политическом моменте, о положении на фронтах, перемещениях и назначениях священноцерковнослужителей и др., но и размышления представителей духовенства о современных им событиях революции и гражданской войны в России, свидетелями которых им суждено было стать.

В своих заметках и статьях представители русского православного духовенства высказывали мысли об оскудении веры в русском народе, о необходимости возрождения приходской жизни, искали и предлагали пути выхода из кризиса, вызванного гражданским противостоянием. Другими словами, в церковном вестнике представлен материал, который так или иначе отражает никогда не прекращавшуюся работу духа и мысли русского православного человека – как священника, так и мирянина, – усугубляемую переломными моментами нашей истории.

Для понимания этих фактов приведем ряд примеров. Так, священник Валентин Свенцицкий (1881–1931), будущий протоиерей, известный проповедник, публицист, драматург, прозаик и богослов, автор знаменитых «Диалогов»¹, в своей статье «А где же отцы?» раскрывал не только тему революции, но и близкую русскому народу тему необходимости покаяния, которая в годы революционных потрясений была заменена уверенностью каждой из противоборствующих сторон в своей правоте. Отец Валентин писал: «Ни один класс людей за эту революцию не испытал такого злобного отношения к себе, как православное духовенство. Даже военных – и тех щадили больше. Это священников распинали на крестах. Это пастырей живыми закапывали в землю. Найдется ли хоть один человек на свете, не потерявший совесть, который бы оправдал такие преступления?... Все, что ниспослано на православную Церковь и духовенство для громадного большинства кош-

¹ Свенцицкий В. П. Диалоги. М.: Благовест, 2014. С. 6–8.

марное «происшествие» и больше ничего... Но послушайте, не пора ли спросить свою совесть: нет ли тяжкого греха на ней, на этой пастырской совести, – такого страшного греха, который бы соответствовал и тем страшным испытаниям, которые посылает Господь? Сознание своих грехов, своей виновности, заслуженности Божьей казни отсутствует совершенно... Священника распяли или живым закопали в землю... Но мы, оставшиеся в живых, думаем ли о чем-нибудь другом, как только о том, что победы на фронте [имеется ввиду победа белого движения – А. Б.] обеспечат нам жизнь? Всякий народ должен покаяться во всех тяжких грехах своих, только тогда начнет он новую жизнь. Каждое обновление начинается с покаяния. Но первым должно покаяться духовенство, и в этом чувстве покаяния, в этом сознании справедливости гнева Господня почерпнуть силы для нового пастырского служения. В такое время нельзя жить по-прежнему. Нельзя только исполнять требы, когда волки готовы расхитить все стадо Христово. Мы были «наставниками». Пора стать отцами. А отцы не могут ограничиваться внешним ритуалом, – они должны собрать детей своих в семью... Они должны работать не покладая рук над созиданием дома.

Отцы должны начать новую страницу пастырского служения во искупление своих тяжких, безмерных грехов и перед церковью, и перед народом. Эта новая страница должна начаться не с ослепительного подвига, а с тяжелой, ежедневной работы Господней. Для того, чтобы не военной внешней силой, а внутренней собрать расколовшуюся русскую землю, надо начать собирать ее фундамент – религиозную жизнь русского народа. Для этого путь один: организуйте приходскую жизнь. Соберите во всех храмах не «политическую партию», а живые души, и не для молитвы только, но и для укрепления общественной жизни. «Приход» – вот та национальная русская организация, которая одна может вывести страну нашу на великий новый путь жизни...»¹.

¹ Кубанский церковный вестник. 1919. № 4. С. 55-56.

В другой статье под названием «Дело настоящего дня», протоиерей Григорий Ломако, председатель Кубанского епархиального совета, участник Ставропольского Собора 1919 г., разворачивает, поистине библейскую картину бедствий государства Российского, находит духовную причину этих бедствий и предлагает пути ее устранения. Он пишет: «При современной общей разрухе, окончания которой в ближайшее время нельзя еще видеть, необходимо всеми средствами и способами изыскать некое оздоравливающее начало, что могло бы послужить спайкой и объединением столь разрозненных в наше время элементов некогда великой, могучей и славной Державы Российской. Все попытки в этом отношении, направленные в сторону только чисто материального заранее обречены на неудачу. Подтверждением этого служит современная наша действительность, с ее обилием и разнообразием политических партий и платформ, из которых каждая считает себя единственно истинной и, безусловно, правдивой. Корень и причина нашего общего разложения лежит гораздо глубже материальных ценностей и всего видимого. Причина наших несчастий и бедствий коренится в разложении и развращении нашего духа. У народа русского отняли самое дорогое и святое, вынули сердце и отняли душу... Бог и Божия правда, святость и красота Божественная в наши дни стали совершенно чуждыми и непонятными большинству людей. Густая мгла неверия и безбожия все ниже и ниже опускается над душою русского человека, одурманенного всякими теориями и платформами, при всем своем разнообразии удивительно сходящимися в одном – в отрицании духовного начала в мире и непризнания Божества, а потому и Божественного водительства в жизни. По существу весь мрак и ужас наших дней есть не что иное, как один из актов борьбы мирового зла против всякого добра, света и правды. Зло не может иметь подлинного, настоящего смысла ни в одном из своих проявлений, и потому совершенно понятно, что при усилении зла в нас и в жизни наступает господство беспорядка, анархии, бессмыслицы, наступает такой хаос и ужас, свидетелями которого, к не-

счастью, являемся все мы, и окончания чего все мы так страстно желаем...»¹.

Затем, определяя в нескольких словах главные причины падения Русского Православного царства, отец Григорий задает вопрос: как вернуть народной душе ее чистоту и целостность? И, отвечая на него, ставит перед православным духовенством не только Кубани, но и всей многострадальной Родины сверхзадачу: «...вернуть народную душу к Богу. Взамен разнообразных... теорий общественно-философского характера необходимо теперь же, немедленно напоить изжаждавшуюся душу народную живую водою Божия слова и Божественного учения... Нужно вселить в сердца людские, внедрить в души человеческие веру в Бога, нужно упрочить и укрепить эту веру, очистив ее от вредных примесей и заблуждений. Это неотложнейшая и первейшей важности работа главным образом должна пасть, конечно, на духовенство. Оно должно вспомнить... подлинный смысл своего служения, его истинную сокровенную сущность. В страшный день оный каждый из иереев Божиих должен будет сказать Пастыреначальнику Господу Иисусу: “Се аз и чада моя, их же дал еси мне...”»².

В этом же номере Кубанского церковного вестника была опубликована статья профессора, кандидата богословия, участника Юго-Восточного Русского Церковного Собора в г. Ставрополе, Павла Владимировича Верховского, под названием «Катехизис или история церкви в IV классе». В своей статье П. В. Верховцев высказывает свое мнение о том, что «изучение христианского веро и нравоучения в историческом и даже лучше – историко-философском освещении представляет собою... большое преимущество», в то время, как «катехизическая форма кратко и сухо... передает сущность нашей веры, отбрасывая в сторону все те переживания, идейную борьбу и мученичество за истину, знакомство с которыми облекает догматы в плоть и кровь, делает их близкими нашему сердцу... Поэтому, конеч-

¹ Кубанский церковный вестник. 1919. № 22–23. С. 339–340.

² Там же. С. 340.

но, при умелом и опытном законоучителе и особенно хорошем учебнике история христианской церкви даже в 4 и 5 классах может дать столько, сколько никогда не даст никакой катехизис». Но для этого, тут же добавляет профессор, необходимо быть «увлекательным рассказчиком и выдающимся педагогом. И все это может быть у того или иного о. законоучителя, но в массе требовать этих качеств нельзя...». И далее, П. В. Верховский утверждает, что нельзя рассчитывать на то, что «заменяв систематическое изучение христианства по катехизису историческим его изложением, мы получим лучшие успехи, чем прежде». Тем более, что русские ученики по своему мировоззрению, по его мнению, – это резонеры и вольтерьянцы, которые не могут не относиться критически к Закону Божию. И если в 4 и 5 классе они еще «ни то ни се», то в 8-м уже начинают охотнее ловить элементы религиозного отрицания со слов Л. Толстого, Ренана и др., начинают «мысленно оспаривать религиозные истины христианства, но углубляться в сущность христианского богословия не захотят... И это обстоятельство, как наверное, сознаются оо. законоучители, ставит их в самое тяжелое положение вечных защитников Христа и христианства от безусых школьников. В сущности... ученики... нападают на христианство и религию, испытывают законоучителя, а он должен их переспорить и победить». В заключение профессор предлагает «вбить основные истины христианства» в головы учащихся в том возрасте, когда они еще не обнаруживают критического к ним отношения, поскольку учеников 7–8 классов сделать это уже не заставишь¹.

В другой своей статье, посвященной идее возрождения России, профессор П. В. Верховский говорит о необходимости «справедливо разрешить социальный вопрос и установить в России нормальные экономические отношения». При этом он указывает на то, что «Революция, а особенно, большевизм, на первый план выдвинули эгоизм пролетариата, и если о нем не позаботиться теперь путем создания вполне удовлетвори-

¹ Кубанский церковный вестник. 1919. № 22–23. С. 344–347.

тельного рабочего законодательства, не решать, как следует, и аграрного вопроса, то тяга к этому классовому эгоизму скоро появиться вновь, а вместе с ним вернется и практический материализм. Нужно суметь сочетать то и другое так, чтобы веру и Церковь нельзя было бы упрекнуть в том, что они – оплот капиталистического, буржуазного строя, что вера, как говорят большевики, есть «опиум для народа». Односторонний и грубый материализм принято парировать словами Писания: «Не хлебом единым жив человек» (Мф. 4.4). Но ведь столь же справедливо, что человек не может обойтись и без хлеба. И только тогда, когда новая русская государственность будет в этом отношении безупречна, не будет повода к таким страшным потрясениям, которые мы ныне переживаем»¹.

Развивая тему о законоучителях священник Б. Колесников, председатель Совета Кубанского законоучительского братства, в статье «Личность законоучителя» утверждал идею о том, что «согласование жизни законоучителя с его словом, это прямое следствие убежденности, что без согласования слова и дела, ни обширная ученость, ни знание своих детей, ни дар красноречия, пользы не принесут». При удовлетворении этого требования законоучитель «всегда будет на своем месте и не заслужит... совета “врачу, исцелися сам”»².

Характеризуя подрастающее поколение своего времени, протоиерей Петр Руткевич, законоучитель женского епархиального училища Екатеринодара³, в своей статье «Дети нашего времени» отмечал: «Дети прежде всего плоть от плоти нации, а потому пороки нации, сильно обнаружившиеся в жизни ее, отобразились и в душе наших детей-подростков... Дети-подростки очень жадны к деньгам... Пишущему эти строки пришлось наблюдать, как подросток подаренное ему красное яичко продал своему товарищу. На вопрос мой, как поступит он с деньгами, ответил: куплю пачку папирос, про-

¹ Кубанский церковный вестник. 1919. № 14–15. С. 213.

² Кубанский церковный вестник. 1919. № 22–23. С. 350–351.

³ Кубанский календарь на 1916 г. Екатеринодар, 1916. С. 200.

дам ее с прибылью другому товарищу, а потом буду играть на эти деньги... Часто приходится наблюдать отношение детей друг к другу. Между ними по самым ничтожным поводам происходят драки и форменные сражения. Скажут: дети-мальчики всегда были драчунами и забияками. Это правильно. Но наше жестокое время привило детям... кровожадность: иначе затрудняюсь назвать те вспышки детского гнева, когда они на улицах ведут, подобно взрослым, войну наступательную и оборонительную. Это не игра детская в войну, но проявление мести и жестокости детской души, так что взрослым приходится вмешиваться для прекращения побоища между детьми... Однажды в трамвае мне пришлось быть очевидцем того оскорбления, которому подвергся батюшка, сделавший замечание мальчику-подростку, что в вагоне трамвая курить нельзя, а для лет его и вредно. Площадная гнусная брань была ответом на это замечание...»¹.

«О религии и религиозном чувстве этих детей, – продолжает отец Петр, – ничего нельзя сказать положительного, так как это чувство у них, кажется, отсутствует совсем. Мимо храма, когда в нем совершается богослужение, они проходят с папиросами, а если и заходят в храм, то изгоняются оттуда за бесчинство... Будущность России в руках наших детей. В их власти все наладить или разрушить... Дети – это поток, стремящийся по руслу наследственности. В детях – мы и наши предки. Дети – эхо... В нашей воле дать этому эхо тот или иной звук...»².

Таким образом, приведенные выше примеры дают нам некоторое представление о настроениях и образе мыслей русского православного духовенства на территории, контролируемой Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР) во главе с главнокомандующим генерал-лейтенантом Антоном Ивановичем Деникиным (1872–1947). Практически все упомянутые в статье представители духовенства принимали активное участие в работе Ставропольского поместного собора, проходившего с

¹ Кубанский церковный вестник. 1919. № 4. С. 57–58.

² Там же. С. 58.

19 по 24 мая 1919 г. в Ставрополе-Кавказском, и внесли весомый вклад в те решения, которые были приняты на этом собрании.

Библиографический список

1. Кубанский церковный вестник. Издание Кубанского епархиального Совета. 1919.
2. Кубанский календарь на 1916 г. Екатеринодар, 1916.
3. *Свенцицкий В. П.* Диалоги. М.: Благовест, 2014.

Сведения об авторе

БАБИЧ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ –
заместитель начальника отдела информационно-
поисковых систем и использования архивных документов
Государственного архива Краснодарского края,
e-mail: babich.sany@yandex.ru

Kuban Church Bulletin as a historical source for the study of the Kuban Diocese during the Stavropol Council of 1919

Alexander N. Babich

*Deputy Head of the Department of Information Retrieval Systems
and the use of archival documents of the State Archive of the
Krasnodar Territory
e-mail: babich.sany@yandex.ru*

The article gives a brief characterization of the official periodical of the Kuban Diocesan Council «Kuban Church Bulletin», published in 1919 during the Stavropol Local Council, presenting the reflections of the representatives of the Russian Orthodox clergy on the events of the revolution and civil war in Russia, which they witnessed.

Keywords: *The Russian Orthodox Church, Stavropol local Council, the diocesan Council of the Kuban, Kuban Church Bulletin, Reverend, priest, parish, catechism, creed, Kuban zakonodatelnoe sobranie.*

Гетманская С. Н.

Православное духовенство Кубани и Ставрополя (1918–1920 гг.)

Автор статьи рассматривает положение православного духовенства Кубани и Ставрополя после Октябрьской революции 1917 г. и в первые годы Гражданской войны. В статье показано отношение духовенства к свержению монархии и новой власти. Автор говорит о деятельности священноначалия и священников в период противостояния белых и красных, об их гражданской позиции. Одни из них призывали противостоящие стороны к любви и милосердию, другие к оказанию поддержки Добровольческой армии. Приведены примеры изоощренных убийств красноармейцами православного духовенства Кубани и Ставрополя. Автор рассуждает о причинах предательства народом своего царя и о причинах Гражданской войны. Показано материальное положение духовенства Кубани и Ставрополя в первые годы Гражданской войны. Священникам приходилось искать дополнительные заработки, не связанные с приходской деятельностью. Приведены примеры трансформации традиционных для православного человека обрядов и праздников. В качестве советских праздников они стали отмечаться в домах культуры. Рассмотрены изменения в управлении Церковью на Кубани и Ставрополье.

Ключевые слова: православное духовенство, красноармейцы, Гражданская война, церковное управление, казачество, большевики.

Нравственная деградация ведет к социальной неустойчивости, провоцирует возникновение войн, революций и других общественных бедствий. Нравственное падение всех социальных слоев населения России накануне революции 1917 г. было настолько сильным, что привело к гражданской братоубийственной войне. Предательство народом своего царя в 1917 г. также является следствием этого падения. Многие представи-

тели элиты, а также православного духовенства одобряли свержение монархии.

Не на пустом месте произошло случившееся, семена были брошены разночинной интеллигенцией еще в 60-х гг. XIX в. Нигилизм, атеизм, материализм и др. представления в середине XIX в. активно внедрялись разночинцами в умы молодежи различных сословий, в том числе и духовенства. Это был один из первых ударов по Русской Православной Церкви, подорвавший ее изнутри. Одним из этапов по уничтожению Церкви был красный террор, в ходе которого убивали и грабили духовенство, разрушали церкви и оскверняли православные святыни. Патриарх Тихон как глава Церкви издал три исторических акта с бесстрашным и открытым обличением гонителей. Важнейшим из них было анафематствование изменников и отступников от веры и врагов русского народа.

В марте 1917 г. кубанское духовенство обратилось с воззванием к народу, в котором говорилось: «Приветствуя со всеми вами обновление государственного строя, призываем вас, братие, сплотиться вокруг временного народного правительства, подчиниться всем его велениям, блюсти единение, полное спокойствие и работать, не покладая рук, на благо дорогой родины <...>. Временное народное правительство даровало всем нам гражданскую и духовную свободу – свободу совести, свободу слова и всякого союза и братского общения на делание мирное, на подвиг любви и служения отечеству <...>. И да послужит данная нам свобода не свободой на своеволие, насилие и мятежи, ведущие к братоубийственной вражде <...>, но свободой Христовой, свободой мира и любви <...> помните заповедь Христову: “Любите друг друга” и стройте жизнь свою по ней»¹.

Ученый кавказовед Леонид Иванович Лавров вспоминал о своем отце священнике ст. Пашковской: «Отец давно мечтал о падении самодержавия, но вечером <...> во время церковной службы, когда дошел до привычной молитвы за Царя, его голос

¹ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 655. Л. 1.

осекся от неожиданно прорвавшихся слез. Стоявшие в церкви тоже заплакали»¹.

Упоминание в ектениях Царя и Царствующего Дома Романовых прекратилось после получения известия об отречении [вынужденном – С. Г.] Императора от Престола в пользу брата. Михаил Александрович Романов, – писал митрополит Антоний (Храповицкий), – «повелел повиноваться Временному правительству, а посему, и только посему, мы поминаем Временное правительство»².

В 1918 г. духовенство, видя бесчинства противоборствующих сторон, их аморальное поведение оказалось бессильным что-либо изменить в глобальном смысле. По словам митрополита Вениамина (Федченкова): «Ни Гермогенов, ни Палицыных среди нас не оказалось»³. Однако ни на минуту большинство из них не переставали деятельно помогать страждущим и взывать к проявлению милосердия. Так отец Сергей Тихомиров – доброволец на Германском фронте, не раз ходивший с солдатами в атаки, решил от имени жителей ст. Медведовской попросить В. Л. Покровского прекратить свои казни. На что получил ответ: «Батюшка! Я не вмешиваюсь в церковные дела, а вы не вмешивайтесь в мои, если не хотите, чтобы и вас!...»⁴. Священник г. Армавира Леонид Дмитриевский помогал «на глазах у всех не только простому казачьему населению, но и семьям красноармейцев, не разделяя большевистских убеждений»⁵. Прежде чем привести воспоминания жительницы ст. Вознесенской, написанные в 1949 г., о деятельности приходского священника Сысоева [имя, отчество в рукописи не указаны – С. Г.] поясним,

¹ Лавров Л. И. Канун революции и гражданская война на Кубани // Из культурного наследия славянского населения Кубани. С. 130.

² Антоний (Храповицкий), митрополит. Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919–1936 годов. СПб., 2006. С. 54–55.

³ Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох // ЖМП. 1993. № 7. С. 106.

⁴ Лавров Л. И. Канун революции и гражданская война на Кубани // Из культурного наследия славянского населения Кубани. С. 139.

⁵ Кияшко Н. В. Армавирское викариатство Кубанской и Екатеринодарской епархии: динамика институциональных процессов церковной жизни в первые годы советской власти // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. IV. С. 213.

что в октябре 1918 г. большевики под давлением Добровольческой армии отступили из станиц Лабинского отдела, а в декабре 1918 г., вернулась в станицу часть жителей, следовавших за ними. Они были подвергнуты жестокой расправе: «По приказу атамана Калмыкова 48 душ было порублено за станицей, из них 10 человек детей от 1 года до 10 лет. К месту происшествия прибыл сам атаман Филимонов. На утро вышла вся станица, родственники убитых, люди с близлежащих станиц и хуторов, они требовали разрешения атамана похоронить их по православному, что и было исполнено. В соборе стояло 48 гробов с телами, которые отпевал священник Сысоев»¹. Итак, строки из воспоминаний о батюшке: «Гражданская война осиротила многих детей, которые голодные и холодные бродили по станице. Священник Сысоев, из казачьего рода ст. Вознесенской, в декабре 1918 г. обратился к атаману Калмыкову с просьбой организовать приют для детей, но атаман отказался это сделать. Тогда Сысоев решил действовать сам. Посоветовавшись с молодой учительницей церковно-приходской школы Матреной Дмитриевной Зубовой, они решили закрыть школу и открыть там приют для детей-сирот. Всего собралось 94 человека. Трудно было накормить, одеть и распределить детей. Дети спали на полу, на соломе, но все-таки были накормлены и обогреты. Продукты приносили жители станицы. Приют содержался исключительно на средства церковного прихода... Казаки не приняли поведение батюшки и запретили ему присутствовать на казачьих собраниях называя его «большевицким паном». Матрена Дмитриевна Зубова и Сысоев терпеливо переносили все нанесенные им оскорбления. В 20-х числах марта 1920 г. священник Сысоев в соборе отслужил торжественный молебен в честь прихода Красной Армии и, явившись к командиру дивизии Дебенко, сказал: «Я спас ваших детей от голодной смерти, я знаю, что мое воспитание к вашему не подходит. Принимай-

¹ Полевые материалы кубанской фольклорно-этнографической экспедиции – 2009 г. (далее – ПМ КФЭЭ-2009). Ст. Вознесенская. Лабинского р-на. Краснодарского кр. А/к №4158. Инф.: Колкова С. П.

те от меня детей. А материальную помощь я так и буду оказывать». Крепко обнял командир священника и поблагодарил за спасенных детей. Вскоре приют перевели в большой дом купца Калашникова, где было светло, тепло и уютно»¹.

Многие священно и церковнослужители ценою жизни все же оказывали противодействие красноармейцам. Так по личной инициативе церковного старосты Николаевской церкви ст. Лабинской старшего урядника Федора Алексеевича Пожаренко и диакона той же церкви Петра Михайловича Петрова были спрятаны от поругания знамена 1-го, 2-го и 3-го Лабинских полков и икон 2-го и 3-го Лабинских полков. Они не были выданы, несмотря на неоднократные обыски и требования указать, где таковые находятся. 4 февраля 1919 г. Войсковой атаман А. П. Филимонов объявил казакам благодарность, а старшего урядника Пожаренко (церковного старосты) перевел в вахмистры². Не избежал насильственной смерти Николай Васильевич Соболев. В ночь с 26 на 27 июля 1918 г. в ст. Поповической он был казнен большевиками за то, что агитировал местное казачество присоединиться к Добровольческой армии, «ими [большевиками – С. Г.] нагло была расхищена часть имущества, вдова осталась с шестью детьми школьного возраста»³. 7 марта 1918 г. священник Адагумо-Азовского полка Кубанского казачьего войска Михаил Пендо около ст. Кавказской был зверски убит большевиками вместе с офицерами своего полка. Перед смертью всех их он по очереди благословил и напутствовал молитвою. «Сам пал последним, поднятый при выходе из вагона на штыки»⁴. В ст. Ессентукской за молебен «о даровании победы кадетам», наряду с другими заложниками в октябре 1918 г. был расстрелян отец Иоанн Рябухин. В феврале-марте

¹ Полевые материалы кубанской фольклорно-этнографической экспедиции – 2009 г. (далее – ПМ КФЭЭ-2009). Ст. Вознесенская. Лабинского р-на. Краснодарского кр. А/к №4158. Инф.: Колкова С. П.

² Якубов В. В. Скорбная Троица. К истории антибольшевистского восстания казаков ст. Лабинской // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. 1. Армавир-Отрадная, 2013. С. 217.

³ ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 414. Л. 180.

⁴ Там же. Л. 305 об.

1919 г. Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков, производила на кладбище у подножия горы Машук вскрытие могилы, куда были сброшены тела заложников. Присутствующие увидели «часть священнической парчовой епитрахили, под которой была обнаружена теменная часть головы покойного о. Иоанна <...>. Лицо его было обращено к южному краю могилы, правая рука, согнутая в локте, огибала лицо и кистью соприкасалась с кистью левой руки, которая была поднята с согнутыми как бы благословляющими пальцами. Труп был в сидячем положении»¹.

Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий) в декабре 1919 г. сказал проповедь на престольном празднике в храме ст. Пашковской, в которой призывал к борьбе с большевиками². В мае 1919 г. Временное высшее церковное управление (ВВЦУ) обсуждало вопрос относительно участия духовенства в политической проповеди. «Поскольку партии, представленные в Вооруженных силах юга России, часто пытались привлечь духовенство к защите своих идей, а в случае отказа батюшек обвиняли их либо в бездеятельности, либо в контрреволюции, ВВЦУ предписало духовенству касаться в проповеди только вопросов веры, нравственности и защиты церкви от клеветы. Что касается тех немногих священников, которые были готовы к ведению бесед на политические темы, то таковым это было позволено лишь под свою личную ответственность и вне храма. Однако в послании патриарха Тихона от 8 октября 1919 года содержится призыв к православному духовенству и мирянам не вмешиваться в политическую борьбу. ВВЦУ считало, что эта грамота появилась вследствие давления на Патриарха»³.

¹ Дело 1. Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске в октябре 1918 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tricolor.org/history/kt/ktr/d1/> (дата обращения: 17.04. 2019).

² Лавров Л. И. Канун революции и гражданская война на Кубани // Из культурного наследия славянского населения Кубани. С. 143.

³ Кострюков А. А. Деятельность церковного управления на юго-востоке России в годы Гражданской войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pergaspi.ru/publikatsii/konferenetsii/grazdanskaya-vojna-na-vostoke_rossii/a-a-kostryukov/ (дата обращения: 17.04. 2019).

С первых дней Гражданской войны духовенство не решалось поддержать белое движение, так как исполнение треб для проходивших частей Добровольческой армии грозило им арестом, насилием и убийством «за сочувствие кадетам и буржуям». В своих мемуарах А. И. Деникин вспоминал, что, дойдя до ст. Ильинской, решено было отслужить панихиду «по болярине Лавре и воинах Добровольческой армии на поле брани живот свой положивших». После долгого ожидания царские ворота открылись, «вышли растерянные священник и диакон, и последний глухим, дрожащим голосом возгласил прошение об упокоении православных воинов, на брани убиенных. Внушительный шепот коменданта штаба армии исправил текст поминания»¹.

В начальный период формирования Красной армии современники отмечали сквернословие, кощунства и шокирующую жестокость ее личного состава. Архиепископ Василий (Кривошеин) писал: «В Белой армии такой ругани я впоследствии никогда не слышал. Кощунственная ругань являлась, так сказать, отличительным признаком Красной армии. У простых людей, мужиков и баб, она вызывала ужас и отвращение. Страшно слушать, – говорили они, – ну ругайся, если хочешь, но зачем святыню затрагивать?»². Не раз приходилось слышать автору мемуаров следующий рассказ красноармейцев, правда всегда в различных интерпретациях, но смысл его не менялся: «На днях наши решили испытать кто за красных, а кто за белых, недели погоны, кокарды <...>. “Мы белые, пришли вас освободить”. Жители сначала отнеслись недоверчиво, потом поверили. Стал собираться народ. Приветствуют, благодарят, подносят цветы. А мы предлагаем записаться в Добровольческую армию. Записывается 150 человек. Приходит поп и начинает служить молебен на площади. Собралось множество народа. Посредине

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918 г. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С. 363.

² Василий (Кривошеин), архиепископ. Спасенный Богом. Воспоминания. Письма. СПб., 2007. С. 60.

молебна наши, по сигналу открывают огонь. Много убитых, а всех добровольцев расстреляли». Эта жестокость и провокационные действия «всегда вызывали у большевиков фурор, одобрение и громкий смех»¹.

Напомним, что в июне 1918 г. под праздник Святой Троицы казаки Лабинского района подняли восстание против большевиков, в результате которого погибло около 500 представителей казачества ст. Чамлыкской, Упорной, Лабинской, Зассовской, Владимирской, Вознесенской. Теперь жители этих станиц вспоминают о «Троицком восстании» с содроганием. За непринятие большевистской власти «только в станице Упорной казнены более ста человек. В Вознесенской, во время похорон комиссара А. И. Гурского его братья по оружию прямо на гробах, покрытых кумачом, рубили головы казакам. В день похорон Гурского казнили 90 человек, среди казненных был, и настоятель Свято-Троицкой церкви Алексей Ивлев»². Вина его состояла в том, что происходил из казаков и когда-то служил в гвардии³.

Красноармейские части зверски убивали священников за осуждение большевиков в проповедях, за служение молебна для проходивших частей Добровольческой армии. Так, за служение молебна перед выступлением казаков против большевиков были зверски убиты батюшки: ст. Владимирской Александр Подольский, ст. Должанской Иоанн Краснов, ст. Новоцербиновской Алексей Малютинский⁴. Заштатный священник Павел Калиновский, 72 года, проживавший в г. Ставрополе, был арестован за то, что имел внуков офицеров. Скончался под ударами плетью. Рубленные шашками и полуживые были закопаны в наполовину вырытую могилу священник и диакон села

¹ Василий (Кривошеин), архиепископ. Спасенный Богом. Воспоминания. Письма. СПб., 2007. С. 87.

² Брославская А. Троицкое восстание // Провинциальная газета. 2004. 24 мая. С. 2.

³ Макаренко П. «Прости нас, Господи...» // Родная Кубань. 1998. № 4. С. 7.

⁴ Дело №5 и №10. Сведения о злодеяниях большевиков в отношении Церкви и ее служителей в Ставропольской епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ricolor.org/history/kt/ktr/d5/> (дата обращения: 17.04. 2019).

Безопасного Ставропольской губернии о. Леонид Соловьев, 27 лет и о. Владимир Остриков, 45 лет. Их вина состояла в том, что они являлись служителями Русской Православной Церкви¹. Священник ст. Георгие-Афипской Александр Флегинский был расстрелян после тяжелых мучений. Тело отца Александра спустя семь месяцев было обнаружено за пределами станицы, после освобождения ее от большевиков Добровольческой армией² [4 мая 2017 г. имя священномученика Александра Флегинского было включено в состав Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской с установлением особого дня памяти 6 апреля – С. Г.]. Перед тем как убить отца Александра Подольского (ст. Владимирская), его долго водили по станице, глумились и били, потом вывели за станицу, изрубили и бросили на свалочные места, запретив кому бы то ни было хоронить тело. Один пожилой прихожанин, желая оградить тело покойного от растерзания собаками, ночью пошел на место казни и стал его закапывать, но был замечен пьяными красноармейцами, был тут же зарублен³. В народной памяти сохранилось следующее свидетельство о смерти священника ст. Владимировской: *«Инф.: – А священнику голову отрубили. Иссл.: – За что? Инф.: – Ну была ж такая время, один ишол за то, а другой за то и кто знай за чего они его, падашли вадички напросить папить, он вынес повернулся и они шашкой голову ему срубили и все»*⁴.

Зафиксированы случаи насилия и над представителями иностранных церквей, в частности римско-католической. Во время богослужения в костеле г. Ставрополя был арестован настоятель ксендз Крапивницкий. В облачении его отвели в комендатуру <...>. Спасти его удалось польскому консулу, которого

¹ Список священнослужителей убитых большевиками в пределах Ставропольской епархии при двукратном захвате ими этой местности в первой половине 1918 г. и в октябре того же года / ред.-сост. Ю. Г. Фельтишинский [Электронный ресурс]: <http://ricolor.org/history/kt/ktr/sp/> (дата обращения: 17.04. 2019).

² Иерей Александр Флегинский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kanonkuban.ru/novomucheniki-kubani/ierej-aleksandr-fleginskij/> (дата обращения: 17.04. 2019).

³ Макаренко П. «Прости нас, Господи...» // Родная Кубань. 1998. № 4. С. 7.

⁴ ПМ КФЭЭ-2009. Ст. Вознесенская. Лабинского р-на. Краснодарского кр. А/к 4116. ст. Владимирская Лабинского р-на Краснодарского кр. Инф.: Кисленко Е. П., 1929 г. р..

известили об этом прихожане¹. За православное духовенство вступались также служащие церкви и прихожане, тем самым подвергали себя участи быть расстрелянным вместе со своим пастырем.

Священник села Прасковеевки Максим Шапранов под угрозами зелено-армейцев «был вынужден покинуть свой приход, по дороге был ими же ограблен. Жил в г. Геленджике на подаяния людей². Священник ст. Воровсколесской Николай Кравченко писал: «осенью 1918 г. я с семьей еле вырвался из рук большевиков, все же имущество мое или разграблено или же в том числе и дом сожжено большевиками. Сбережений у меня нет никаких, да если бы и были, то 4 месяца беженства они были бы проеты. А приход 29 раз переходил из рук в руки и в большей половине своей сожжен (более 500 дворов, в том числе храм, школы и др.) совершенно обнищал. В добавок переживает и полный неурожай, и он не может помочь мне, доходы же немногими рублями превышает 300 рублей в месяц, не обеспечивают даже скудного стола моей семьи»³.

В Лабинском отделе Кубанской области большевиками были установлены следующие порядки: в школах запретили преподавание закона Божьего, уничтожили книги с портретами царей русских и иудейских. Многие церкви по месяцам стояли закрытыми, имущество их расхищалось. Например, конный отряд Ковалева, орудовавший в ст. Лабинской, сидел на парчовой ткани, похищенной из церкви. Почти все священники побывали в подвалах под арестом. Запрещены были церковные браки, погребения казаков, панихиды по ним, введены бракоразводные процессы народными судьями. При этом, отвергая многие церковные обряды, красноармейцы принуждали священников совершать торжественные погребальные службы

¹ Дело №5 и №10. Сведения о злодеяниях большевиков в отношении Церкви и ее служителей в Ставропольской епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ricolor.org/history/kt/ktr/d5/> (дата обращения: 17.04. 2019).

² ГАКК. Ф. 492. Оп. 1. Д. 267. Л. 34.

³ Там же. Л. 43.

по убитым красноармейцам, которых и хоронили в церковной ограде. В ст. Каладжинской комиссар Клименко, разведенный народным судьей, заставил священника повенчать его церковным браком с иногородней девушкой¹. По свидетельству священника Троицкого собора в Ставрополе, в октябре 1918 г. во время звона к вечерне, в собор ворвались около 70-ти человек красноармейцев, ведя перед собой невесту в фате и жениха. С бранью и криком «венчай сейчас, а то убьем» заставили обвенчать. Иеромонаха из архиерейского дома в г. Ставрополе насильно увезли в штаб какой-то красноармейской части для служения молебна².

Леонид Иванович вспоминал, как его отец, священник ст. Пашковской, служил молебен по случаю отправки красноармейцев на фронт: «Отец святой водой кропил лица, бомбы, красные ленты на шапках, такие же банты на штыках, и приспущенное знамя <...> трудно было понять, за кого собственно ходатайствуют перед небесами: за красных или за белых? <...> отряд трижды промаршировал вокруг церкви под песню «Смело, товарищи, в ногу»³.

Из этих примеров мы видим, как в новое советское общество трансформировались традиционные для православного человека обряды и праздники, но с новыми атрибутами атеистического сознания. Впоследствии традиционные народные обряды во главе со священником, проходившие в церкви, перешли в статус советских праздников, которые отмечались в домах культуры, клубах, построенных на месте, где ранее располагалась церковь. Вместо священника во главе обряда выступал директор клуба, позже дома культуры. В домах культуры праздновались октябрины (аналог крещения), отмечались:

¹ Дело №5 и №10. Сведения о злодеяниях большевиков в отношении Церкви и ее служителей в Ставропольской епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ricolor.org/history/kt/ktr/d5/> (дата обращения: 17.04. 2019).

² Дело №43-44. Акт о расследовании по делу о злодеяниях большевиков в станицах Лабинского отдела и г. Армавире [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ricolor.org/history/kt/43/> (дата обращения: 17.04. 2019).

³ *Лавров Л. И.* Канун революции и гражданская война на Кубани // Из культурного наследия славянского населения Кубани. С. 130–143.

торжественная регистрация, проводы в армию, праздник первой борозды, первого, второго, третьего волка и т. д.¹.

Как видно со страниц Ставропольских епархиальных ведомостей выпусков конца XIX – начала XX в., духовенство епархии сетовало на тяжелое материальное положение и его улучшение во многом связывало с «обновлением государственного строя». Однако спустя два года ситуация еще более усложнилась. Причтовые участки по распоряжению Краевой Рады перешли в пользование станичных обществ, многие из которых не выделяли средств для компенсации утраченных источников дохода. Священникам приходилось искать дополнительные заработки, не связанные с приходской деятельностью. Так, батюшка из ст. Фонталовской Кубанской области «в летнее время нанимался к прихожанину на сельские работы»². В Ставропольской губернии красноармейцами отбиралась земля, выделяемая причту, и взамен, и то не везде, назначалось жалованье в размере 100 рублей. С 1917 г. общества активно стали заявлять о том, что «общественные квартиры», предоставляемые причту под жилье, нужны станичникам, мотивируя тем что «здания необходимы для устройства в них параллельных классов наших училищ»³. Тем не менее, кубанское духовенство в 1919 г. дало приют священникам-беженцам из центральных губерний России, которые со своими семьями голодные и больные большим потоком шли в города и станицы Кубани⁴.

В 1919 г. Екатеринодар стал центром культурной, образовательной и церковной жизни. В городе были открыты дополнительные учебные заведения, где преподавали специалисты из центральных городов России. В начале июня здесь проходили первые заседания ВВЦУ. Председательствовал на них Высокопреосвященнейший Митрофан, архиепископ Донской и Новочеркасский. В декабре 1919 г. в городе оказалось 8 архиереев,

¹ ПМ КФЭЭ-2016. Ст. Ладожская. Усть-Лабинского р-на. Краснодарского кр. А/т Лад4. Инф.: Гаценко Н. М., 1931 г. р.; Горбанец Л. А. 1955 г. р.

² Кубанский церковный вестник. 1919. № 19. С. 289.

³ ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 1438. Л. 1.

⁴ Кубанский церковный вестник. 1919. № 8. С. 115.

которых принял под свое покровительство митрополит Антоний (Храповицкий), временно управляющий епархией. Был учрежден комитет церковного просвещения, организована проповедническая и приходская деятельность. В это же время открывалась Кубанская епархия. Краевая казна брала на себя все расходы по содержанию епископа, епархиальных учреждений и всего приходского духовенства.

Что касается церковного управления в рассматриваемый период на Кубани и Ставрополье, то известно, что вся церковная власть на территории, занятой Вооруженными силами юга России, была в руках ВВЦУ, образованного в мае 1919 г. на Соборе в Ставрополе-Кавказском. Полномочия центральной церковной власти ВВЦУ должно было сохранять до установления нормальной связи с Патриархом Тихоном. Данное церковное образование могло функционировать свободно в отличие от центральной России, где действия Церкви были невозможны из-за жестоких преследований¹. На Ставропольском Соборе в мае 1919 г. было принято решение о выделении из состава Сухумской епархии Черноморской и Новороссийской епархии, епископом которой стал Преосвященный Сергей (Петров), управлявший ею с мая 1919 по 1920 г.². Впоследствии ВВЦУ определяло следующие назначения иерархов: епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) с 16 апреля по 18 августа 1920 г. являлся временно управляющим освобождающимися от большевиков частями Черноморской епархии; был уволен на покой епископ Кубанский Иоанн (Левицкий), который возглавлял Кубанское викариатство Ставропольской епархии с 13 сентября 1916 по май 1919 г.; с декабря 1919 г. по март 1920 г. временно управляющим епархией являлся митрополит Киевский Антоний (Храповицкий); с 16 августа по ноябрь 1920 г.

¹ Кострюков А. А. Деятельность церковного управления на юго-востоке России в годы Гражданской войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pergaspi.ru/publikatsii/konferenetsii/grazdanskaya-voyna-na-vostoke-rossii/a-a-kostryukov/> (дата обращения: 17.04. 2019).

² Новороссийская епархия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новороссийская_епархия (дата обращения: 17.04. 2019).

временно управляющий освобождающимися от большевиков частями Кубанской и Черноморской епархий был назначен епископ Чигиринский Никодим (Кротков) [причислен к лику святых Русской Православной церковью в августе 2000 г. – С. Г.]. В том же 1919 г. был воссоединен с Церковью уклонившийся в англиканство епископ Сергей (Лавров), который с апреля по ноябрь 1920 г. являлся епископом двух епархий. Данные о его назначении отсутствуют. Преосвященный Филипп (Гумилевский), временно управляющий епископ Ейский, управлял Кубанской епархией с ноября 1920 по 1921 гг.¹ Ставропольскую кафедру до июня 1919 г. возглавлял архиепископ Агафодор (Преображенский), а затем до марта 1920 г. – епископ Михаил (Космодемьянский).

Таким образом, к началу революции 1917 г. большинство русских людей утратили сакральное представление о власти, была подготовлена почва для насаждения нового богоборческого мировоззрения, носителями которого являлись большевики. В первые годы Гражданской войны, во время захвата Кубани красноармейцами в среде духовенства отмечалось внутреннее смятение, авторитет их падал. При этом они активно выполняли свою апостольскую миссию: призывали к милосердию, любви, оказывали помощь пострадавшим. В целом, православное духовенство Кубани и Ставрополья стало жертвой братоубийственной войны. Многие из тех, кто агитировал казаков содействовать Добровольческой армии были расстреляны большевиками, другие были вынуждены разделить участь этой армии и покинуть Россию, третьи продолжали служение на приходах до фактически полного уничтожения церквей после 1933 г.

Библиографический список

4. *Антоний (Храповицкий), митрополит.* Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919–1936 годов. СПб., 2006. С. 54–55.
5. *Брославская А.* Троицкое восстание // Провинциальная газета. 2004. 24 мая. С. 2.

¹ *Кияшко Н. В.* История Кубанской епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kanonkuban.ru/istoriya-eparhii/> (дата обращения: 17.04. 2019).

6. *Василий (Кривошеин), архиепископ*. Спасенный Богом. Воспоминания. Письма. СПб., 2007. С. 60, 87.
7. *Вениамин (Федченков), митрополит*. На рубеже двух эпох // ЖМП. 1993. № 7. С. 106.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 655. Л. 1; Ф. 396. Оп. 5. Д. 414. Л. 180, Л. 305 об.; Ф. 449. Оп. 9. Д. 1438. Л. 1; Ф. 492. Оп. 1. Д. 267. Л. 34,43.
9. Дело 1. Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске в октябре 1918 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ricolor.org/history/kt/ktr/d1/> (дата обращения: 17.04. 2019).
10. Дело №5 и №10. Сведения о злодеяниях большевиков в отношении Церкви и ее служителей в Ставропольской епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ricolor.org/history/kt/ktr/d5/> (дата обращения: 17.04. 2019).
11. Дело №43-44. Акт о расследовании по делу о злодеяниях большевиков в станицах Лабинского отдела и г. Армавире [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ricolor.org/history/kt/43/> (дата обращения: 17.04. 2019).
12. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918 г. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С. 363.
13. Иерей Александр Флегинский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kanonkuban.ru/novomucheniki-kubani/ierej-aleksandr-fleginskij/> (дата обращения: 17.04. 2019).
14. *Кияшко Н. В.* Армавирское викариатство Кубанской и Екатеринодарской епархии: динамика институциональных процессов церковной жизни в первые годы советской власти // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. IV. С. 213.
15. *Кияшко Н. В.* История Кубанской епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kanonkuban.ru/istoriya-eparxii/> (дата обращения: 17.04. 2019).
16. *Кострюков А. А.* Деятельность церковного управления на юго-востоке России в годы Гражданской войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pergaspi.ru/publikatsii/konferenetsii/grazdanskaaya-vojna-na-vostoke-rossii/a-a-kostryukov/> (дата обращения: 17.04. 2019).
17. Кубанский церковный вестник Издание Кубанского Епархиального Совета, 1919. №8, 19.
18. *Лавров Л. И.* Канун революции и гражданская война на Кубани // Из культурного наследия славянского населения Кубани. С. 130–143.
19. *Макаренко П.* «Прости нас, Господи...» // Родная Кубань. 1998. № 4. С. 7.
20. Новороссийская епархия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новороссийская_епархия (дата обращения: 17.04. 2019).
21. Полевые материалы кубанской фольклорно-этнографической экспедиции - 2009 г. Ст. Вознесенская. Лабинского р-на. Краснодарского кр. А/к (Аудиокассета) №4158. Инф. (Информатор): Колкова С. П.; Ст. Владимирская Лабинского р-на Краснодарского кр. А/к №4116. Инф.: Кисленко Е. П., 1929 г. р.; ПМ КФЭЭ-2016. Ст. Ладожская. Усть-Лабинского р-на. Краснодарского кр. А/т Лад4. Инф.: Гаценко Н. М., 1931 г. р.; Горбанец Л. А. 1955 г. р.
22. Список священнослужителей, убитых большевиками в пределах Ставропольской епархии при двукратном захвате ими этой местности в первой половине 1918 г. и в октябре того же года / ред.-сост. Ю. Г. *Фельтишинский* [Электронный ресурс]: <http://ricolor.org/history/kt/ktr/sp/> (дата обращения: 17.04. 2019).

23. Якубов В. В. Скорбная Троица. К истории антибольшевистского восстания казаков ст. Лабинской // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. 1. Армавир-Отрадная, 2013. С. 217.

Сведения об авторе

ГЕТМАНСКАЯ СОФИЯ НИКОЛАЕВНА –
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра традиционной культуры
Кубани ГБНТУ «Кубанский казачий хор»,
e-mail: ribkosn@mail.ru

The Orthodox Clergy of Kuban and Stavropol (1918-1920)

Sofia N. Getmanskaya
Candidate of History, Senior Researcher of the Research Center
for Traditional Culture of the Kuban
e-mail: ribkosn@mail.ru

The author of the article considers the position of the Orthodox clergy in the Kuban and Stavropol territories after the October Revolution of 1917 and during the first years of the Civil War. The article shows the attitude of the clergy to the overthrow of the monarchy and to the new government. The author speaks about the activity of the priesthood and priests during the confrontation of the white and the red, about their civil position. Some of them urged the warring parties to love and mercy, others supported the Volunteer Army. Examples of the brutal murders by the Red Army's soldiers the Orthodox clergy of Kuban and Stavropol are given. The author discusses the reasons of the betrayal by his people and about the causes of the Civil War. The material situation of the clergy of the Kuban and Stavropol Territory during the first years of the Civil War is shown. The priests had to look for additional earnings unrelated to parish activities. Examples of the transformation of traditional ceremonies and holidays for Orthodox Christians are given. They began to be celebrated in the houses of culture, as soviet holidays. Changes in the management of the Church in the Kuban and Stavropol regions are considered.

Keywords: *Orthodox clergy, Red Army men, Civil War, church administration, cossacks, Bolsheviks.*

Калиновский В. В.

На началах соборности: Таврический епархиальный съезд духовенства и мирян (май 1917 г.)¹

В статье рассматривается малоизвестный эпизод истории православия на Юге России – Таврический епархиальный съезд духовенства и мирян в мае 1917 г. Проведенный на волне «церковной революции», он стал отражением настроений, которые преобладали в духовной среде после Февральской революции. Подробно рассмотрена повестка собора, специфика его решений. Особое внимание уделено деятельности фигур, которые сыграли заметную роль в истории Русской православной церкви: участнику Всероссийского поместного и Ставропольского соборов архиепископу Димитрию (Абашидзе), священнику А. Эндеке и пр.

Ключевые слова: Таврическая епархия, епархиальный съезд, Димитрий (Абашидзе), 1917 г.

Триумфом «церковной революции» 1917 г. в Таврической епархии стал епархиальный съезд клира и мирян, который прошел в Симферополе с 12 по 23 мая. Созванный на началах соборности, он должен был на местном уровне решить неотложные вопросы жизни Церкви (включая наиболее принципиальный – об отделении от государства) и определить программу дальнейших действий. Съезду уделила большое внимание местная светская пресса, благодаря чему есть возможность восстановить ход собрания и основные принятые решения. Мероприятие собрало 124 депутата из всех уголков епархии,

¹ Исследование подготовлено при поддержке президентского гранта по государственной поддержке научных исследований молодых российских ученых-докторов наук, номер проекта МД-5771.2018.6. «Духовный форпост России в эпоху войн и революций: православное духовенство Крыма в 1914–1920 гг.».

включая представителя от военно-морского духовенства Севастополя.

Перед открытием съезда архиепископ Димитрий (Абашидзе) в кафедральном Александро-Невском соборе в присутствии всех членов съезда совершил молебен, перед которым поприветствовал делегатов и пожелал, чтобы они «потрудились в пользу Церкви успешно, дружно, в мире и братской любви при благодатной Божией помощи». После богослужения духовенство и миряне переместились в зал епархиального женского училища, где проходили все заседания съезда¹. Мероприятие началось с молитвы «Днесь благодать Святаго Духа нас собра», после которого ключарь кафедрального собора протоиерей П. Добров огласил послание Святейшего Синода к духовенству и мирянам. После этого был пропет Символ Веры.

Открыло съезд выступление архиепископа Димитрия (Абашидзе). Он призвал депутатов к продуктивной работе, в согласии с учением Православной Церкви и святых отцов. Иерарх указал на заслуги русского духовенства, «которое всегда участвовало во всех страданиях русского народа и вместе с ним работало на благо свободной родины и Православной Церкви свободной». Архиепископ объявил собрание открытым и покинул его². Такой поступок Преосвященного можно истолковать двояко. С одной стороны, он продемонстрировал нежелание своим авторитетом влиять на решения съезда, полностью отдав решение насущных вопросов на усмотрение депутатов. С другой стороны, тем самым он снимал с себя ответственность за происходящее на съезде, переложив ее на собравшихся представителей клира и мирян. Так или иначе, решение покинуть съезд – это поступок опытного политика от Церкви, каковым Димитрий (Абашидзе), несомненно, являлся.

Временным председателем собрания в отсутствие архиерея стал протоиерей П. Забоев. Незамедлительно был избран посто-

¹ Епархиальный съезд // Известия Таврического губернского общественного комитета (Губернские ведомости). 1917. № 11. 18 мая.

² Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 108. 16 мая.

янный состав президиума съезда, в который вошли: в качестве председателя – священник Василий Городынский, заместителями которого стали миряне А. П. Барановский и С. Ф. Фокин. Секретарями собрания были избраны священники А. Иванов и Н. Некрасов и граждане В. М. Голубев и А. В. Жданко. Также была организована юридическая комиссия.

После выборов по предложению одного из депутатов съезд почтил вставанием память павших за свободу борцов и пропел им «вечную память». После этого было единогласно принято постановление отправить приветственные телеграммы наиболее видным деятелям революционного момента: председателю Временного правительства Г. Е. Львову, обер-прокурору Святейшего Синода В. Н. Львову, военному и морскому министру А. Ф. Керенскому и командующему Черноморским флотом А. В. Колчаку. В этих обращениях следует отметить следующие моменты: возвышенный, даже с определенной экзальтацией, слог телеграмм, выражение полной лояльности новому режиму, но при этом и отдельные нотки несогласия с отдельными решениями реформируемой церковной власти, готовность помогать революционным силам всеми возможными способами, в том числе материальными средствами. В телеграммах Таврического епархиального съезда духовенства и мирян отразились все надежды того времени, когда эйфория от обретенной свободы еще не пошла на убыль. Приведем текст этих обращений полностью.

Главе Временного правительства князю Г. Е. Львову была послана такая телеграмма: «Епархиальный съезд духовенства и мирян Таврической губернии с полным доверием приветствует Временное Правительство в твердом убеждении, что оно закрепит за дорогой родиной и православной церковью основы долгожданных свобод, без которых государство и церковь обречены на гибель».

Обер-прокурор В. Н. Львов получил следующее обращение: «Епархиальный съезд Таврического духовенства и мирян, в первый раз собравшись на соборных началах, приветствует в

лице вашем всех защитников свободной церкви и начал соборности в ее жизни, не скрывая в то же время невольной тревоги нашей наболевшей православной души о том, что подготовительные работы в комиссии о реформе прихода и церковного управления проводятся не на строго демократических началах и от присутствия как в составе синода, так и в подготовительных комиссиях, чиновников, идейных вдохновителей Победоносцевского режима».

Как к защитнику свободы, епархиальный съезд обратился к командующему Черноморским флотом А. В. Колчаку: «Когда по всей Руси грозным эхом прокатились слова “Отечество на краю гибели”, из колыбели веры Православной, древнего Херсонеса Таврического, раздался мощный призыв моряков Черноморского флота к немедленному объединению всех граждан в одном только лозунге: отразить жестокого врага, вознесшего меч для смертельного удара независимости дорогой родины и только что воскресшей свободы ее граждан. Церковь Таврическая в лице духовенства и мирян, впервые на началах свободного управления собравшихся на епархиальный съезд, не может не сознавать, что вместе со смертью свободы гражданской умрет и давножданная свобода церкви православной, а потому с восторгом приветствует дорогих своих сынов, славных черноморских моряков во главе с командующим флотом, выражает им полное доверие и обещает придти к ним на помощь не только всей силой благодатных средств раскрепощенной церкви, но и теми материальными жертвами, которые потребует от нее спасение родины».

Наиболее насыщенной словами восторга стала телеграмма, направленная А. Ф. Керенскому: «Идейный вождь трудовой России и воевода народной армии и флота Александр Федорович! Тебе вверена защита интересов трудящихся, тебе вверена защита родной Руси от жестокого врага демократии всего мира. Стой же твердо, честный борец, за тобой идет вся трудовая Русь. Кликни клич, Минин земли Русской, – мы же, клир и миряне Тавриды, приветствуем в лице твоём армию и флот,

снесем тебе всю утварь, все золото и драгоценности церкви и все, что имеем, а ты, вперив очи орлиные, зорко блюди интересы государственные Свободной Руси»¹. Характерно, что издававшийся в Петрограде «Всероссийский церковно-общественный вестник», фактический рупор «церковной революции», из всех отправленных телеграмм, опубликовал лишь обращение к А. Ф. Керенскому².

После подготовки текстов телеграмм съезд прослушал несколько речей о Севастополе. Священник П. Сербинов отметил, что «из колыбели веры православной от славных черноморцев раздался мощный голос – к спасению родины», а священник И. Хорошунов указал на полное единение в Севастополе между духовенством, армией, флотом и народом. В честь флота на заседании была устроена овация. Аплодисментами был встречен призыв И. Хорошунова внести единение в города и села Тавриды по примеру Севастополя.

Следующую часть епархиального съезда можно назвать его эмоциональной кульминацией. Один из священников призвал всех депутатов прийти на помощь государству «в минуту тяжелой минуты достоянием церковей и монастырей». На это товарищ председателя собрания А. П. Барановский, «убеленный сединами старик», ответил горячей речью, которая заканчивалась таким возгласом: «Да, мы все должны помочь нашей святой Руси, но слова без дела – мертвый звук. Верьте, духовные отцы наши, что если вы будете стоять на должной высоте, то мы, миряне, будем вас любить и уважать еще больше, хотя бы вы имели крест наперсный из дерева, а не из серебра и золота». После этих слов оратор снял с себя цепочку от часов и орден святого Владимира и положил на стол. А. П. Барановскому была устроена овация, и под несмолкающие аплодисменты на столе перед президиумом возникла горка из пожертвований. И священники, и миряне несли подношения – золотом, сере-

¹ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 109. 17 мая.

² Приветствие епархиального съезда А. Ф. Керенскому // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 34. 26 мая.

бром и деньгами. Атмосфера в зале была такой трогательной, что начались и громкие рыдания. Диакон, готовившийся к рукоположению и купивший себе наперсный крест, отдал его на благое дело, бедный псаломщик пожертвовал самую ценную и дорогую для него вещь – кольцо, украшенное драгоценным камнем. Один из священников отдал золотой наперсный крест, поднесенный ему паствой, поскольку, по его мнению, за такой поступок прихожане его не осудят, а будут еще больше любить. За короткое время было собрано 26 серебряных крестов и один золотой, а также другие ценные и дорогие вещи¹. Не остался в стороне от депутатов съезда и Таврический архиепископ Дмитрий (Абашидзе): он пожертвовал свою панагию, украшенную драгоценными камнями².

По поводу будущего пожертвованных крестов было принято отдельное постановление епархиального съезда: «Священники-депутаты Таврического епархиального съезда, движимые чувством горячего патриотизма, пожертвовали отечеству бывшие на них наперсные кресты с тем, чтобы эти кресты были сданы в государственное казначейство и перелиты в слитки, а из слитков, если правительство найдет возможным, были сделаны Георгиевские кресты для награждения воинов-героев. Что же касается, вообще, ношения наперсных крестов, то, признавая таковые отличительным знаком священнического сана, съезд постановляет необходимым уничтожение на крестах одних лишь инициалов имени царей»³.

К сожалению, проведение съезда, направленного на единение сил внутри Церкви, не обошлось без расколов и скандалов. Не вызвало вопросов у депутатов решение отказать в участии в заседаниях уполномоченному от женских монастырей Таврической епархии присяжному поверенному Крыжановскому как стороннему лицу, не принадлежащему к монашеской среде. Большой резонанс имел отказ епархиального съезда в пред-

¹ Епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 110. 18 мая.

² Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 111. 19 мая.

³ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 113. 21 мая.

ставительстве депутатам греческих церквей, поскольку они не составляли отдельного благочиния, а входили в состав разных благочиннических округов¹. По этому поводу временный эллинский центральный комитет представителей греческих церквей и обществ Таврической губернии выразил «глубокую скорбь и протест». Особенно греческую общину огорчило то, что на епархиальный съезд не были допущены те, «которые всегда высоко держали и охраняли заветы и догматы православной церкви»². Было принято решение считать постановления съезда необязательными для греческих приходов. Греческие депутаты, считавшие, что их община имеет свои особые потребности, вручила копию этого решения представителям епархиального съезда, после чего удалились с места проведения заседаний. Отдельное постановление по поводу решения епархиального собрания было утверждено на съезде представителей греческих церквей и обществ: «Сохраняя в незыблемости каноническую духовную связь с епископской властью, доколе она будет являться хранительницей и защитницей установленных веками и отцами церкви обычаев, обрядов и догматов православной восточной церкви, отныне действовать совершенно самостоятельно в упорядочении и управлении греческими церковно-общественными делами, вверяя их особым выборным органам, подчиненным центральному эллинскому комитету в Симферополе»³.

Постановление представителей греческих церквей вызвало сожаление съезда о нарушенном единении. Дело было поручено на рассмотрение юридической комиссии, однако фактически осталось без последствий⁴.

Однако все эти противоречия не мешали Таврическому епархиальному съезду решать как текущие проблемы приходской

¹ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 109. 17 мая.

² Съезд представителей греческих обществ и церквей Таврич. губ. // Крымский вестник. 1917. № 115. 18 мая.

³ Представители греческих церквей против епархиального съезда // Южные ведомости. № 110. 18 мая.

⁴ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 113. 21 мая.

жизни, так и основополагающие вопросы будущего устройства Церкви и ее взаимодействия с государством. Так, архиепископ Димитрий (Абашидзе) выразил готовность содействовать съезду во всех вопросах, в частности в вопросе об амнистии всех лиц клира, которые ранее подвергались наказаниям за проступки по службе. Иерарх просил депутатов выработать соответствующие положения по этому вопросу. В результате было принято решение амнистировать всех представителей духовенства, без передачи дел в юридическую комиссию¹.

Не забывали на епархиальном съезде о соответствии деятельности духовенства эпохе перемен. В частности, по случаю посещения Симферополя известной народницей, одной из руководительниц партии социалистов-революционеров, «бабушкой русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской было принято решение встретить и приветствовать ее от имени духовенства и мирян. Для этого была избрана делегация из восьми человек во главе с протоиереем А. Эндекой.

В полном соответствии с запросами времени был решен вопрос о церковных сборах на благотворительные нужды. Было решено не проводить никаких сборов в церквях во время богослужений, продавать свечи, просфоры и остальные предметы вне храмов, при этом все церковные средства должны были находиться в распоряжении совета приходской общины. Также было принято решение учредить ежегодный сбор «в пользу семейств борцов за свободу русского народа». Его намечалось проводить 27 февраля (в этот день в 1917 году началось вооруженное восстание, и были сформированы органы революционной власти) или в ближайший к этому дню праздник.

Важным вопросом на съезде было устройство церковно-приходской жизни. Высшей инстанцией для нее провозглашалось общее приходское собрание, которому передавалась вся полнота власти в приходах. Оно должно было собираться не менее одного раза в год, а право на участие в нем получали лица обоих полов, достигшие церковного совершеннолетия (то есть

¹ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 113. 21 мая.

возраста 15 лет – для прихожан и 13 – для прихожанок). Общее приходское собрание могло созываться или приходским советом (в составе не менее двух третей от его членов), или же самим приходом (в составе не менее одной двадцатой его части). Руководство приходскими собраниями принадлежало председателю, который каждый раз должен был избираться общим голосованием. В состав приходского совета должны были входить весь причт церкви, церковный староста и представители мирян обоего пола, избираемый приходским собранием на определенный срок. При этом предполагалось, что миряне должны составлять не менее двух третей от состава членов приходского совета. Работа в нем осуществлялась безвозмездно, без получения каких-либо наград и грамот. Из своей среды члены приходского совета избирали председателя, его товарища (заместителя), секретаря, казначея и других должностных лиц. Приходской совет пользовался всеми правами юридических лиц для приобретения и отчуждения недвижимых имений, для заключения займов от имени прихода, для возбуждения семейных и других имущественных и всякого рода дел, касающихся прихода, для рассмотрения годовых отчетов церковных сумм через особо избранных уполномоченных и других вопросов.

Приходской совет должен был направлять деятельность всех приходских организаций и следить за законностью действий всех приходских учреждений, подчиняясь высшей церковной власти. К числу других его функций относились: исполнение постановлений приходского собрания; подготовка дел, вносимых в приходское собрание; заведование имуществом прихода и его капиталами; принятие сборов, установленных приходским собранием; наблюдение за своевременным поступлением сумм; ежемесячная проверка приходских сумм и приходно-расходных документов; забота о приходском кладбище, об устройстве похорон бедных прихожан, об организации в приходе похоронной кассы; заботы о соблюдении святости праздничных дней и искоренении в приходе пьянства, сквернословия и других пороков; оказание помощи бедным; состав-

ление и представление приходскому собранию отчета о своей деятельности и др. Совет мог избрать особые примирительные комиссии для разрешения всех возникающих между клиром и мирянами спорных вопросов.

Приходской совет намечал кандидатов в члены причта, а их выборы производились общим приходским собранием, которое избирало и церковных старост, и членов приходского совета. Приходское собрание устанавливало обязательные сборы на нужды прихода и решало все финансовые вопросы, касающиеся прихода.

Удаление членов клира производилось церковным судом в составе епископа (или его уполномоченного из членов епархиального совета), представителей местного клира и местного общего приходского собрания, а также выборных от соседнего прихода. Решение такого суда следовало считать окончательным. Во избежание затягивания процессов суд должен был решать все дела в двухмесячный срок¹.

Другим важнейшим вопросом, обсуждавшимся на Таврическом епархиальном съезде, был вопрос об отношении Церкви к государству. Основным докладчиком по нему выступил преподаватель Таврической духовной семинарии, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии М. К. Богословский (после Гражданской войны принял священнический сан, был репрессирован и погиб в заключении, стал священномучеником). Он отметил, что интересы Церкви, государства и многомиллионного православного населения России требовали подходить к вопросу об отношениях Церкви и государства с особой осторожностью. В силу идейных соображений принцип отделения Церкви от государства и провозглашения религии частным делом каждого (по примеру Франции) он считал неприемлемым. М. К. Богословский предлагал другой «удобоприемлемый» для всех принцип – «свободная церковь свободного государства». При такой модели два автономных института не отделялись бы друг от друга, а действовали в «содружестве», «не врываясь

¹ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 111. 19 мая.

один в область другого, но совместно работая каждый в своей области над осуществлением начал справедливости, свободы, равенства и братства». Кроме того, по мнению докладчика, Православная Церковь считала бы делом справедливости пользоваться поддержкой государства наравне с другими вероисповеданиями в деле обеспечения духовенства и в признании права Церкви на участие в деле школьного обучения и воспитания. М. К. Богословский подчеркивал, что Православная Церковь не претендовала на господствующее положение и приветствовала свободу вероисповеданий, но была вправе занять в России положении «первой между равными», ввиду исторических заслуг и того, что три четверти населения страны исповедовали именно православие.

Доклад М. К. Богословского был заслушан депутатами с большим вниманием. Оратору была выражена благодарность, а полный текст выступления предполагалось напечатать для большего распространения¹. Поскольку вопрос об отношениях между Церковью и государством был очень принципиальным, состоялось его дополнительное обсуждение в присутствии архиепископа Димитрия (Абашидзе). Им были заслушаны доклады М. К. Богословского и М. А. Волошенко по этой теме. Съездом была единогласно принята компромиссная резолюция, предложенная священником П. Сербиновым и дополненная В. М. Марковым:

«Съезд духовенства и мирян Таврической епархии радуется освобождению церкви православной от рабства светской власти и, приветствуя свободу церкви, не страшится отделения церкви от государства, признавая это отделение высшим и идеальнейшим выражением полной свободы Христовой церкви. Принимая же во внимание бытовые и национальные особенности русского народа, съезд не может с единодушной готовностью приветствовать отделение церкви от государства на началах готовых западных образцов. Там светская власть освобождалась от закрепощения церковного, а потому

¹ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 112. 20 мая.

отделение сопровождалось умалением имущественных, просветительских и юридических прав церкви, а здесь церковь освобождается от рабства светской власти, и это отделение поработанной церкви должно сопровождаться сохранением за ней прав собственности, просвещения в духе православия и прав свободного исповедания без ограничения их публичности. Признавая, что всероссийский собор и Учредительное Собрание должны выработать основы существования свободной православной церкви, независимой от произвола светской власти и возглавляемой свободно избранным клиром и народом патриархом, съезд переходит к обсуждению очередных дел»¹.

Реформы затронули и принципы епархиального управления. Епархиальный съезд признал нужным упразднить благочиннический совет, вместо которого был учрежден окружной церковный совет. Он состоял на треть из клира и на две трети из мирян. Совет избирался на три года, причем ежегодно треть его членов должна была меняться, в первые два года – по жребию, а далее – по старшинству избрания. Если решения окружного церковного совета вступали в противоречие с канонами Церкви и законами государства, то председатель совета должен был отправлять их в высшие инстанции без подписания.

Другим новым органом церковной власти по воле съезда становился церковно-епархиальный (епископский) совет. Он функционировал под председательством епархиального архиерея и состоял из представителей духовенства и мирян епархии, избираемых епархиальным съездом на три года. Съезд определил, что в состав епископского совета входит шесть действительных членов и шесть кандидатов к ним, поровну от клира и мирян. Для оперативного решения вопросов епархиальной жизни совет должен был проводиться в виде выездных сессий. Содержание членов епископского совета определялось в 10 рублей суточных, а также выделялись «прогонные» и «квартир-

¹ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 113. 21 мая.

ные» средства. Срок полномочий совета также ограничивался тремя годами¹.

Среди прочих решений Таврического епархиального съезда следует отметить следующие постановления. Были избраны комиссии для ревизии епархиальных учреждений². По вопросу о страховании церковных имуществ было решено восстановить ранее упраздненное епархиальное страховое общество и просить Синод вернуть страховой капитал, принадлежавший Таврической епархии. Ведение метрических книг (куда вносились актовые записи о родившихся, сочетавшихся браком и умерших) ввиду их документальной важности было сохранено, а исповедные книги упразднены. Судьбу церковно-приходских школ епархиальный съезд вверял на усмотрение приходов: их можно было либо передать в ведение Министерства народного просвещения, или оставить за собой. Было признано желательным ввести в духовно-учебных заведениях автономные начала на правах равного участия в его применении как для педагогических корпораций, так и для представителей духовенства и мирян. При этих заведениях было решено учредить общий родительский совет. Также решено было отказаться от практики массового увольнения учащихся, которая широко применялась во время политической нестабильности 1905–1907 годов³.

Количество членов Таврической духовной консистории ограничивалось тремя, содержание каждому определялось в 4000 рублей, а срок полномочий – в 3 года⁴. Вопрос о пересмотре чина богослужений Таврический епархиальный съезд передавал на рассмотрение Всероссийского поместного собора. При этом было рекомендовано внести исправления и изменения в тексты богослужебных книг, а богослужения проводить на старославянском или «родном материнском» языках, с более

¹ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 112. 20 мая.

² Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 111. 19 мая.

³ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 115. 25 мая.

⁴ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 112. 20 мая.

активным привлечением прихожан к деятельному участию во время их проведения, в том числе в пении и раздаче молитвенников. По воле съезда были отменены знаки отличий для священнослужителей всех степеней иерархии.

Интересно отметить обсуждение вопроса об одежде и внешнем виде священников. Епархиальным съездом было отмечено, что одежда духовенства тесно связана историческими и бытовыми нитями с «укладом мировоззрения православного русского люда», а дух церковных канонов выступал против «изящества убора волос и цвета платья», но не против покроя одежды и длины волос. В этой связи Таврический епархиальный съезд решил, «не надламывая совести прихожан», предоставить решение этого вопроса «самой жизни и суду совести пастыря и прихожан». Характерно, что сама жизнь во многом уже начала решение этой проблемы – отдельные священнослужители прибыли на заседания съезда с подстриженными бородами¹.

По вопросу о второбрачии священников съезд также выразил пожелание, чтобы на поместном соборе, приняв во внимание тяжелые условия жизни вдовых священнослужителей, были внесены соответствующие изменения в церковные каноны. Все бракоразводные дела, по решению епархиального съезда, должны быть изъяты из церковного суда и переданы в гражданские судебные органы. Вопрос о содержании духовенства передавался на решение приходских общин, в соответствии с местными условиями жизни и имеющимися материальными источниками².

На Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве депутатами от клира Таврической епархии были избраны протоиерей П. Сербинов (Алушта), протоиерей С. Щукин (Аутка), протоиерей П. Лебедев (с. Трояны), псаломщик Червяков (Симферополь), диакон Елизаров (Ялта). Делегатами от мирян стали граждане Володкович (Гальбштадт), Сенкевич (Феодо-

¹ На епархиальном съезде // Ялтинская новая жизнь. 1917. № 60. 25 мая.

² Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 113. 21 мая.

сия), Семенов, Ярышкин и Корожич (другой вариант написания фамилии – Коротич)¹.

23 мая 1917 г. состоялось последнее заседание епархиального съезда, которое посетил Таврический губернский комиссар Н. Н. Богданов, который поприветствовал участников съезда и выразил желание, чтобы епархиальные депутаты проинформировали о своих решениях губернский съезд общественных комитетов. Также глава губернии просил духовенство содействовать успеху «Займа Свободы», крупнейшего внутреннего кредита у населения, осуществленного Временным правительством. Священнослужители заверили Н. Н. Богданова, что приложат все старания к популяризации займа.

Затем съезд посетил архиепископ Димитрий (Абашидзе), который пожелал депутатам работать на местах с любовью для блага Церкви. Делегаты выразили иерарху полное доверие. Снова стоит отметить грамотное политическое решение владыки: поступившись малым, делегировав съезду право утвердить основные принципы епархиальной жизни и составить рекомендации для деятельности Церкви в России, он успокоил все страсти в духовной среде, сохранил для себя епископскую кафедру. В то время, когда в отдельных епархиях паства в буквальном смысле выносила иерархов из архиерейских домов, в Таврической епархии удалось на короткое время сохранить относительное спокойствие и плодотворное взаимодействие между клиром и мирянами².

Таврический епархиальный съезд наиболее подробно освещался газетой «Южные ведомости», благодаря публикациям которой удалось восстановить его основные постановления. Отдельные распоряжения съезда публиковались в «Известиях Таврического губернского общественного комитета», преемника губернских ведомостей³. Петроградский «Всероссийский церковно-общечерно-земельный комитет» также опубликовал в своем журнале «Вестник» материалы о работе съезда.

¹ Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 113. 21 мая; Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 115. 25 мая.

² Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 115. 25 мая.

³ Епархиальный съезд // Известия Таврического губернского общественного комитета (Губернские ведомости). 1917. № 14. 25 мая.

ственный вестник» познакомил своих читателей с избранными решениями собрания духовенства и мирян Таврической епархии, однако своеобразно их истолковывая. Так, по мнению этого издания, епархиальный съезд высказался за отделение Церкви от государства, что не соответствует действительности¹. На наш взгляд, наиболее глубокий анализ событий Таврического епархиального собрания был дан в газете «Ялтинская новая жизнь». Учитывая, что это издание регулярно предоставляло свои страницы протоиерею С. Щукину, который был одним из делегатов съезда, можно предположить, что этот материал был подготовлен не без его участия. В статье ялтинской газеты стоит выделить рассмотрение настроений духовенства Таврической епархии накануне съезда и влияние собрания на дальнейшие направления деятельности клира. Также в указанном материале содержится едва ли не единственное свидетельство о намерении местных общественного комитета и совета рабочих депутатов убраться с Таврической кафедры архиепископа Димитрия (Абашидзе):

«До сих пор из разных пунктов губернии сообщалось о том, что духовенство растерялось, что местами оно проявляет контрреволюционную деятельность, что крестьяне враждебно настроены к духовенству, не принимающему активного участия в поддержании народных требований и т. п.

В общем, среди духовенства наметилось три течения: за поддержку свободы и завоеваний революции, явное или скрытое враждебное отношение к революции и выжидательно-пассивное.

Следует заметить, что взоры духовенства были направлены в «епархию»; все ждали, что скажет и как будет действовать архиепископ Димитрий. Но последний окончательно растерялся и проявил такие тенденции, что в общественном комитете и совете рабочих депутатов возникла была мысль об удалении высокопреосвященного с поста, в виду вредного влияния его политики на настроение духовенства.

¹ Церковь и государство // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 36. 28 мая; Таврический епархиальный съезд духовенства и мирян // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 48. 14 июня.

Теперь после епархиального съезда, привлекшего лучшие силы духовенства и впервые привлекшего мирян к разрешению вопросов церковной жизни, нужно полагать, линия поведения духовенства, в особенности младших чинов клира (дьяконов и псаломщиков) определится ясно и определенно в пользу новой России, освобожденной от распутинского гнета церкви»¹.

В публикации «Ялтинской новой жизни» обосновывалась и позиция съезда по вопросу об отношениях между Церковью и государством. Отмечалось, что духовенство не решилось поддержать идею о кардинальном отделении Церкви, поскольку опасалось, что без поддержки государства клир и храмы не смогут достойно существовать.

Таким образом, Таврический епархиальный съезд духовенства и мирян был призван решить наиболее важные вопросы церковной жизни. Повестка этого мероприятия демонстрирует целый комплекс проблем, которые необходимо было решать. В соответствии с историческими обстоятельствами, большая часть постановлений епархиального съезда подчеркивала необходимость демократизации жизни Церкви, ее существенного реформирования, начиная от канонов и заканчивая внешними проявлениями (такими как вопрос о длине волос у священнослужителей). В отдельных своих проявлениях стремления съезда обновить церковный уклад были близки к обновленчеству, однако на том историческом этапе Таврическое духовенство осталось верным церковной традиции. Что касается решений съезда, то часть из них осталась без последствий, другие получили свое продолжение в работе Всероссийского поместного собора, третьи активно применялись в епархиальной жизни в течение 1917 г., но быстро сошли на нет под воздействием бурных политических и церковных событий последующих лет.

Библиографический список

1. Епархиальный съезд // Известия Таврического губернского общественного комитета (Губернские ведомости). 1917. № 11. 18 мая.

¹ На епархиальном съезде // Ялтинская новая жизнь. 1917. № 60. 25 мая.

2. Епархиальный съезд // Известия Таврического губернского общественного комитета (Губернские ведомости). 1917. № 14. 25 мая.
3. Епархиальный съезд // Южные ведомости . 1917. № 110. 18 мая.
4. На епархиальном съезде // Ялтинская новая жизнь. 1917. № 60. 25 мая.
5. Представители греческих церквей против епархиального съезда // Южные ведомости. № 110. 18 мая.
6. Приветствие епархиального съезда А. Ф. Керенскому // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 34. 26 мая.
7. Съезд представителей греческих обществ и церквей Таврич. губ. // Крымский вестник. 1917. № 115. 18 мая.
8. Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 108. 16 мая.
9. Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 109. 17 мая.
10. Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 111. 19 мая.
11. Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 112. 20 мая.
12. Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 113. 21 мая.
13. Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 115. 25 мая.
14. Таврический епархиальный съезд духовенства и мирян // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 48. 14 июня.
15. Церковь и государство // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 36. 28 мая.

Сведения об авторе

КАЛИНОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВИТАЛЬЕВИЧ –
кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии
Института истории Санкт-Петербургского государственного
университета.

e-mail: v.kalinovskyi@yandex.ru

On the principles of conciliarity: Tauride Diocesan Congress of Clergy and Laity (May 1917).

Vladimir V. Kalinovsky

Candidate of History, Associate professor of the Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University

e-mail: v.kalinovskyi@yandex.ru

The article examines a little-known episode in the history of Orthodoxy in the south of Russia – the Taurida diocesan congress of clergy and laity in May 1917. Held on the wave of the «ecclesiastical revolution», it reflected the mood of the clergy after the February Revolution. The Council's agenda and the details of its decisions are examined in detail. Special attention is paid to the activities of figures who played a prominent role in the history of the Russian Orthodox Church: Archbishop Demetrius (Abashidze), a participant of the All-Russian Local and Stavropol Councils, priest A. Endeke, and others.

Keywords: *Taurida diocese, diocesan congress, Dimitry (Abashidze), 1917.*

Кияшко Н. В.

Административно-территориальная реформа Юго-Восточного Русского Церковного Собора в контексте развития церковной жизни южных епархий

Юго-Восточный Русский Церковный Собор стал отправным моментом истории ряда епархий Юга России. Собор в Ставрополе реализовал решения Всероссийского Поместного собора с учетом специфики местной церковной жизни. Прослеживается предыстория административно-территориальной реформы Юго-Восточного Русского Церковного Собора, обозначаются позиции противников и сторонников реформы, приводятся данные в пользу обоснованности соборных решений. Делается вывод о том, что проверенные временем и заложившие основу современной структуры церковного управления на Юге России решения Юго-Восточного Русского Церковного Собора соответствовали запросам властей, духовенства и мирян региона.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Гражданская война, Временное высшее церковное управление, Ставропольский собор 1919 г., епархии Юга России.

Юго-Восточный Русский Церковный Собор явился центральным явлением церковной истории Юга России периода Гражданской войны и по праву может быть назван событием, отразившем основные проблемы и ожидания духовенства и мирян южных епархий. Соборные решения стали естественным продолжением реформенных процессов, начатых Всероссийским Поместным Собором, и отвечали проблемам, поставленным еще в 1917–1918 гг. епархиальными съездами духовенства.

Актуальность решений и преобразований Собора призна- на не только его участниками, но и современными исследова- телями, обращающимися к соборному наследию в контексте церковного дискурса. Существенный вклад в изучение ре- формационных процессов церковной жизни, протекавших на Юге России в 1917–1920 гг., и исследование материалов Собора внесла Ю. А. Бирюкова, под руководством которой в 2019 г. был издан сборник соборных документов¹. Ранее результаты собор- ной деятельности и учреждение административного органа – Временного высшего церковного управления на Юго-Востоке России в перспективе его последующей деятельности в соста- ве Русской Православной Церкви Заграницей рассматривал А. А. Кострюков². Непосредственно проблему подготовки и реализации Собором административно-территориальной ре- формы южных епархий исследовалась Н. В. Кияшко совместно с Ю. А. Бирюковой³.

В рамках исследования решений Собора хотелось бы обра- титься к административно-территориальной реформе, резуль- таты реализации которой преобразовали существовавший ин- ституциональный ландшафт и сформировали новую систему епархиального управления.

Очевидно, к началу работы Собора проект реформы был согласован с главнокомандующим вооруженными силами А. И. Деникиным и его правительством, выступавшими иници- аторами реализации реформ. Преобразования обсуждались на четвертом заседании Собора, 22 мая 1919 г., и по этому поводу предварительно были вынесены четыре постановления отдела

¹ Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов / ред. Ю. А. Бирюкова. М., 2018.

² Кострюков А. А. Ставропольский собор 1919 г. и начало независимой церковной структуры на Юге России // Уральский исторический вестник. 2008. № 4. С. 71–75.

³ Кияшко Н. В., Бирюкова Ю. А. Административно-территориальная реформа южных епархий России в период Гражданской войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 85. С. 73–88. См. также: Кияшко Н. В. Особенности епархиального управления и церковной жизни на Кубани в 1919 году // Вопросы южнороссийской истории: научный сборник. Вып. 19. Армавир, 2015. С. 179–191.

о Высшем церковном управлении¹. В числе главных пунктов реформы рассматривались проблемы с выделением Кубанской области, Черноморской губернии и Приазовского викариатства в самостоятельные епархии и, соответственно, создания новых церковных органов административного управления. Особенный импульс актуализации административно-территориальной реформы епархиальных структур придавали культурно-географические особенности регионов и проживавшего на них населения. Потребность в сохранении баланса межэтнических и межкультурных отношений населения Черноморья и Абхазии также оказала значительное влияние на принятые Юго-Восточным Собором решения.

Необходимость перемен и их значимость неоднократно озвучивались еще до работы Собора как церковными, так и гражданскими властями. Процесс образования самостоятельной церковно-административной единицы в пределах Черноморской губернии был начат в 1916 г., но не принес никакого результата вследствие упорства епископа Сухумского Сергия (Петрова). Группа духовенства в ноябре 1916 г. ходатайствовала о присоединении черноморского духовенства к Ставропольской епархии, поскольку оно считалось «лишь только на бумаге духовенством Сухумской епархии, ничего общего с ним не имеет, ибо имеет все экономические дела с духовенством Ставропольской епархии»².

Новороссийский благочинный протоиерей В. А. Львов в докладной записке обер-прокурору Святейшего Синода от 7 февраля 1917 г. писал: «В Сухумской епархии легла резко очерченная грань, глубокой бороздой ставшая между ея северной частью и ея югом... и вот такие две половины чисто искусственно соединены под власть Епископа Сухумского. Общего между этими двумя половинами епархиальной паствы нет ничего...

¹ Бирюкова Ю. А. Вступительная статья // Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов. М., 2018. С. 29.

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 445. Д. 220. Л. 6, 6 об.

Даже пастыри чувствуют свою полную разобщенность между собою и не понимают друг друга... хотя и силятся говорить на одном государственном языке»¹.

В подтверждение целесообразности преобразований приводились следующие аргументы: упрощение финансовой системы через близость транспортного сообщения с епархиальным центром, облегчение перевода клириков на места, сокращение трудностей епархиального делопроизводства. Также он сообщал о состоявшемся 4 февраля 1917 г. заседании Новороссийской городской думы, на котором «единогласно высказано было сердечное желание иметь в своем городе главный духовный светильник» в лице самостоятельного епископа и подтверждены обязательства об оказании административной помощи новому епархиальному центру и бесплатного выделения земельного участка².

В свете ходатайств о преобразовании черноморских благочиний в новую церковно-административную единицу важно отметить инициативу строительства величественного собора в г. Новороссийске. 16 февраля 1917 г. черноморский губернатор обратился к начальнику Кубанской области с предложением поддержать строительство величественного Александровского собора-памятника в память императора-освободителя Александра II. «Здесь, на далекой окраине необъятной Русской земли, необходим храм, который своими размерами, архитектурой, убранством и красотой соответствовал бы мощи России и величию православия как господствующей в ней религии. Необходимо, чтобы каждый прибывающий сюда иностранец, каждый русский и туземец при виде этого храма чувствовал бы все это», – писал черноморский губернатор³.

В процессе обсуждения проблемы преобразования Кубанского викариатства в 1918 г. неоднократно звучали предложе-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 220. Л. 18 об., 19, 19 об.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 220. Л. 20 об., 21.

³ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 449. Оп. 1. Д. 551. Л. 1 об.

ния не только о придании области статуса самостоятельной епархии, но и о включении в ее состав четырех благочиний, расположенных на территории Черноморского побережья. 19 сентября 1918 г. священник И. Гревцов, делегированный в Москву от Ставропольско-Кубанского епархиального собрания, в докладной записке Святейшему Патриарху Тихону, излагая просьбу духовенства, просил выделить Кубанскую область в самостоятельную епархию с учреждением в г. Екатеринодаре самостоятельной кафедры, учредить два независимых друг от друга Ставропольский и Кубанский епархиальные советы, и присоединить к Кубанской епархии благочиния Черноморского побережья, в границах которых создать Новороссийское викариатство «на местные средства»¹.

Составлению этой записки предшествовало длительное обсуждение вопроса епархиальным собранием, на котором проблема выделения приходов Черноморья рассматривалась в тесной связи с отделением Кубанского викариатства. Члены собрания разделились на две группы, первую из которых условно можно назвать «Ставропольской», а вторую «Кубанской». «Ставропольская» группа, возглавляемая викарным епископом Александровским Михаилом (Космодемьянским), препятствовала отделению Кубани, приводя в поддержку своих утверждений исключительно формальные поводы. По их заявлению, это противоречило п. 47 определения Всероссийского Поместного Собора о Епархиальном совете, являвшемся административно-исполнительным органом для «содействия в управлении архиерею епархиальному», а не викарному. В обосновании своей позиции они так же приводили и экономический мотив – епархии тесно взаимосвязаны в общих средствах, и Ставрополь самостоятельно не сможет финансировать епархиальную деятельность. «Кубанская» группа, соглашаясь даже сохранить единую финансовую систему епархии, настаивала только на получении административной независимости: «...из-за некоторой [финансовой] выгоды для Ставропольской

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 57. Л. 6–6 об.

губернии совершенно немислимо задерживать удовлетворение законнейших и настоятельнейших нужд Кубанской епархии», – заявляли кубанцы-участники собрания¹.

26 сентября 1918 г. на заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета под председательством Святейшего Патриарха вопрос децентрализации управления Ставропольской епархии был рассмотрен на основании документов архиепископа Ставропольского Агафодора и священника И. Гревцова. По его результатам было принято решение образовать только два самостоятельных епархиальных совета (Ставропольский и Кубанский), а вопрос о выделении Кубанской области в отдельную епархию отложить до получения сведений об итогах обсуждения этого дела епархиальным собранием и последующего за ним отзыва архиепископа Агафодора. Образование Новороссийского викариатства также откладывалось до получения мнения епископа Сухумского².

Несмотря на невозможность созыва епархиального собрания, архиепископ Агафодор 20 ноября 1918 г. представил Святейшему Патриарху пространный рапорт с возмущением перспективой церковной самостоятельности Кубани и Черноморья, приводя в обоснование своей позиции невозможность ставропольских приходов самостоятельно обеспечить епархиальную деятельность без поддержки Кубани: «Ставропольская губерния, как церковно-юридическая единица, одна независимо от Кубанской области существовать не может... Монастыри Ставропольской губернии окончательно разорены, так что нуждаются сами в помощи и никак не могут быть источником для общепархиальных нужд, хотя бы в смысле содержания Архиереев»³. Приводя в пример нанесенный большевиками ущерб храмам г. Ставрополя и других населенных пунктов

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 57. Л. 2–3.

² Там же. Л. 1, 1 об.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 807. Л. 5. Машинописная копия: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 105–107. Оpubл.: Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов. М., 2018. С. 238–240.

епархии, архиепископ Агафодор умалчивал об уничтоженных до основания храмах станиц Бекешевской и Барсуковской, частично разрушенных и оскверненных храмах 28 населенных пунктов области¹.

Архиепископ Агафодор находил возможным разделение епархии только при условии, если в подчинение Ставропольской кафедры перейдут 7 кубанских благочиний, которые на тот момент входили в состав Ставропольского духовно-учебного округа и только в сфере церковного образования подчинялись Ставрополю. По его мнению, население этих благочиний, граничивших со Ставропольской губернией, не только географически, но и этнически находилось «неизмеримо ближе к Ставрополю, нежели к Екатеринодару»². Остается лишь недоумевать, как Преосвященный видел единство крестьян Ставрополя и казачьего населения Кубани, этнически и сословно разделенных между собой. Предложение Ставропольского Преосвященного осталось без поддержки высшей церковной власти. 2 января 1919 г. Святейший Патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет постановили оставить его рапорт без удовлетворения, отметив неизменность следования вынесенному ранее решению – предложить вопрос о разделении епархии на рассмотрение епархиальному собранию духовенства и мирян³.

В октябре 1919 г., вспоминая трудности в решении вопроса с самостоятельностью Кубани от Ставрополя, епископ Кубанский Иоанн (Левицкий) писал, что «трудно было Ставропольским духовным властям отрешиться от лакомого куска – Кубани». Он подчеркивал, как неоднократно консистория или архиепископ «вторгались» в решение вопросов, находившихся в компетенции Кубанского епископа, чему сопутствовало «опять недовольство и озлобление, опять дискредитирование

¹ Кияшко Н.В. Особенности епархиального управления и церковной жизни на Кубани в 1919 году ... С. 190.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 807. Л. 6.

³ Там же. Л. 4.

моего авторитета, где только можно и для них [духовных властей – Н. К.] полезно»¹.

С приходом на юг Добровольческого движения и белого правительства процесс выделения Черноморской губернии в самостоятельную епархию получил непосредственную личную поддержку А. И. Деникина. В письме к епископу Сухумскому Сергию от 8 января 1919 г. главнокомандующий отмечал необходимость «особенно энергичной, планомерной и согласованной» деятельности духовенства Черноморского побережья, которая могла быть достигнута путем разделения административной и церковно-иерархической ответственности: он предлагал, сохранив каноническое подчинение духовенства епископу Сухумскому, передать административное руководство на время продолжения военных действий протопресвитеру военного и морского духовенства Добровольческой армии Г. И. Шавельскому, «знакомому с задачами... командования и могущего согласовать деятельность указанного духовенства с нуждами и интересами армии»².

Такая управленческая схема, вызванная, по словам А. И. Деникина, «исключительными условиями данного момента», не только встраивала Шавельского в систему церковного управления занятых Добровольческой армией территорий, но и предполагала его активную вовлеченность в формирование особого общественно-политического статуса г. Новороссийска как нового центра гражданской и церковной власти³. Очевидно, что, по замыслам А. И. Деникина, протопресвитер Г. И. Шавельский должен был сыграть не последнюю роль в централизации церковного управления на занятых территориях, что и случилось позднее. Но, несмотря на всю масштабность замыслов главнокомандующего, договоренность с епископом Сергием не была достигнута, поэтому вопрос отложили до принятия соответствующего решения на Соборе.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л.174об.

² Рукописный фонд Абхазского государственного музея. Ф. 3. Д. 46. Л. 1.

³ Рукописный фонд Абхазского государственного музея. Ф. 3. Д. 46. Л. 1 об.

О выделении Черноморья из состава Сухумской епархии на Соборе докладывал благочинный 1 Черноморского округа протоиерей П. И. Беловидов. В качестве основного аргумента в пользу преобразований докладчик обозначил значительные межэтнические и социокультурные различия между населением Сухумского округа и Черноморской губернии, «различающимся не только по языку, нравам и обычаям, но и по религиозным обрядам»¹. Также отец Петр подчеркивал административные (трехуровневое подчинение: Грузино-Имеретинской Синодальной конторе, Сухумской епархиальной канцелярии и Ставропольской консистории) и экономические (сложная система финансовой зависимости от Синодальной конторы, Сухума и Ставрополя) проблемы, блокировавшие попытки интенсивной деятельности духовенства и приходов.

Стремление гражданской власти и церковной общественности к учреждению епархии ярко выражено в заключительной фразе доклада протоиерея Петра Беловидова: «Ждать больше нельзя. Архипастырь и паства единодушно сознают это»². После голосования постановление о переносе кафедры в г. Новороссийск и учреждении в г. Сухуме викариатства с присвоением титула Абхазского и Сухумского было принято. Решение о сохранении в кафедре в Сухуме диктовалось главным образом опасениями в том, что без епископа «абхазцы, остающиеся там... не смогут отстоять своей церковной самостоятельности от посягательств на них автокефальной Грузинской Церкви»³. Временно в г. Сухуме остался епископ Сергей (Петров), продолживший подписываться в документах с титулом «Абхазский и Сухумский, управляющий Черноморской епархией»⁴.

По настоянию представителя Кубанского краевого правительства А. П. Гаденко вопрос об отделении Кубани в самостоятельную епархию был включен в повестку обсуждений

¹ ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 об.

² Там же. Л. 24.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 3. Л. 8; Д. 5. Л. 114.

Собора. Докладчиком на Соборе выступил член Кубанского епархиального совета протоиерей Г. П. Ломако. Он обозначил основные административные, экономические причины, побуждающие духовенство и гражданскую власть выступить с инициативой создания самостоятельной епархии. «Дальнейшее промедление в решении этого вопроса недопустимо, так как во многих случаях нестроения в местной церковной жизни зависят именно от самостоятельности Кубанской Церкви», – отмечал докладчик¹.

Несмотря на очевидность необходимости отделения Кубанской области, представитель Ставропольской губернии священник Н. И. Козлов потребовал решения этого вопроса в соответствии с указом Святейшего Патриарха от 13 сентября 1918 г., на основании которого инициатива образования епархии должна была исходить от епархиального собрания. Принятие Собором самостоятельного решения по этому вопросу он считал каноническим нарушением, так как это противоречило бы воле Патриарха и высшей церковной власти в целом. В разделении Ставропольской епархии и Кубанского викариатства оратор не видел необходимости и находил его технически сложным. В обоснование своей позиции он привел чисто экономический аргумент – епархии тесно взаимосвязаны в финансовом обеспечении деятельности, предлагая с целью разрешения вопроса поручить Временному высшему церковному управлению «принять подготовительные меры»². Отец Н. Козлов категорически отрицал своевременность предложения о реформе, заявляя об уже фактическом существовании викариатства на правах самостоятельной епархии, лишь без формальной легализации титула правящего епископа. Представляя собой «Ставропольскую» группу противников разделения, священник в своем выступлении игнорировал результаты многолетнего обсуждения отделения Кубани.

¹ Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов. М., 2018. С. 134.

² ГАРФ. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 об.

Священник Г. П. Ломако, полемизируя против аргументов «Ставропольской» группы, указывал, что разделение благоприятно скажется не только на присвоении титула правящего епископа (формальной стороне процесса), но, что важнее, епархия получит «денежные ассигнования на епархиальные учреждения и жалованье духовенству»¹.

По результатам голосования предложение священника Н. Козлова было отвергнуто, а решение соборного отдела об учреждении самостоятельной Кубанской епархии утверждено². Войсковой старшина П. Е. Гладкий, церковный староста Екатеринодарского войскового собора и делегат от Кубанского краевого правительства, поздравил телеграммой правительство и население с учреждением самостоятельной Кубанской епархии³.

Примечательно, что в Соборном послании к Кубанскому казачьему войску наблюдается акцент на «христолюбивом» качестве казачества, поднявшемся в годы гражданского противостояния на защиту веры и Церкви и вступившем в ряды Добровольческой армии. При этом в тексте абсолютно игнорируется учреждение самостоятельной Кубанской кафедры, событие, явно имевшем для кубанского казачества эпохальное значение. Подлинник послания, подписанный председателем Собора архиепископом Митрофаном (Симашкевичем), епископом Арсением (Смоленцом) и протопресвитером Г. И. Шавельским и датированный 24 мая 1919 г., находится на хранении в Государственном архиве Краснодарского края⁴.

Процесс соборного обсуждения выделения Кубанского викариатства наглядно продемонстрировал глубокие институциональные проблемы, нерешенность которых провоцировала лишь больший антагонизм между кубанским и ставропольским духовенством. Кубанское краевое правительство, находившее-

¹ ГАРФ. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

² Там же.

³ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.

⁴ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 222. Л. 5-5 об.

ся вместе с Кубанской Радой в политической и административной конфронтации с главнокомандующим А. И. Деникиным, стремилось использовать проблему церковной самостоятельности епархии в своих интересах.

Думается, именно по причине «политического» оттенка, окрасившего инициативу кубанского духовенства, протопресвитер Г. И. Шавельский выступил с критикой соборного решения, дистанцировавшись от любых публичных поздравлений жителей Кубани с образованием местной епархии. Критическое отношение протопресвитера к «кубанскому церковному вопросу» вызвало недоумение общественности, возмущенной его критическими замечаниями о «самостийных» движениях «с шапкой на бекрень» во время соборной работы. Через несколько дней после окончания работы Собора в газете «Вольная Кубань» вышла критическая статья, выражавшая непонимание кубанцами действий отца Георгия, который «не только не поздравил православных христиан Кубанского Края с образованием самостоятельной епархии, но даже ни одним словом не упомянул об этом обстоятельстве в местной газете, хотя бы из вежливости за гостеприимство». «Неужели высокая духовная особа полагает, что у нас, на Кубани, существует не самостоятельная, а “самостийная” епархия?», – риторически спрашивали в газете¹.

Интересно, что впоследствии в своих воспоминаниях протоиерей Георгий Шавельский совершенно оставил без внимания свое критическое отношение к организации Кубанской епархии, причем даже характеризовал прибывших на Собор представителей краевого правительства, как проявлявших «удивительное спокойствие, бескорыстие, отзывчивость и политическую зрелость»².

Следующей частью реформы стала проблема епархиального устройства на территории области Войска Донского. Соборное

¹ Вольная Кубань. 1919. 1 июня. № 118. С. 1.

² Шавельский Г. И., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 343.

обсуждение этой проблемы состояло из двух тем: преобразования Донской архиепископии в митрополию и организации самостоятельного епархиального статуса Приазовского викариатства Екатеринославской епархии. Проект преобразования Донской архиепископии в митрополию был рассмотрен на заседании совета Собора 20 мая 1919 г. по инициативе представителей Донской епархии и Всевеликого войска Донского. Делегаты просили открыть митрополию в границах Всевеликого войска Донского, сюда же включить Приазовское викариатство Екатеринославской епархии, преобразовав его в самостоятельную епархию, и из трех северных округов области образовать новую епархию. Совет постановил передать вопрос в отдел о ВВЦУ¹.

В четвертом заседании Собора отдел о Высшем церковном управлении предложил рассмотреть проект постановления о преобразовании Приазовского и Таганрогского викариатства Екатеринославской епархии в самостоятельную епархию, Ростовскую и Таганрогскую, с центром в Ростове-на-Дону. В епархию должны были войти пять благочиннических округов².

Докладчик от отдела по данному вопросу, профессор П. В. Верховской, являлся основным проводником данной инициативы. На Соборе об образовании самостоятельной Ростовско-Таганрогской епархии ходатайствовали как представители самого Приазовского викариатства, так и Ростовское городское самоуправление. П. В. Верховской приводил следующие причины принятия настоящего решения: 1. давность поднятой проблемы, обсуждение которой было начато еще до революции 1917 г., 2. географическое удобство административного оформления церковной власти в пяти благочиниях, 3. расширение административных полномочий Таганрогского епископа.

Значение этому вопросу придавалось не только церковное, но и государственное: «Пресловутая «консисторская волокита»

¹ Бирюкова Ю. А. Вступительная статья // Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов. М., 2018. С. 32.

² Там же.

в значительной мере зависит от удаленности церквей от центральной духовной власти. Но главное, с созданием на Дону митрополии, с разделением обширной епархии на более мелкие, в значительной мере оживится церковно-общественная жизнь, как вообще на Юго-Востоке России, так в частности у нас, на Дону. В наш смятенный век все убедились, что Церковь – это единственный моральный оплот человечества. И потому все мероприятия к устроению Донской церкви будут действовать и строению государственной жизни Всевеликого войска Донского», – писал священник Василий Кожин в газете «Донские ведомости»¹.

О том, что дискуссия по этому вопросу была значительно более напряженной, чем это зафиксировал протокол, и вышла за рамки заседаний Собора, свидетельствует в своих воспоминаниях и протопресвитер Г. И. Шавельский. Надо отметить, что он в целом характеризовал вопросы административно-территориальных преобразований как наиболее остро и продолжительно обсуждаемые на Соборе, отмечая, что их обсуждение и попытки решения были начаты задолго до 1919 г.

Таким образом, реформенные процессы, санкционированные решениями Юго-Восточного собора, стали продолжением соборной деятельности Всероссийского Поместного собора и отражением институциональных, административных и экономических проблем местной церковной жизни. Изменения административно-территориального ландшафта и иерархии высшего церковного управления соответствовали запросам гражданской власти, духовенства и мирян юга России. Следовательно, Юго-Восточный собор сформировал епархиальные единицы, просуществовавшие в сложные годы антирелигиозной политики советской власти и ставшие основой тех епархий, которые составляют современную административную церковную структуру.

¹ Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов. М., 2018. С. 259.

Библиографический список

1. Вольная Кубань. 1919. 1 июня. № 118. С. 1.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 449. Оп. 1. Д. 551. Л. 1 об.
3. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.
4. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 222. Л. 5-5об.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 105–107.
6. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 174 об.
7. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 об.
8. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 3. Л. 8; Д. 5. Л. 114.
9. ГАРФ. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 об.
10. Кострюков А. А. Ставропольский собор 1919 г. и начало независимой церковной структуры на Юге России // Уральский исторический вестник. 2008. № 4. С. 71–75.
11. Кияшко Н. В. Особенности епархиального управления и церковной жизни на Кубани в 1919 году // Вопросы южнороссийской истории: научный сборник. Вып. 19. Армавир, 2015. С. 179–191.
12. Кияшко Н. В., Бирюкова Ю. А. Административно-территориальная реформа южных епархий России в период Гражданской войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 85. 2018. С. 73–88.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 445. Д. 220. Л. 6, 6 об.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 220. Л. 18 об., 19, 19 об.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 220. Л. 20 об., 21.
16. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 57. Л. 6–6 об.
17. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 57. Л. 2–3.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 807. Л. 5.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 807. Л. 6.
20. Рукописный фонд Абхазского государственного музея. Ф. 3. Д. 46. Л. 1.
21. Шавельский Г. И., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
22. Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов / ред. Ю. А. Бирюкова. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018.

Сведения об авторе

НИКИТА ВИТАЛЬЕВИЧ КИЯШКО –
секретарь комиссии по канонизации святых
Екатеринодарской епархии (Краснодар)
e-mail: kanonkuban@mail.ru

Administrative and territorial reform of the South-eastern Russian Church Council in the context of the development of church life in the Southern dioceses.

Nikita V. Kiyashko

Member of the Commission for the Canonization of Saints of Ekaterinodar Diocese

e-mail: kanonkuban@mail.ru

The South-eastern Russian Church Council became the starting point in the history of a number of dioceses in the South of Russia. The Council in Stavropol included the decisions of the All-Russian Local Council, taking into account the peculiarities of local church life. The prehistory of the administrative-territorial reform of the South-eastern Russian Church Council is traced, the positions of the opponents and supporters of the reform are outlined, and data in favour of the validity of the Council's decisions are given. It is concluded that the decisions of the South-eastern Russian Church Council, which have stood the test of time and laid the foundations for the modern structure of church governance in the South of Russia, have met the needs of the authorities, clergy and laity of the region.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Civil War, Temporary Higher Church Administration, the Church Council in Stavropol of 1919, Dioceses of the South of Russia.*

Ковырзин К. В.

Профессор П. В. Верховский и вопросы церковной реформы после Февральской революции 1917 г.

Статья посвящена исследованию взглядов на задачи и содержание церковной реформы одного из видных церковно-общественных деятелей юга России эпохи революции и Гражданской войны историка и правоведа, профессора Варшавского (Донского) университета Павла Владимировича Верховского. В статье впервые проанализированы публикации П. В. Верховского в церковной и светской периодической печати, относящиеся к периоду подготовки Поместного Собора Российской Православной Церкви (весна и лето 1917 г.) и посвященные широкому кругу вопросов церковной реформы. В публицистических работах этого периода П. В. Верховский рассматривал проблемы изменяемости канонов, реорганизации системы церковного управления на канонических началах, отношения Церкви к разным формам государственного устройства, формирования новой модели церковно-государственных отношений и изменения правового положения Церкви в государстве. П. В. Верховский считал первостепенной задачей церковной реформы восстановление канонического соборного строя управления и освобождение Церкви от подчинения государству, вместе с тем выступал против полного отделения Церкви от государства. Им был разработан проект изменения правового положения Церкви в государстве, предполагавший реализацию в России кооперационной модели церковно-государственных отношений. Этот проект получил поддержку большинства съездов духовенства и мирян и был положен в основу определения Поместного Собора 2 декабря 1917 г. «О правовом положении Православной Российской Церкви».

Ключевые слова: Российская Православная Церковь, церковная реформа, предсоборные дискуссии, церковно-государственные отношения, правовое положение Церкви в государстве, Поместный Собор, профессор П. В. Верховский.

Февральская революция 1917 г., положившая конец существованию самодержавной монархии в России, актуализировала вопрос проведения комплексной церковной реформы и изменения сложившейся в синодальный период системы церковно-государственных отношений, которая была признана неудовлетворительной в церковной среде.

Значительный вклад в разработку широкого круга вопросов церковной реформы внес историк церковного права профессор Варшавского (с 1917 г. Донского) университета Павел Владимирович Верховский¹, впоследствии – член Юго-Восточного Русского церковного Собора 1919 г. и деятельный сотрудник созданного им Временного высшего церковного управления на Юге России. В последние годы благодаря усилиям исследователей изучены основные вехи его жизненного пути, научной и педагогической биографии, введены в научный оборот источники, раскрывающие его деятельность в годы Гражданской войны². Однако церковно-общественная деятельность П. В. Верховского предсоборного времени остается малоизученной, а значительная часть его публицистического творчества не введена в научный оборот. До настоящего времени отсутствует полная библиография его публикаций в периодической печати. В данной статье предпринята попытка исследовать взгляды П. В. Верховского на задачи и содержание церковной реформы на материалах его публикаций, относящихся к периоду весны и лета 1917 г. – времени активной церковно-общественной дискуссии в контексте подготовки Поместного Собора Российской Православной Церкви.

¹ Другой вариант написания фамилии – Верховской.

² См.: Римский С. В. Верховский Павел Владимирович // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 23–24; Бирюкова Ю. А. Исповедь в застенках ВЧК. К биографии историка и общественного деятеля профессора протоиерея П. В. Верховского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 5 (48). С. 87–104; Она же. П. В. Верховский: судьба на рубеже эпох // Слава и забвение: парадоксы биографики: сборник научных статей / отв. ред. Л. П. Репина. СПб., 2014. С. 193–203; Шадрина А. В. Профессор Варшавского (Донского) университета П. В. Верховский: неизвестные страницы биографии и творческое наследие // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12. № 2. С. 105–112.

Церковно-общественная деятельность П. В. Верховского была тесно связана с кругом его научных интересов, глубокой личной религиозностью и укорененностью в православной традиции. На формирование П. В. Верховского как ученого и церковно-общественного деятеля большое влияние оказал его научный руководитель – профессор церковного права Санкт-Петербургского университета протоиерей М. И. Горчаков (член группы 32-х Санкт-Петербургских священников), сторонник церковной автономии и восстановления соборного строя. Занимаясь исследованием истории русского церковного права и вопросов взаимоотношений Церкви и государства, П. В. Верховский пришел к убеждению, что одной из коренных причин кризисного состояния церковной жизни в России является сформировавшаяся в синодальный период система церковно-государственных отношений, основы которой были заложены церковной реформой императора Петра I. Ее главные отрицательные черты заключались, по мнению ученого, в утрате Церковью юридической самостоятельности, превращении ее в государственное ведомство православного исповедания, в прикреплении духовенства к государственной службе и приспособлении церковного учения и жизни к требованиям государственных задач. Иерархия была лишена своей юридической самостоятельности и оказалась в зависимости от светского монарха, который позиционировал себя как главу Церкви¹. Эти научно обоснованные выводы обусловили позицию П. В. Верховского в отношении актуальных задач и содержания грядущей церковной реформы.

Искренне поддержав Февральский государственный переворот, П. В. Верховский был убежден в том, что в новых исторических условиях жизни российского государства и общества первостепенной задачей церковной реформы является восстановление канонического соборного строя церковного

¹ См.: *Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права.* Ростов-на-Дону, 1916. Т. 1. С. 684–686.

управления и освобождение Церкви от юридического подчинения государству при сохранении их социального и культурного сотрудничества. Уже в одной из первых мартовских публикаций он подчеркивал, что прежняя система государственной церковности и господствующего положения православия станет неприемлемой в новых общественно-политических условиях, и Россию ожидает переход к полной свободе совести и вероисповедания. Высшей церковной иерархии и духовенству, полагал П. В. Верховский, нужно осознать и принять эти грядущие изменения, адаптироваться к ним и быть готовыми к перспективе полного отделения Церкви от государства. «Духовенство, – отмечал он, – должно быть готово в себе самом найти силы отстоять свое положение и внушить к себе любовь и уважение народа, сохранив его для православия»¹.

С марта 1917 г. П. В. Верховский активно включился в церковно-общественную жизнь. Он принял участие в работе Екатеринославского епархиального собрания духовенства и мирян 21–22 марта и на нем был избран делегатом июньского Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве². По приглашению Святейшего Синода П. В. Верховский состоял членом работавшего в Петрограде Предсоборного совета³, а затем вошел в состав членов Поместного Собора⁴. В то же время он активно публиковался в церковной и светской периодической печати⁵, в том числе в официальном синодальном издании – газете «Всероссийский церковно-общественный вестник», благодаря чему получил возможность влиять на формирование реформаторских настроений значительной части приходского духовенства и активных мирян.

¹ *Верховской П. В.* Духовный подвиг в обновленной России // Церковь и жизнь. 1917. № 5/6. С. 70–71.

² Не участвовал в его работе по болезни.

³ Участвовал в заседаниях 1, 2, 8 и 9-го отделов Предсоборного совета, после 4 июля уехал из Петрограда из-за болезни ребенка.

⁴ Не смог принять участие в его работе по семейным обстоятельствам.

⁵ На данный момент выявлено более 20 его публикаций по церковным вопросам, относящихся к изучаемому периоду.

П. В. Верховский выделил шесть основных принципов правильного канонического порядка во внутренней жизни Церкви: «1) одинаковой активности в Церкви всех ее членов, 2) необходимости иерархии и священства, 3) выборного начала для всех церковных должностей, 4) известного равновесия церковных властей в смысле невмешательства в чужую юрисдикцию, 5) взаимного содействия и контроля с помощью стройной организации целой системы соборов, наконец, 6) начало самобытности Церкви и полной юридической независимости ее в своих внутренних делах от какой бы то ни было мирской власти»¹. Эти начала, выраженные в виде канонов, с точки зрения П. В. Верховского, составляют «конституцию» Церкви. По его мнению, только соответствующее этим основным положениям устройство и управление поместной Церкви может быть признано каноническим. При этом он утверждал, что неизменяемыми являются только те каноны, которые ограждают чистоту веры и нравственности в Церкви и ее «конституцию».

Следуя этому принципу, П. В. Верховский определил три основные задачи, стоящие перед грядущим Поместным Собором: 1) упразднение единолично-бюрократического строя церковного управления и замену его соборным, 2) сохранение при этом руководящей роли епископата и 3) создание системы правительственных учреждений с определенной компетенцией и строгим разделением чисто церковных и нецерковных дел². Рассуждая о соборности как фундаменте устройства церковной жизни, П. В. Верховский справедливо указывал, что понимание данного принципа в современном общественно-церковном сознании стало настолько неясным, что смешивается то с коллегиальностью решений, то с участием в церковном управлении широких слоев церковной общественности, иначе – демократией. В связи с этим он предостерегал от внесения

¹ *Верховской П. В.* Изменяемость канонов и ее пределы // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 27. 16 мая. С. 2.

² См.: *Верховской П. В.* Об устройстве высшего управления Православной Церкви в России // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 91. 11 августа. С. 1.

в церковную реформу чуждых ей политических схем. «Необходимость иерархии и принадлежность ей руководящей роли в Церкви является таким же основным законом церковной конституции, как и выборное начало всех церковных должностей, начало соборности и активного участия всех членов Церкви в ее жизни», – полагал П. В. Верховский, подчеркивая при этом, что епископское управление не должно быть «единоличным и самовластным»¹. Сделать его подзаконным и общественным, по мысли Верховского, должна правильная конструкция органов церковного управления с определенной компетенцией и со строгим разделением чисто церковных и нецерковных дел. Идеальным строем церковного управления профессор считал «соборное во главе с епископатом», причем «по делам веры, нравоучения, богослужения и церковной дисциплины авторитетное решение должно принадлежать епископам, а по делам административным и хозяйственным – духовенству и особенно мирянам, несущим на себе главную материальную тяготу»².

Церковная реформа, по мысли П. В. Верховского, не могла быть успешной без изменения характера отношений между епископатом, духовенством и мирянами. Эта тема раскрыта в его открытом письме российскому епископату³. Оно содержало типичные для публицистики того времени обвинения архиереев во властолюбии, надменном отношении к приходскому духовенству и нетитулованным мирянам и стремлении к внешнему благолепию, которое имело опору в прежнем государственном строе. По словам П. В. Верховского, «великая гордыня духа при внешнем “смирении”, стала отличительной чертой русского епископата, и он более всего был озабочен сохранением своего величия и пышности, требуя, особенно от рядового духовенства, безусловно “благопокорности”, раб-

¹ См.: *Верховской П. В.* Об устройстве высшего управления Православной Церкви в России // *Всероссийский церковно-общественный вестник.* 1917. № 91. 11 августа. С. 1.

² Там же.

³ См.: *Верховской П. В.* Открытое письмо к епископам Русской Православной Церкви // *Всероссийский церковно-общественный вестник.* 1917. № 3. 9 апреля. С. 1–2.

ского послушания и безгласности»¹. Так, публицист ставил в вину большинству архиереев то, что оно, принимая у себя посетителей, было «униженно любезно с сильными мира сего, с ханжами из светских титулованных дам и вместе с тем безжалостно сурово, гордо и самовластно с почтеннейшими протоиереями, священниками и др. клириками, которых заставляли подолгу выстаивать в передней, прежде чем выслушать по делу, иногда важному и спешному. Само собой очевидно, что при таком порядке вещей на долю вдов и сирот духовного звания и вообще скромных людей, с которыми отождествлял себя Христос, оставалась лишь унижительная снисходительность»². Несмотря на очевидную тенденциозность и односторонний характер столь негативной обобщающей оценки всего русского епископата, автор статьи вполне точно отметил одну из важных проблем внутрицерковной жизни – разобщение между епископатом, духовенством и мирянами. В связи с этим П. В. Верховский предупреждал, что в новых условиях общественно-политической жизни, с введением в России свободы совести и вероисповедания и вполне предсказуемым изменением правового положения Церкви в государстве, архиереи, «должны будут гораздо более заботиться о себе, о вверенном им духовенстве и о всем церковном обществе, потому что держащие власти, губернаторы и полиция, отошли в сторону. И если наши епископы не сплотят вокруг себя духовенства и мирян, согрев их искренней любовью и самоотверженными заботами, вызвав с их стороны чувство полного к себе доверия, то можно предсказать наверно, что жизнь церковная потечет помимо них, по крайней мере до тех пор, пока архиерейские престолы на заместят люди новой закваски, чуждые гордыни и “вельми жестокой епископов славы” (Духовный регламент)»³. В заключение автор открытого письма призывал высших цер-

¹ См.: *Верховской П. В.* Открытое письмо к епископам Русской Православной Церкви // *Всероссийский церковно-общественный вестник.* 1917. № 3. 9 апреля. С. 1.

² Там же. С. 2.

³ Там же.

ковных иерархов: «Встаньте во главе церковного обновления и прежде всего обновитесь сами. Отрекийтесь от старых приемов власти, к чему вас приглашал еще Феофан Прокопович в духовном регламенте. Имейте любовь и доверие к сотрудникам вашим, к низшему духовенству, которое, по существу, и несет на себе все тяготы высокого пастырского служения. Оставьте начальствование и будьте добрыми пастырями, какими были великие вселенские святители, и дайте нам мир церковный, по которому мы стосковались»¹.

Формирование новой модели взаимоотношений Церкви и государства П. В. Верховский считал важнейшей составляющей церковной реформы, отстаивая в этом вопросе два основных принципа: аполитичность Церкви (в смысле отказа от предпочтения той или иной формы государственного правления) и обеспечение ее юридической самостоятельности от государства.

Лично симпатизируя республиканской форме правления, П. В. Верховский предостерегал духовенство от чрезмерного увлечения политикой и отрицательно отнесся к попыткам некоторых съездов духовенства и мирян и левых церковных течений объявить республику единственной формой правления, соответствующей христианскому учению, усматривая в этом стремление «подладиться под общий тон республиканского демократизма». По мнению П. В. Верховского, «духовенству, как представителям веры и Церкви, не следует поспешно проклинать то, что оно только вчера благословляло, и благословлять то, что оно только вчера проклинали. Воздадите кесарево кесарю, а Божие – Богу и не мешайте веры с политикой»². Согласно П. В. Верховскому, любая форма государственного устройства и правления для религии и Церкви совершенно безразлична, если она гарантирует и строго проводит принцип свободы совести и вероисповедания.

¹ См.: *Верховской П. В.* Открытое письмо к епископам Русской Православной Церкви // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 3. 9 апреля. С. 2.

² *Верховской П. В.* Церковь и республика // Всероссийский церковно-общественный вестник. № 22. 7 мая. С. 2.

Вышеуказанный принцип должен был стать, по мнению П. В. Верховского, основой новой вероисповедной политики российского государства. Ни о каком «господствующем» положении Православной Церкви, которое поддерживалось бы мерами государственного принуждения, говорить отныне не приходилось. П. В. Верховский приветствовал отмену Временным правительством дискриминационных ограничений прав граждан, основанных на вероисповедной и национальной принадлежности. Вместе с тем он был убежден, что современное правовое государство должно признать все религии «наивысшей культурной ценностью, всячески поддерживать которую призвана власть во всяком цивилизованном государстве»¹. П. В. Верховский разделял убеждение, что государство, считающее своим долгом содействовать удовлетворению духовных и материальных запросов граждан, не может уклоняться от юридической и материальной поддержки религиозных организаций, которые «удовлетворяют самой высшей духовной потребности». Поддерживая науку, просвещение, литературу, искусство, театры, государство не могло, полагал профессор, «вопреки самосознанию всех русских граждан, устами Учредительного собрания, объявить все культы частным делом, подобно каким-либо спортивным организациям, клубам, собраниям и т. д.». Отстаивая принцип религиозной свободы, П. В. Верховский в то же время был убежден, что в России, в отличие от Соединенных Штатов Америки или Франции, отсутствуют объективные условия для полного отделения Церкви от государства. Он считал, что подобная мера не только поставит иерархию, духовенство и церковные учреждения в тяжелые материальные условия, нанесет тяжелый моральный удар 114 миллионам православных, которые, по принципу большинства, имеют право требовать «большого внимания к своей высокой религиозной потребности», но и утвердит в сознании подавляющего большинства населения России мысль о

¹ *Верховской П. В. Судьба православной Церкви в обновленной России // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 6. 14 апреля. С. 2.*

том, что «свергнутое самодержавие было единственной и лучшей опорой веры и Церкви»¹.

Свои основные практические предложения П. В. Верховский обнаружил в виде проекта отдела «о вере» предполагаемой российской конституции². Согласно ему, государство гарантировало всем гражданам, достигшим 16-летнего возраста, полную свободу совести и вероисповедания, включая право на вневероисповедное состояние (ст. 1). Проект предполагал передачу ведения актов гражданского состояния органам государственной власти (ст. 5), допускал факультативный гражданский брак (ст. 6), погребение без религиозного обряда (ст. 8). Религиозным организациям, признанным государством в качестве корпораций публичного права, предоставлялись автономия в их внутренней жизни, а также покровительство и материальная поддержка, пропорциональная числу принадлежащих к ним граждан (ст. 12 и 16).

Такая кооперационная модель церковно-государственных отношений предполагала дифференцированную государственную поддержку наиболее распространенных, влиятельных и исторически доминирующих в стране вероисповеданий при обеспечении основных прав религиозных меньшинств. Вместе с тем проект предусматривал первенство православия среди других вероисповеданий. Обосновывая его, П. В. Верховский ссылался на роль православия в истории России и численное превосходство православных граждан (114 из 166 млн., то есть около 70% населения)³. В соответствии с этим указывалось, что «вся государственная деятельность должна покоиться на православно-христианских началах культуры», а воскресные и праздничные дни Православной Церкви объявлялись нерабочими (ст. 20). К православному вероиспове-

¹ *Верховской П. В.* Судьба православной Церкви в обновленной России // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 6. 14 апреля. С. 2.

² См.: *Верховской П. В.* Проект отдела «о вере» в будущей конституции России // Московский церковный голос. 1917. № 8. С. 1–2; № 9. С. 1–2.

³ *Верховской П. В.* Проект отдела «о вере» в будущей конституции России // Московский церковный голос. 1917. № 8. С. 2.

данию должны были принадлежать президент и министр исповеданий Русской республики (ст. 12 и 19), во всех случаях, когда государство признавало нужным обратиться к религии, следовало прибегать к помощи православного духовенства (ст. 21)¹.

В проекте оговаривалось, что светская власть не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь религиозных организаций, круг ее полномочий строго ограничивался покровительством и надзором за соблюдением законов и государственных интересов (эти обязанности возлагались на министра исповеданий) (ст. 12). Однако и церковная автономия не должна была нарушать государственного суверенитета. В частности, предполагалось, что переписка духовных властей всех вероисповеданий с их единоверцами в других странах осуществляется лишь с ведома и одобрения министра исповеданий, и никакой акт, исходящий от иностранных духовных властей, не может быть обнародован и приведен в исполнение без его разрешения (это затрагивало, прежде всего, интересы католиков) (ст. 13)².

Необходимо отметить, что большинство статей проектируемого конституционного отдела «о вере» имели прецеденты и аналоги в зарубежном законодательстве. Например, обосновывая положение о принадлежности главы государства к православному вероисповеданию, П. В. Верховский ссылался на соответствующие нормы законодательства Болгарии, Греции, Сербии, Черногории, Австро-Венгрии, Испании, Италии и Португалии, Аргентины, Дании, Норвегии, Швеции³.

По существу, это был единственный детально разработанный профессиональным юристом законопроект, вышедший из среды церковной общественности, опиравшийся на зарубежный опыт и учитывавший российскую специфику.

¹ *Верховской П. В.* Проект отдела «о вере» в будущей конституции России // Московский церковный голос. 1917. № 9. С. 2.

² Там же.

³ *Верховской П. В.* Проект отдела «о вере» в будущей конституции России // Московский церковный голос. 1917. № 8. С. 2.

Предложенная П. В. Верховским модель церковно-государственных отношений создавала условия для сотрудничества светского (внеконфессионального) государства и религиозных организаций, как автономных в своей внутренней жизни публично-правовых институтов, на основе принципа равенства в правах всех признанных государством религий. Такой подход был конструктивной альтернативой как системе имперской государственной церковности, так и системе полного отделения Церкви от государства, идею которого активно пропагандировала социалистическая печать.

П. В. Верховский внес значимый вклад в формирование церковной позиции по вопросу взаимоотношений с государством. Основные принципы предложенного им проекта изменения правового положения Церкви в государстве получили поддержку значительной части церковного общества, что проявилось в ходе работ епархиальных съездов духовенства и мирян весной – летом 1917 г. Под влиянием его идей были выработаны резолюции по вопросу церковно-государственных отношений на Всероссийском съезде духовенства и мирян, прошедшем 1–12 июня 1917 г. в Москве. П. В. Верховский принял активное участие в разработке законопроекта о правовом положении Православной Церкви в государстве, принятого Предсоборным советом 14 июля¹. Этот документ стал основным рабочим материалом для открывшегося в Москве 15 августа Поместного Собора Православной Российской Церкви. Основные идеи проекта П. В. Верховского (публично-правовой статус Православной Церкви, ее автономия во внутренней жизни, право на государственное финансирование, первенство православия в ряду других вероисповеданий) нашли свое отражение в принятом Собором 2 декабря 1917 г. определении «О правовом положении Православной Российской Церкви»², которое вырази-

¹ См.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012. Т. 1. С. 987–988.

² См.: Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Собрание определений и постановлений. М., 1994. Вып. 2. С. 6–8.

ло официальную церковную позицию по вопросу перспективы церковно-государственных отношений и представляло собой церковный законопроект, адресованный предстоящему Учредительному собранию.

Библиографический список

1. *Бирюкова Ю. А.* Исповедь в застенках ВЧК. К биографии историка и общественного деятеля профессора протоиерея П. В. Верховского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 5 (48). С. 87–104
2. *Бирюкова Ю. А.* П. В. Верховский: судьба на рубеже эпох // Слава и забвение: парадоксы биографии: сборник научных статей / отв. ред. Л. П. Репина. СПб.: Алетей, 2014. С. 193–203.
3. *Верховской П. В.* Духовный подвиг в обновленной России // Церковь и жизнь. 1917. № 5/6. С. 70–71.
4. *Верховской П. В.* Изменяемость канонов и ее пределы // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 27. 16 мая. С. 2.
5. *Верховской П. В.* Об устройстве высшего управления Православной Церкви в России // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 91. 11 августа. С. 1.
6. *Верховской П. В.* Открытое письмо к епископам Русской Православной Церкви // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 3. 9 апреля. С. 1–2.
7. *Верховской П. В.* Проект отдела «о вере» в будущей конституции России // Московский церковный голос. 1917. № 8. С. 1–2; № 9. С. 1–2.
8. *Верховской П. В.* Судьба православной Церкви в обновленной России // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 6. 14 апреля. С. 1–2.
9. *Верховской П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону: тип. М. И. Гузмана, 1916. Т. 1. XXV, XLXXVIII, 686 с.
10. *Верховской П. В.* Церковь и республика // Всероссийский церковно-общественный вестник. № 22. 7 мая. С. 2.
11. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2012. Т. 1. 1376 с.
12. *Римский С. В.* Верховский Павел Владимирович // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 23–24.
13. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Собрание определений и постановлений. М.: Новоспасский монастырь, 1994.
14. *Шадрина А. В.* Профессор Варшавского (Донского) университета П. В. Верховский: неизвестные страницы биографии и творческое наследие // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12. № 2. С. 105–112.

Сведения об авторе

КОВЫРЗИН КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ –
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ПСТГУ
e-mail: kvk1983@yandex.ru

Professor P. V. Verkhovsky and the questions of church reform after the February Revolution of 1917

Konstantin V. Kovyrzin

*Candidate of History, Senior Researcher of the Orthodox St. Tikhon
Humanitarian University*

e-mail: kvk1983@yandex.ru

The article is devoted to the study of the views on the tasks and content of church reform of one of the prominent church and public figures of the South of Russia in the period of revolution and civil war, historian and jurist, professor of Warsaw (Don) University Pavel Vladimirovich Verkhovsky. The article analyses for the first time the publications of P. V. Verkhovsky in the ecclesiastical and secular press during the period of preparation of the Local Council of the Russian Orthodox Church (spring and summer of 1917), devoted to a wide range of issues of church reform. In his journalistic works of this period P. V. Verkhovsky dealt with the problems of the changeability of the canons, the reorganisation of the system of church government on canonical principles, the attitude of the church to different forms of state structure, the formation of a new model of church-state relations and changes in the legal position of the church in the state. P. V. Verkhovsky considered the primary task of church reform to be the restoration of the canonical cathedral system of government and the liberation of the Church from subordination to the state, while opposing the complete separation of the Church from the state. He developed a project for changing the legal status of the Church in the State, which envisaged the introduction of a cooperative model of Church-State relations in Russia. This project was supported by the majority of the congresses of clergy and laity and was the basis for the definition of the Local Council of 2 December 1917. On the Legal Status of the Russian Orthodox Church.

Keywords: *Russian Orthodox Church, church reform, pre-council discussions, Church-state relations, legal status of the Church, the Local Council, professor P. V. Verhovskiy.*

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)61
М59

Микуленок А. А.

Русская Православная Церковь в Польше (1920-е гг.)

Автор рассматривает историю Русской Православной Церкви в Польше в 1920-е гг. Показано не только положение Православной Церкви в Польше, трудности, с которыми сталкивались православные в период усиления католицизма, но и начало так называемого «гонения на православие». Показаны действия, предпринимаемые Католической Церковью для усиления ее роли, но и позиция и меры польского правительства в вопросе гонения на православие и отношении к происходящему как самого православного населения, так и непосредственно самих священнослужителей. Научное исследование основано на архивных материалах так называемого Пражского Архива (ГАРФ, г. Москва) и эмигрантской периодике, издававшейся в изучаемый период в Польше.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Польша, автокефалия, католицизм, гонения на православие, конфессиональная политика.

Изучением истории Русской Православной Церкви в межвоенный период занимались отечественные исследователи, уделяя внимание в том числе и истории Русской Православной Церкви в Польше, однако до сих пор комплексного исследования проведено не было¹. Поэтому целью данной работы является освещение такого малоизученного вопроса, как положение Русской Православной Церкви в Польше в 1920-е гг.

После подписания Рижского мирного договора 21 марта 1921 г. в состав Польши вошли часть Западной Украины и Белоруссии: Полесье (с Пинском, Сарнами, Барановичами),

¹ Косик В. И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008; Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х гг. М., 2007; Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь и автокефалия Польской Церкви // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. № 4. С. 17–27.

Гродненская губерния, Виленская губерния, Холмщина и вся Галицкая Русь, граничащая с Чехословакией и Карпатами, с проживавшим там православным населением численностью в 4,5 миллиона человек¹. Рижский мирный и Версальский договоры, как и польская Конституция, гарантировали свободу вероисповедания проживавшему на этих территориях местному населению. Однако гонения на Православную Церковь начались практически сразу: 22 октября 1919 г. было издано распоряжение генерального комиссара Восточных земель, согласно которому католическому духовенству необходимо было вернуть 497 православных храмов и часовен, конфискованных в прошлом у католиков. Однако в большинстве своем это было имущество, отнятое у православных в годы насаждения унии, а после разделов Польши вновь возвращенное². Кроме того, церкви при русских казармах превращали в склады для военного имущества или конюшни, а иногда и в отхожие места, крайне редко их разбирали на материалы или превращали в католические костелы³.

Помимо этого, в феврале–апреле 1919 г. начался процесс перевода православных храмов в католические, большинство из которых никогда прежде не были костелами, а все строительные работы проводились исключительно за счет пожертвований православных прихожан⁴. Например, в Сакольском уезде из 12 православных парафий (приходов) разрешение от польского правительства на совершение богослужения получили только 3, в Белостоцком уезде – 4 из 13, в Бельском – 9 из 38, в Волковысском – 9 из 25. В Старокорнитской парафии Вальского уезда был только униатский священник, прихожане неоднократно обращались к польским властям с просьбой назначить православного священника, однако их ходатайство всегда отклонялось по тем или иным причинам. Из соседней

¹ Попов А. Пора проснуться! Гонения на православных и русских в Польше в XX веке. СПб; Париж, 1993. С. 17–24.

² Там же. С. 21, 36, 42.

³ Там же. С. 42.

⁴ ГАРФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7. Л. 36–36об.

парафии священник не мог приехать без разрешения уездного старосты или правительства на свершение богослужения и проживание на территории уезда. Однако такое разрешение получить было практически невозможно. Без административного признания православные лишались возможности совершать требы и таинства по православному обряду: венчаться, крестить детей, погребать умерших, исповедоваться, причащаться и т. д. Поэтому для погребения умерших необходимо было обращаться к униатскому духовенству, однако оно совершало погребение только при одном условии – перехода в унию, в противном случае – отказ¹. Церкви, не имевшие правительственного разрешения на совершение богослужения, находились в аварийном состоянии (с прохудившейся крышей, выбитыми окнами и т. д.), так как не только использовать церкви по прямому назначению, но и производить ремонтные работы в них запрещалось. Репрессии распространились и на православное духовенство. Священник не мог свободно переезжать из парафии в парафию, в случае неподчинения – арест².

Были распространены случаи, когда ксендз при содействии полиции приезжал в православный приход с требованием выдать ключи от церкви, после чего престол разрубался на щепки, иконостас и иконы выбрасывались на улицу, а церковь закрывалась на ключ и через несколько дней превращалась в костел. Часто ксендзы приносили с собой «рабочие инструменты» – пилу и топор. Так, например, произошло в Волковысском уезде: ксендз потребовал от жены священника ключи от церкви, после отказа – ее с маленьким ребенком арестовали и вывезли в соседнее польское имение. После этого церковный замок был сломан, иконостас изрублен топорами и вместе с иконами выброшен на улицу. Через несколько дней приехал начальник

¹ Попов А. Пора проснуться! Гонения на православных и русских в Польше в XX веке. СПб; Париж, 1993. С. 26.

² Энеева Н. Т. Положение Русской Православной Церкви в новообразованных государствах, отделившихся от России в 1918–1922 гг. // Проблемы истории Русского Зарубежья. М., 2008. С. 50.

полицейского участка и потребовал, чтобы православные подписали акт, согласно которому все имущество, изъятое католиками, было сдано православным в целостности и сохранности. Акт был подписан с условием, что в ближайшее время его заменят вторым документом о сломанном и испорченном имуществе. Однако его так и не представили. В ответ на это православный священник начал протестовать против произвола местных властей, но его обвинили в организации волнений и перевели в другую местность по приказу министра исповеданий¹.

В сентябре 1921 г. в Новодворскую церковь Сокольского уезда во время литургии вошел полицейский, не соблюдая никаких религиозных канонов, и потребовал прекратить богослужение, что вызвало возмущение среди прихожан, однако священник отслужил богослужение до конца, после чего полицейский закрыл церковь своим ключом, забрав его с собой. Все попытки прихожан вернуть приход были тщетны². В октябре 1921 г. была конфискована церковь, изрублен и выброшен на улицу иконостас. Через несколько дней приехал Волковысский уездный староста с неизвестным ксендзом и двумя незнакомцами в светской одежде, к одному из которых обращались «доктор», несколько позже выяснилось, что это были польские иезуиты из Кракова. Староста потребовал от священника освободить церковный дом и подписать документы, что все церковное имущество было передано в целостности и сохранности. Священник отказался выполнить требование³.

Вскоре конфискации подверглись и православные церкви на кладбищах, построенные на пожертвования православных прихожан. На все жалобы православных приезжал ревировский (от польск. *rewirowy* – констебль), внимательно выслушивал их, осматривал все вокруг и уезжал, а через неделю православный приход все-таки превращали в католический.

В сентябре 1921 г. в управление католической церкви был

¹ ГАРФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7. Л. 36–37 об.

² Там же.

³ Там же.

передан православный монастырь в Жировицах, построенный в 1499 г. и никогда прежде не бывший костелом. Престол и иконостас были испорчены, монахов выгнали на улицу, а вместо монастыря открыли костел с католическим приютом на 140 детей, 120 из которых были православного вероисповедания, однако им запрещалось посещать православную службу, кроме того, к детям не допускали православного священника. Всех детей обучали на польском языке и водили молиться на католическое богослужение. Подобным способом были конфискованы церкви в Дойлидах, Кожанах, Королевом мосту, Кмышиках, Фаатах и т. д.¹

За преподавательскую деятельность священнослужители получали 20–50 злотых (4–10 амер. дол.) в месяц, в зависимости от местности, и жалование – 30–60 злотых (6–12 амер. дол.), что в целом составляло 50–110 злотых в месяц при прожиточном минимуме в 150 злотых². Кроме того, священник, отказывавшийся читать Закон Божий русскоязычным детям на украинском или польском языке, платил крупный штраф³.

Нередко возникали спорные вопросы о том, кому принадлежали посеы на отчуждаемых правительством православных землях⁴. Местные старосты принимали земли в свое управление и сдавали их в аренду, запрещая членам причта собирать урожай, посеянный до отчуждения. Для разъяснения ситуации высшими церковными властями был отправлен запрос в межведомственную комиссию по делам военной колонизации, после чего выяснилось, что согласно постановлению данной комиссии № 598 «посеы, произведенные до отчуждения, принадлежат прежнему владельцу этих земель».

В 1921 г. был издан указ № 199/1002, согласно которому церковные земли подлежали конфискации в пользу государства, если православный священник выезжал в Россию до 1915 г.

¹ ГАРФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7. Л. 36–37 об.

² ГАРФ. Ф. 5837. Оп. 1. Д. 304. Л. 11.

³ Попов А. Пора проснуться! Гонения на православных и русских в Польше в XX веке. СПб; Париж, 1993. С. 46.

⁴ За свободу! 1925. 20 янв. № 18. С. 3.

Однако почти все священники посещали Россию в указанный период, следовательно, поляки конфисковали почти все земли, но этот приказ не распространялся на земли, принадлежавшие католической церкви. Если земли не были конфискованы, то польские власти запрещали православному духовенству использовать их по своему усмотрению, а вместо этого сдавали в аренду третьим лицам, преимущественно католикам. Эта политика в первую очередь была направлена на разрушение православия, так как духовенство без земли, при бедности населения, обнищавшего в результате войны и вынужденной эмиграции, не могло существовать¹.

Отчасти в таком положении Русская Православная Церковь, по мнению Русского комитета в Варшаве, находилась по причине «отсутствия епархиальной власти: не было ни Архиерея, ни Консистории»². Кроме того, православие испытывало и недостаток священнослужителей. Связано это было с тем, что многие из них в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) по распоряжению военных властей были эвакуированы вглубь России, и на местах осталось не более 10 священников и иеромонахов, исполнявших пастырские обязанности для оставшихся православных. Из епископов остались лишь двое: Виленский архиепископ Тихон (впоследствии Святейший Патриарх Московский) и епископ Кременецкий Дионисий (Валединский), викарий Волынской епархии, впоследствии возглавивший православную церковь в Польше. Духовенство стало возвращаться только после начала реэвакуации в 1918 г.³ Однако, вскоре стал наблюдаться дефицит православных священнослужителей. Причины этого заключались в политике польского правительства по отношению к православию, а также переходе отдельных священнослужителей из православия в католичество по религиозным

¹ Энеева Н. Т. Положение Русской Православной Церкви в новообразованных государствах, отделившихся от России в 1918–1922 гг. // Проблемы истории Русского Зарубежья. М., 2008. С. 55.

² Там же.

³ За свободу! 1925. 17 апр. № 101. С. 3.

или финансовым соображениям¹. Помимо этого, и среди прихожан наблюдалось безразличие к положению православия, что способствовало популяризации различных течений католичества. Например, в Польше с 1918 г. действовала миссия иезуитов, проводившая активную агитационную работу среди православных по переходу в унию². Массовому распространению перехода в католицизм в начале 1920-х гг. мешало только правительство, не разрешавшее въехать на Волынь униатскому епископу, назначенному Римской католической церковью. Но главная причина церковного упадка заключалась в отсутствии высшего церковного управления, которое объединило бы всю церковную жизнь и по всем вопросам, связанным с ней, контактировало и дискутировало с правительством. Последнее согласно принципам государственной конституции готово было оказывать православной церкви всевозможную поддержку и внимание, но только после провозглашения автокефалии Православной Церкви в Польше³. Необходимость автокефалии заключалась еще и в том, что советское правительство проявляло недовольство политикой польского правительства в вопросе православного вероисповедания. Поэтому гонения на православное население стало использоваться как один из способов влияния советского правительства на политические события в Польше и решения вопроса о пребывании эмигрантов на территории Польши в свою пользу – их депортации. Например, 8 октября 1924 г. председатель делегации СССР П. Л. Войков выражал обеспокоенность положением православия в Польше, в частности гонениями на Холмщине: где из более 300 православных приходов осталось несколько десятков, остальные были закрыты, а помещения – конфискованы. Советское правительство неоднократно протестовало против преследования право-

¹ В ограде церковной. 1933. 5 нояб. № 9. С. 4.

² Энзева Н. Т. Положение Русской Православной Церкви в новообразованных государствах, отделившихся от России в 1918–1922 гг. // Проблемы истории Русского Зарубежья. М., 2008. С. 48–49.

³ ГАРФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об.

славия в Польше и разрушения храмов. Так, 22 июля 1922 г. НКВД РСФСР направил польской миссии в Москве ноту протеста в связи с притеснениями православных. В ней отмечалось, что «вопреки польской Конституции и Рижскому мирному договору, гарантировавшим свободу вероисповедания, начались гонения на православие. В частности, из 38 приходов Холмского уезда к концу 1921 г. осталось только 11, и их численность продолжала сокращаться вне зависимости от числа прихожан», а в закрытые приходы православные священнослужители не допускались. Один из православных храмов в Варшаве был снесен с формулировкой «нарушает своей архитектурой общую панораму Варшавы как католического города». 10 мая 1924 г. польскому правительству была направлена очередная нота с протестом, в которой отмечалось, что «были закрыты и переданы католической церкви десятки церквей в польских городах, в том числе на Западной Украине и Белоруссии». Россия требовала прекратить гонения на православных граждан в стране. Однако после принятия декрета автокефалии 25 сентября 1925 г. советское правительство уже не могло требовать от польских властей прекратить гонения, так как после выхода Православной Церкви в Польше из состава Московского Патриархата на это формально уже не было никаких оснований¹. Однако после принятия автокефалии положение православия в Польше не изменилось. Так, на постройку православных храмов и приходов либо не давали разрешения, либо строительство или ожидание его начала длилось несколько лет, но при строительстве католических костелов или монастырей таких проблем не возникало². Продолжилась и политика секуляризации православных приходов. Например, один из храмов в Белостоке стоял заросший травой, а на одном из его куполов выросла береза. В Холме из

¹ Иванов Ю. В. Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. М., 2014. С. 185–188.

² Попов А. Пора проснуться! Гонения на православных и русских в Польше в XX веке. СПб; Париж, 1993. С. 19.

14 православных храмов только два были открыты, два взорвали, несколько разобрали на строительные материалы как для правительственных, так и для частных построек, один был превращен в кинотеатр, другой – в сельскохозяйственную выставку и пожарную часть, остальные приспособили под жилые помещения¹.

В Гродненской губернии до 1915 г. было около 360 православных приходов с 1 000 000 прихожан. В 1921 г. их осталось только 100 с 800 000 прихожан. В Холмщине в довоенное время было 300 храмов, к началу 1930-х их осталось только 34. Количество храмов польское правительство рассчитывало по формуле – 1 приход на 5 000 чел. К середине 1920-х гг. более 1 000 православных храмов, церквей и монастырей было передано в управление католической церкви. К лету 1924 г. в Польше в распоряжении Русской Православной Церкви из 2 000 православных церквей осталось 1 480, остальные были закрыты из-за малой численности прихожан². К концу 1920-х гг. около 50% православных храмов было ликвидировано тем или иным способом³.

И в этом отношении весьма показательно предъявление судебных исков о так называемой ревиндикации православных святынь и церковного православного имущества, якобы когда-то принадлежавшего католической церкви⁴.

Передача православного имущества католикам продолжилась и в 1929 г., однако уже согласно судебным решениям, так как католическая церковь вела судебные тяжбы с православной с формулировкой «вернуть имущество, потерянное католической церковью после разделов Польши». Католическая церковь требовала возвращения храмов, приходских зданий и всего имущества, ранее принадлежавшего католическому приходу.

¹ Попов А. Пора проснуться! Гонения на православных и русских в Польше в XX веке. СПб; Париж, 1993. С. 42.

² За свободу! 1925. 17 апр. № 101. С. 3.

³ Попов А. Пора проснуться! Гонения на православных и русских в Польше в XX веке. СПб; Париж, 1993. С. 21.

⁴ Свитич А. К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. URL: <http://www.libriarium.orthodoxy.ru/svitich.htm> (дата обращения: 08.06.2016).

Всего в 1929 г. было возбуждено 32 дела против государства и 109 против других учреждений и частных лиц¹.

Летом 1929 г. католические духовные власти предъявили 724 иска с требованием передачи им православных храмов и церковного имущества, большая часть которого более 100 лет назад была передана в руки своего перволадельца – православного населения. Эти иски были предъявлены к Виленской, Волынской, Гродненской и Полесской духовным православным консисториям (епархиям), т. е. ко всем епархиальным властям Православной Церкви в Польше, за исключением Варшавско-Холмской. К концу лета 1929 г. к Волынской православной духовной консистории было предъявлено 144 иска, к Виленской – 71, к Гродненской – 159 и к Полесской – 248, это учитывая тот факт, что в Гродненской епархии насчитывалось всего 174 прихода, а в Полесской – 320².

Таким образом, положение Русской Православной Церкви в Польше в 1920-е г. было достаточно тяжелым. Несмотря на тот факт, что законодательно гарантировалась ее неприкосновенность, проводилась политика, направленная на полонизацию и распространение католичества. Кроме того, само православное духовенство и население не проявляли должного интереса к положению православия. Если прихожане и пытались иногда бороться с притеснением Церкви, то среди духовенства господствовали дезорганизация и беспочвенный оптимизм относительно скорейшего изменения политики правительства в отношении распространения католичества. В этот период проводилась активная политика, направленная на подрыв основ православия: закрывались и взрывались храмы, проводилась агитационная антиправославная работа среди прихожан, священнослужителям запрещалось выполнять свои прямые обязанности, в результате чего православным приходилось об-

¹ *Миронович А.* Православная Церковь в Польше // Православная Церковь в Польше в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 249.

² *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. URL: <http://www.librarium.orthodoxy.ru/svitich.htm> (дата обращения: 08. 06. 2016).

ращаться к католическим священнослужителям. Однако, вопреки всем надеждам православных в течение 1920-х гг. политика польского правительства не изменилась.

Библиографический список

15. В ограде церковной. 1933. 5 нояб. № 9.
16. ГАРФ. Ф. 5837. Оп. 1. Д. 304.
17. ГАРФ. Ф. 5999. Оп. 1. Д. 7.
18. За свободу! 1925. 17 апр. № 101.
19. За свободу! 1925. 20 янв. № 18.
20. *Иванов Ю. В.* Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. М.: Международные отношения, 2014. 384 с.
21. *Косик В. И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008.
22. *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь и автокефалия Польской Церкви // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. № 4. С. 17–27.
23. *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007.
24. *Миронович А.* Православная Церковь в Польше // Православная Церковь в Восточной Европе XX век / под ред. *Кристин Шайо*. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2010. С. 243–262.
25. *Попов А.* Пора проснуться! Гонение на православие и русских в Польше в XX веке. СПб.: Община Казанской церкви Воскресенского Новодевичьего монастыря С.-Петербурга; Париж: Миссионерский фонд Западно-Европейской епархии Русской православной церкви за границей, 1993. 79 с.
26. *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос Айрес: Наша Страна, 1959. 231 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.librarium.orthodoxy.ru/svitich.htm> (дата обращения: 08.06.2016).
27. *Энеева Н. Т.* Положение Русской Православной Церкви в новообразованных государствах, отделившихся от России в 1918–1922 гг. // Проблемы истории Русского Зарубежья. М.: Наука, 2008. Вып. 2 С. 47–107.

Сведения об авторе

МИКУЛЕНОК АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА –
кандидат исторических наук, преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского
филиала Российского государственного университета
правосудия (Краснодар)
e-mail: klio-alex@yandex.ru

The Russian Orthodox Church in Poland in the 1920s

Alexandra A. Mikulenok

Candidate of History, Lecturer at the Department of General Education of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar)

e-mail: klio-alex@yandex.ru

The author examines the history of the Russian Orthodox Church in Poland in the 1920s. The author shows not only the position of the Orthodox Church in Poland, the difficulties faced by the Orthodox during the period of strengthening of Catholicism, and the beginning of the so-called 'persecution of Orthodoxy'. It shows the actions taken by the Catholic Church to strengthen its role, but also the position and actions of the Polish government in the matter of persecution of Orthodoxy, and the attitude of the Orthodox population and clergy themselves to what was happening. The research is based on archival materials from the so-called Prague Archive (GARF, Moscow) and emigrant periodicals published in Poland during the period under study.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Poland, autocephaly, Catholicism, persecution of Orthodoxy, confessional politics*

Недялкова Н. Д.

О вере больше горчичного зерна и священном языке наших дедов

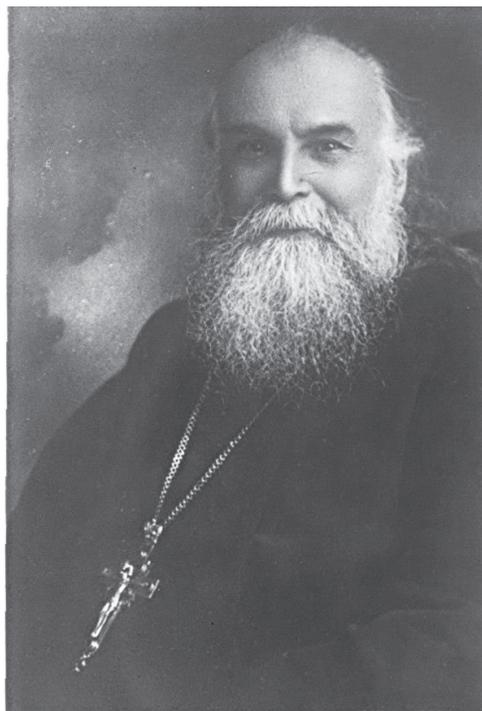
Одной из ярких страниц величественной эпопеи о силе человеческого духа является история Православия, и в частности история Русской Церкви за границей после драматических октябрьских событий, заставивших тысячи русских связать свою судьбу и жизнь навсегда с Балканами и внести свой вклад в сохранение не только своих культурных традиций, но и в утверждение общечеловеческих духовных ценностей. Одним из них является протопресвитер Петр Иванович Беловидов. Основатель и первый настоятель храма «Святой Троицы» в Белграде, Сербия, радатель и активный деятель в изучении Закона Божьего в школах. На Балканах – в Болгарии, в свою очередь, новую страницу жизни начали другие представители семьи – его сестра Олимпиада Ивановна и ее супруг филолог Владимир Степанович Ткаченко, которые также внесли свою лепту в развитие образования в Болгарии.

Ключевые слова: Протопресвитер Петър Беловидов, храм Святой Троицы, Белград, Закон Божий, Владимир Ткаченко, русская эмиграция

«Преподавание Закона Божия в школе – одно из самых реальных средств влияния на душу учащихся детей в религиозно-нравственном направлении. Закон Божий – единственный предмет школьного преподавания, представляющий в своем конечном результате всесторонне законченную, философски и логически обоснованную систему, охватывающую собою все, что необходимо знать человеку для осмысленного и разумного прохождения им своего жизненного пути»¹. Эти слова, изреченные в прошлом веке, но актуальные и по сей день, принадлежат протопресвитеру Петру Ивановичу Беловидову.

¹ Цит. по: Масленникова Н. В. Имена их праведными нарекутся. К 70-летию II Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви // Русская народная линия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2009/04/29/imena_ih_pravednymi_narekutsya?ysclid=m1ymbqk5py378078121 (дата обращения: 12.04.2019)

Духовнику, который смело и смиренно нес свой крест и доказал своей жизнью, что истинная Вера дает надежную опору человеческому духу, и ему не страшны ни бурные перипетии судьбы и истории, ни житейские испытания, ибо в Святом Писании сказано: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17, 20).

Протопресвитер Петр Иванович
Беловидов

Одной из ярких страниц сей, действительно величавой, эпопеи силы человеческого духа является история Православия и, в частности, история Русской Церкви за границей после драматических октябрьских событий, заставивших тысячи русских связать навсегда свои судьбы и жизнь с Балканами, и внести свой вклад в сохранение не только своих национальных культурных традиций, но и в утверждение общечеловеческих духовных ценностей. Чрез свой личный пример и колоссальный труд на ниве духовного просвещения взрастить благодатные колосья уважения и преклонения перед священным языком своих предков и за пределами своей исторической родины – в странах, превратившихся для них и их потомков в новые Отечества. Тема подробно рассмотрена в книге С. Ю. Танина «Русский Белград»¹.

¹ Танин С. Ю. Русский Белград. М., 2009. 301 с.

Вера и Образование, Церковь и Школа – неразрушимые основы человеческого духа, в которые встроены судьбы тысяч известных нам и безымянных просветителей, имена которых, по той или другой причине остались слегка в тени или вне страниц авторитетных научных изданий.

79 лет тому назад, в конце апреля 1940 г., на Великую субботу, накануне Пасхи, в лучший мир устремилась душа одной из видных личностей в истории церковного движения – протопресвитера Петра Ивановича Беловидова, основателя и первого настоятеля храма Святой Троицы в Белграде (Сербия). Эта духовная обитель превратилась в объединительное начало и упование для многих соотечественников, начавших свое новое летоисчисление на приютившей их Балканской земле. Как свидетельствуют исторические данные, первоначально у русских эмигрантов не было организованной церковной жизни. Первая проблема, проявившаяся по прибытии эмигрантов в Сербию, была связана с поиском помещений для проведения богослужений. Русские священники и верующие искали и находили временные решения, исходя из местных возможностей и используя самые различные помещения – от подвалов, различных кабинетов и физкультурных салонов в школах до коридоров, барачных палаток, совершая богослужения около походных алтарей под открытым небом. Об этом подробно рассказывает Мирослав Йованович в своей книге «Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940»¹. В книге находим и сведения о том, что сразу после прибытия первых групп эмигрантов, в марте 1920 г., русский священник Петр Беловидов получил благословение на проведение богослужений от белградского митрополита Димитрия, ставшего впоследствии Патриархом Сербии. Богослужения проводились в актовом зале Третьей мужской гимназии, а также в помещении беженской кухни. В 1923 г. русской общине в Белграде было предоставлено помещение, находящееся в парке Ташмайдан, вблизи церкви святого Марка. Данное событие побудило митрополита Анто-

¹ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. 487 с.

ния Храповицкого, духовного пастыря российских беженцев, обратиться за содействием к Патриарху Димитрию построить на этом месте временную часовню. Строительство самого храма началось 21 сентября 1924 г., а 4 января отец Петр Беловидов провел первое богослужение в святой обители. Храм был спроектирован известным архитектором Валерием Сташевским, иконы были подарены русскими эмигрантами, для большинства которых они были их единственной ценностью, напоминающей об Отечестве. Церковь быстро превратилась в настоящий духовный центр и олицетворение Родины. Среди реликвий, хранившихся в «Святой Троице» до 1944 г., были знамена старых российских полков, а также и одна из наиболее значимых святынь – чудотворная икона Божией Матери «Знамение», привезенная лично епископом Феофаном. И еще множество других ценных предметов, связанных с Россией. А под сводами храма в Белграде перезахоронены останки барона П. Врангеля, согласно его личному завещанию.

Одной из достопримечательностей храма Святой Троицы в прошлом и в настоящее время, является его церковный хор. Создание этого хора также связано с благородной духовной миссией первого настоятеля храма – отца Петра Беловидова. Как свидетельствует известный историограф и публицист Алексей Борисович Арсеньев в своих исследованиях о вкладе русских эмигрантов в хоровое искусство, церковные песнопения и церковную жизнь, «...главная забота о. Петра была обращена к созданию церковного хора. Обладая прекрасными музыкальными знаниями и регентскими способностями, он целые ночи просиживал за столом, по памяти восстанавливая и записывая церковные песнопения, чтобы днем, после уроков в школе и треб в приходе, разучивать их с певчими. Хор русского храма в Белграде скоро стал известным настолько, что в 1924 г. был приглашен для постоянного пения в королевском придворном храме. <...> Богослужение в белградском русском храме отличалось особым характером, пожалуй, единственным за рубежом. Оно было строго уставно. Благодаря о. Пе-

Храм Святой Троицы в столице Сербии Белграде

тру, при сочувственной поддержке со стороны митрополита Антония, был подобран кадровый состав сотрудников и о. Петр вдохнул в них любовь к истовой уставности. Был создан богослужебный дух и уклад, который дышал седой старинной – и в то же время живым молитвенным горением»¹.

О создании хора, заботливом составлении рукописей и его славной истории рассказывает в своем исследовании «Русские церковные хоры и регенты в Белграде» иподьякон Андрей Тарасьев, регент церковного хора, который также подчеркивает вклад отца Петра в богоугодное дело. «Основателем хора и первым регентом был сам протоиерей Петр Беловидов. Ноты он писал по памяти, лично переписывая их в нескольких экземплярах. Автор этих строк, по глупости, свойственной молодости, став в 1960-е годы регентом хора в Свято-Троицком храме, осмелился сверять рукописи отца Петра с печатными изданиями. И не обнаружил ни единой ошибки! А песнопения были в достаточной степени сложными, такие как «Бла-

¹ Арсеньев А. Б. Русские храмы и монастыри в Югославии // Библиотека Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Материалы к библиографии (4). 07/2002. 6 с.

Киот с иконой святителя Петра, митрополита Московского, устроенный в память о протопресвитере Петре Беловидове в храме Святой Троицы в Белграде

вич Беловидов родился в 1869 г. в Ставропольской губернии в семье священника. Закончил в 1891 г. Ставропольскую духовную семинарию. Его путь духовника и законоучителя прошел через Ставропольскую епархию, Майкоп, Новороссийск и Карс. В 1920 г., будучи протоиереем, Беловидов эмигрировал через Константинополь в Белград. Он остался в церковной истории как первый настоятель храма Святой Троицы, член

гослови душе моя...» Ипполитова-Иванова, «Милость мира» протоиерея Виноградова, «Гласом моим ко Господу возвах...» Архангельского, трипеснецы Страстной седмицы и проч»¹.

Биографические данные протопресвитера Петра Беловидова приведены в сборнике Антуана Нивьера «Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе»².

Там сообщается, что отец Петр Ивано-

¹ Тарасьев А., иподиакон. Русские церковные хоры и регенты в Белграде (1920–1970) // Православие.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/28637.html> (дата обращения: 12.04.2019).

² Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995: биографический сборник. Москва; Париж, 2007. С. 94.

епархиального совета и законоучитель в 1-ой русско-сербской гимназии в Белграде.

Согласно историческим данным, весной 1920 г., в беженском поезде по дороге через Южную Сербию (близ города Парачин), он познакомился с известным педагогом и будущим основателем и директором русской гимназии Владимиром Плетневым. В личном разговоре отец Петр выразил готовность принять участие в составлении программы для русских школ и преподавать Закон Божий, что и делал в продолжение почти двух десятилетий – с 1920 до 1939 г. Об этом подробно рассказывает в «Законе Божиим в школе» кандидат исторических наук Валерий Анатольевич Шевченко: «Оказавшиеся в эмиграции после Октябрьской революции 1917 г. педагоги и общественные деятели разных политических взглядов осознали необходимость духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, прежде всего русской молодежи на чужбине. Главным составляющим такого воспитания являлось преподавание в беженских школах Закона Божия. Теоретические и практические вопросы изучения Закона Божия в школе неоднократно обсуждались на эмигрантских педагогических съездах и совещаниях»¹. Например, на конгрессе в апреле 1923 г. в Праге с участием 73 делегатов из Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Латвии, Польши, Финляндии, Франции, Чехословакии и Эстонии было принято решение о создании педагогического центра, координирующего развитие русских школ за границей. На встрече в июле 1925 г. в Праге с участием представителей 40 организаций из 11 стран протоиерей Петр Беловидов снова заявил о необходимости изучения Святого Писания в школах, к тому времени он сам уже на протяжении 5 лет преподавал Новый Завет.

Во время встречи в Праге отец Петр просил бюро содей-

¹ Шевченко В. А. Закон Божий в школе // Русская народная линия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2015/10/04/zakon_bozhij_v_shkole/?ysclid=m1yuj3rbs698534098 (дата обращения: 12.04.2019).

ствовать изданию детского журнала религиозно-нравственного содержания и решить вопрос с изданием учебников по Закону Божию для всех классов средней школы. В частности, был необходим учебник для VII и VIII классов, созданный применительно к новым программам (чтение Священного Писания для ознакомления учащихся по первоисточнику с основными истинами христианского вероучения и нравоучения. (5 декабря 1925 г. Педагогическое бюро по просьбе протоиерея Петра Беловидова приняло решение разослать в русские издательства циркулярное письмо. Выражалось пожелание считаться с мнением русских педагогов при издании или переиздании учебников по Закону Божию). Мнение отца Петра подробно отражено в Протоколе заседания Комиссии по Закону Божию при 2-м Педагогическом Съезде представителей русской средней и низшей школы за границей, от 6 июля 1925 г., на котором он открыл первое заседание подробным информационным докладом о преподавании Закона

Отец Петр среди своих воспитанников

Божьего в русских эмигрантских средних учебных заведениях и в сербской средней школе. Важная роль Церкви как духовного столпа подчеркнута в документах, о которых можно прочитать и в «Деяниях Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей с участием представителей клира и мирян»¹, и в ряде публикаций, посвященных истории Русской Православной Церкви².

За особенные заслуги к церковному и просветительскому делу Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей наградил отца Петра митрой, а также и саном протопресвитера. Современники свидетельствовали, что исключительно скромный в личном быту, Петр Иванович полностью посвятил свою жизнь общественному долгу – давать не только душевную утеху своим соотечественникам, но и воспитывать молодое поколение в любви к вере, Отечеству и земле, ставшей их новым домом. О принципиальном характере и общественной деятельности протоиерея Петра Ивановича Беловидова свидетельствуют и мемуарные документы, включенные в повествование об афонском периоде жизни архиепископа Василия (Кривошеина)³. По поводу кончины протопресвитера Петра Беловидова в 1940 г. журнал «Православная Карпатская Русь» разместил на своих страницах сообщение о том, что «Господь послал ему светлую кончину накануне всерадостного Христового Воскресения, а на похоронах на второй день праздника звучали только светлые радостные пасхальные песнопения, свидетельствующие о том, что смерть побеждена».

После эмиграции отец Петр никогда уже не увидел снова свою супругу и своих сыновей Михаила и Павла, оставшихся

¹ Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14–11/24 августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939. 745 с.

² Шкаровский М. В. Возникновение Русской Православной Церкви Заграницей и религиозная жизнь российских эмигрантов в Югославии // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 106–193.

³ Афонский период жизни архиепископа Василия (Кривошеина) в документах. Святая гора Афон, 2014. 801 с.

в России. На Балканах (в Болгарии) остановились другие представители семьи – его сестра Олимпиада Ивановна и ее супруг Владимир Степанович Ткаченко, также воспитанник Ставропольской духовной семинарии, филолог, педагог и общественный деятель, удостоенный ордена Святого Станислава. Супруги Ткаченко тоже внесли свой вклад в развитие школьного дела в Болгарии, хотя и не такой яркий и масштабный, каким было дело отца Петра Беловидова. Олимпиада Ивановна, мать двух дочерей Зинаиды и Людмилы, во время эмиграции работала учительницей.

Воспитанница Ставропольского епархиального училища Олимпиада Ивановна (Беловидова) Ткаченко

Олимпиада (Беловидова) Ткаченко – воспитанница Ставропольского епархиального женского училища. Начало женского среднего образования в России положено во времена Екатерины II, когда было открыто учебное заведение под наименованием «Воспитательное общество благородных девиц», впоследствии Смольный институт. А развитие среднего женского образования на Кавказе в большой степени связано с именем Кавказского Наместника и Главнокомандующего Кавказского корпуса Михаила Семеновича Воронцова и его супруги княгини Елизаветы Ксаверьевны, по инициативе которой и с ее непосредственным участием на территории всего Кавказа открываются женские учебные заведения. Воспитанницами епархиальных училищ становились дочери православных свя-

щенников, а главной целью данных учебных заведений было воспитывать и подготавливать «хороших и достойных священнических супругов, и матерей»¹. «Как отмечал епископ Архангельский Нафанаил, в чьих суждениях наиболее полно отразились взгляды церковных иерархов на цели этих учебных заведений, “только от образованных девиц можно ожидать полного облагораживания домашнего быта духовенства, только от образованных священнических жен можно ожидать надежной нравственной поддержки самим священникам среди грубого сельского общества; самое воспитание собственных детей и приготовление одних к училищу, других к жизни пойдет правильнее в руках образованных матерей. Тогда и повсеместно, по занятиям в учреждаемых сельских школах священники найдут лучших сотрудниц в членах женского пола своего семейства”»². Олимпиада Ивановна с честью выполнила свою миссию быть надежной моральной опорой своего супруга во времена эмиграции, делиться своим опытом в сфере образования с болгарскими учительницами и воспитать достойно своих дочерей. Одна из них – Зинаида Владимировна – выбрала медицину, а другая – Людмила Владимировна (Ткаченко) Кынчева – долгие годы преподавала русский и французский языки в школах болгарской столицы Софии.

Супруг Олимпиады – Владимир Степанович Ткаченко – имел дворянские корни по линии своей матери Параскевы Яковлевны Сафоновой. Сафоновы включены в перечень дон-

¹ Авдеева А. Д. Женские образовательные учреждения Святейшего Синода (1842–1917 гг.) // Материалы научной конференции молодых исследователей «История христианского просвещения и духовного образования в России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history-mda.ru/konf_25_26_dek_2010/jenskie_obrazovatel-2_79.html (дата обращения: 12.04.2019); Беликов Г. А. Кавказское епархиальное женское училище // Старый Ставрополь. Ставрополь, 2013. С. 290–292; Шафранова О. И. Женское духовное образование в городе Ставрополе во второй половине XIX – первой четверти XX века // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Вып. I. Ставрополь, 2014. С. 348–358.

² Рудченко А. Отношение духовной иерархии к женскому образованию во второй половине XIX в. // Духовное образование на Северном Кавказе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stpds.ru/wp-content/uploads/2023/04/%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82-1.pdf>

СЛЪТТИ ГИМНАЗИИ – ШУМЕНЪ.
Девическа гимназия „Нанчо Попович“

СВЕДЕНИЕ
на ученик
кв. № 192/108

Маслоуказание	С. Дунавска на Младата София	
Дата	7. VI 1885.	
Родители	Име на, презиме, звание	Стефан Петков и Мария Петриховна съпруга му
	Място на, презиме, звание	Киевска Слободка Ставрополь
Свободно образование, занятия, спорту, вид, време, година	Възраст 24, образование	
ОБРАЗОВАНИЕ	Срещно образование, дата и съдържание; образование след специалности М и Д	Възраст 1906, диплома с отличие
	Възраст, год, мес, по какво се изучавало; М и Д	Възраст 1906, диплома с отличие
Друго образование, образование, дата и съдържание; образование след специалности М и Д	Възраст 1906, диплома с отличие	
След свършването на училищното образование, съ какво се е занимавал, где и отъ кога до кога (точни дати и дни):	След свършването на училищното образование, съ какво се е занимавал, где и отъ кога до кога (точни дати и дни):	
След свършване на висшето си образование, съ какво се е занимавал на държавна служба, частна работа, отъ кога до кога (точни дати и дни):	След свършване на висшето си образование, съ какво се е занимавал на държавна служба, частна работа, отъ кога до кога (точни дати и дни):	
Каква научна и обществена дейност е проваждал следва, бели, научни трудове, кога, къде и какви (точни дати)	Каква научна и обществена дейност е проваждал следва, бели, научни трудове, кога, къде и какви (точни дати):	
Бил ли е под съединение; за какво и кога? Ожидан ли е?	Не	
Наказан ли е; кога, съ какво и за какво?	Не	
Награден ли е; по какъв случай и съ какво?	Възраст 1906, диплома с отличие	

Воспитаник Ставропольской духовной семинарии и Казанского университета Владимир Степанович Ткаченко

ских родов, удостоенных дворянским титулом за заслуги перед Отечеством. В своей анкетной карточке в гимназии «Нанчо Попович» в г. Шумен (Болгария) от 1935 г., где он преподавал, Владимир Ткаченко дает подробные сведения о своем образовании и профессиональной биографии. Родившийся в июне 1885 г. в станице Аксайской, Донской области, Владимир Ткаченко в 1906 г. с отличием окончил Ставропольскую духовную семинарию, а спустя четыре года с дипломом I степени – историко-филологический факультет Казанского университета. После получения высшего образования Владимир Степанович работал преподавателем русского и латинского языков в Ростове и Кутаиси, а после эмиграции с 1921 г. продолжил свое дело в Болгарии – первоначально в Софии, а после и в городе Шумене, где в то время проживало множество русских эмигрантов. В графе анкетного листа «Какую общественную

и научную деятельность проявлял: лекции, беседы, научные труды» Ткаченко указал следующее: «Реферировал на конференции русских учителей в городе София (1929 г.) по теме о новом правописании в русском языке». А в графе об отличиях и наградах Владимир Степанович написал собственноручно: «Был представлен к награждению орденом Станислава III степени, но по причине революции в 1917 г. его не получил». В конце прошлого века в системе образования г. Шумен все еще работали воспитанницы интеллигентного и принципиального учителя Владимира Ткаченко, которые рассказывали о его буквально сакральном отношении к языковым нормам, правописанию и устной речи. У автора этой статьи, правнучки Владимира Степановича и Олимпиады Ивановны Ткаченко, была уникальная возможность быть ученицей учениц моих славных предков и воссоздать в своем сознании и душе их образ не только через сохраненные архивные данные, но и через рассказы их современников.

Одной из любимых книг в библиотеке Владимира Степановича был «Этимологический и правописный словарь болгарского литературного языка» профессора доктора Стефана Младенова, предисловие к которому начинается легендарным обращением Паисия Хилендарского о том, как важно знать свой род и язык. Хотя данные слова адресованы конкретно болгарской нации «Ты, болгарино, знай своя род и язык», слова отца Паисия и автора словаря профессора доктора Стефана Младенова о важности знать и помнить историю своего языка, ценить, чтить и хранить его чистоту и богатство, безусловно, вдохновляли и Владимира Ткаченко – воспитанника Ставропольской духовной семинарии – преподавать с особенною любовью русский язык вдали от Родины. Книга заботливо хранилась как им самим, так и его потомками, независимо от различных событий и перипетий судьбы. Она пропутешествовала тысячи километров, сопровождая Путь семейной истории фамилий Беловидовых и Ткаченко, и в настоящее время снова в Болгарии. Как прямое доказательство

тому, что Священные языки наших дедов – это сплетенные корни могущественного и вечного дерева – того, что выросло из горчичного зерна, «и птицы небесные укрывались в ветвях его» (Лк. 13, 19). Корни нашего Духовного развития, нашего общего начала, которое неразруσιμο.

Библиографический список

1. *Авдеева А. Д.* Женские образовательные учреждения Святейшего Синода (1842–1917 гг.) // Материалы научной конференции молодых исследователей «История христианского просвещения и духовного образования в России». Кафедра церковной истории МПДА, 25–26 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history-md.ru/konf_25_26_dek_2010/jenskie_obrazovatel-2_79.html (дата обращения: 12.04.2019).
2. *Арсеньев А. Б.* Русские храмы и монастыри в Югославии // Библиотека Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Материалы к библиографии (4). 07/2002. 6 с.
3. Афонский период жизни архиепископа Василия (Кривошеина) в документах. Святая гора Афон: Русский Свято-Пантелеймонов монастырь на Афоне, 2014. 801 с.
4. *Беликов Г. А.* Кавказское епархиальное женское училище // Старый Ставрополь. Ставрополь: ИПФ Ставрополье, 2013. С. 290–292.
5. Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14–11/24 августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. Белград: Тип. «Меркур», 1939. 745 с.
6. *Иванович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М.: Русское Зарубежье; Русский путь, 2005. 487 с.
7. *Масленникова Н. В.* Имена их праведными нарекутся. К 70-летию II Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви // Русская народная линия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2009/04/29/imena_ih_pravednymi_narekutsya?ysclid=m1ymbqk5py378078121 (дата обращения: 12.04.2019).
8. *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995: биографический сборник. Москва: Русский путь; Париж: YMCA-PRESS, 2007. 573 с.
9. *Рудченко А.* Отношение духовной иерархии к женскому образованию во второй половине XIX в. // Духовное образование на Северном Кавказе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stpds.ru/wp-content/uploads/2023/04/%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82-1.pdf>
10. *Танин С. Ю.* Русский Белград. М.: Вече, 2009. 301 с.
11. *Тарасьев А., иподиакон.* Русские церковные хоры и регенты в Белграде (1920–1970) // Православие.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/28637.html> (дата обращения: 12.04.2019).

12. Шафранова О. И. Женское духовное образование в городе Ставрополе во второй половине XIX – первой четверти XX века // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Вып. I. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2014. С. 348–358.
13. Шевченко В. А. Закон Божий в школе // Русская народная линия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2015/10/04/zakon_bozhij_v_shkole/?ysclid=m1yujs3rbs698534098 (дата обращения: 12.04.2019).
14. Шкаровский М. В. Возникновение Русской Православной Церкви Заграницей и религиозная жизнь российских эмигрантов в Югославии // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 106–193.

Сведения об авторе

НЕДЯЛКОВА НАТАЛИЯ ДМИТРИЕВНА – переводчик (Союз переводчиков Болгарии), писатель (Сообщество писателей г.Бургас, Союз русскоязычных писателей Болгарии), журналист.
e-mail: nnata@abv.bg

About a faith bigger than a mustard seed and the sacred language of our grandfathers

Natalia D. Nedyalkova
translator (Union of Translators in Bulgaria), writer (Bourgas
writer community, Union of Russian-language writers in Bulgaria),
journalist
e-mail: nnata@abv.bg

One of the brightest pages of the magnificent epic of the power of the human spirit is the history of the Orthodoxy, and in particular the history of the Russian Church Abroad after the dramatic events of October, which forced thousands of Russians to link their destinies and lives forever with the Balkans and to contribute not only to the preservation of their cultural traditions, but also to the affirmation of universal spiritual values. One of them is Protopresbyter Petar Ivanovich Belovidov. He is the founder and first rector of the Holy Trinity Church in Belgrade, Serbia, a promoter and active worker in the study of the Law of God in schools. In the Balkans, in Bulgaria, in turn, a new page of life was opened by other representatives of the family - his sister Olimpiada Ivanovna and her husband, the philologist Vladimir Stepanovich Tkachenko, who also contributed to the development of education in Bulgaria.

Keywords: *protopresbyter Petar Belovidov, Holy Trinity church, Belgrade, God's law, Vladimir Tkachenko, Russian emigration.*

Протоиерей Димитрий Олихов

Сибирское Соборное совещание в Томске как опыт реализации решений Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг.

В ноябре 1918 г. в Томске было создано Соборное совещание, которое по всем формальным признакам (качественному составу, перечню рассматриваемых вопросов, уровню принятых полномочий), явилось правопреемником и продолжением Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Соборное церковное совещание сумело выработать механизмы отстаивания интересов Церкви в Сибири – на территории, оказавшейся свободной от большевистского влияния. Реализация решений Поместного Собора оказалась возможной на периферии в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова: Томское Соборное совещание, Поместный собор, Церковь.

Поместный Собор Российской Православной Церкви, состоявшийся в 1917–1918 гг., явился событием эпохального значения. Упразднив канонически ущербную и окончательно изжившую себя синодальную систему церковного управления и восстановив Патриаршество, он проложил рубеж между двумя периодами русской церковной истории.

Необходимо отметить, что плоды революции обнаружались, прежде всего, не в области гражданских отношений, а именно в Церкви. Они выразились в факте созыва Всероссийского Поместного Собора. Именно Собор заложил и создал для Русской Православной Церкви прочный канонический фундамент, благодаря которому она не погибла от последствий гражданских нестроений.

На периферии России, так же, как и в столицах, Русская Православная Церковь в этот период разделила бедствия своего народа – ряд ее иерархов были репрессированы, активно велась антирелигиозная пропаганда. Структуры Российской Церкви не могли полноценно выполнять свои функции. Вполне понятно, что иерархи должны были реагировать на революционные преобразования в стране, дать ответы на исторические вызовы, с которыми столкнулась Русская Православная Церковь. Кроме того, Гражданская война разделила территорию государства и прервала каноническую связь епархий с патриаршим центром. Остро возник вопрос самоорганизации и определения основ духовного управления в сложившихся условиях.

В этих условиях в ноябре 1918 г. в Томске было созвано Соборное совещание, которое по всем формальным признакам (качественному составу, перечню рассматриваемых вопросов, уровню принятых полномочий), явилось правопреемником и продолжением Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Это собрание, а также созванный в мае 1919 г. Юго-Восточный Собор, явились первым опытом распространения решений Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. на территории России, в частности, в вопросах приходского строительства, канонического права и других.

Соборное церковное совещание в Томске в ноябре 1918 г. сумело выработать механизмы реализации интересов Церкви в Сибири – на территории, оказавшейся свободной от большевистского влияния. Но его деятельность оказалась возможной потому, что годом ранее Поместный Собор восстановил принципы соборности церковного управления и заложил основы существования Церкви в новых условиях светской власти.

Томскому Соборному совещанию удалось избежать политических крайностей и с самого начала приступить к решению насущных вопросов жизни Церкви, связанных, в первую очередь с организацией церковного управления.

Новоизбранный Председатель архиепископ Вениамин предложил следующую повестку дня:

1. Организация временной центральной церковной власти с административно-судебными функциями для епархий, лишенных канонического общения со святым патриархом на время до восстановления связи с общецерковной властью.
2. Установление взаимных отношений Церкви и Временного Всероссийского Правительства.
3. О жаловании духовенству и пенсионном обеспечении его государством.
4. Упорядочение материального обеспечения духовенства приходами путем признания за приговорными обязательствами приходов юридического значения наравне с приговорами о земских повинностях.
5. О церковной дисциплине.
6. Организация Общесибирского союза приходов в целях согласованного выступления на выборах в Учредительное Собрание, городские и земские учреждения.
7. Организация Общесибирского органа печати и издательства богословско-политической литературы, бланков для церковного письмоводства, венчиков, грамот и пр., печатания святых антиминов и богослужебных книг.
8. Об открытии Духовной Академии в Сибири.
9. Протоиерей Садовский предложил дополнить повестку дня вопросами о духовно-учебных заведениях, о беженцах духовного звания и о миссионерских школах.

Основные положения «Определения об отношении Церкви и государства», принятого Поместным Собором 1917–1918 гг., гласили, что Русская Православная Церковь должна была занимать в российском государстве ведущее положение, она в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней духовной дисциплине должна быть независима от государственной власти и пользоваться в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления.

Большое внимание на совещании было уделено организации приходской деятельности. Приход мыслился как основная государственно-церковная административная единица, вокруг которой должна была строиться жизнь в обновленной России. Каноническую основу для организации церковно-приходской жизни заложил Всероссийский Поместный собор, устав которого о приходе как вполне приемлемый немедленно вводился в практику¹. В то же время местный Преосвященный под свою ответственность мог вносить изменения и дополнения в Устав в соответствии с необходимостью.

Положение о приходе, разработанное и принятое на Томском совещании, предлагало епархиальным советам безотлагательно организовать Приходские советы, объединив их в особом общепархиальном Союзе приходов «имея ввиду, что сплоченные приходы сейчас совершенно необходимы как в церковной, так и государственной жизни»².

Немаловажным представляется предложение совещания оставить за духовенством обязанность нести труд по метрикации населения, с сохранением соответствующего вознаграждения. На основании определения Всероссийского Поместного Собора о правовом положении Российской Церкви вводилась норма о невозможности отчуждения церковного имущества в виде конфискации или отобрания за долги. Таким же образом это имущество не подлежало обложению государственными налогами, волостными и земскими сборами, если оно не приносило дохода путем сдачи в аренду³.

Томским Соборным совещанием было уделено серьезное внимание вопросу реформы бракоразводного законодательства.

Томское Соборное совещание подтвердило принятые ранее канонические нормы, выступив при этом для сибирских епархий в некотором роде новатором. Самые существенные изме-

¹ Томские епархиальные ведомости. 1919. № 2. С. 3.

² Там же.

³ Там же. С. 4.

нения были введены в процедуру бракоразводных дел. С этого времени весь процесс поручалось вести не епархиальной власти – за ней осталось лишь вынесение окончательного определения, а местному священнику и двум членам церковно-приходского совета, которые производили наставление супругам. В случае непримирения предписывалось рассмотреть бракоразводное дело, допросить свидетелей и протокол со своим заключением представить на суд правящего архиерея¹. Основными причинами, побудившими Собор принять подобное решение, наряду с общей тенденцией к усилению роли прихода в общественной жизни и поднятия его статуса как административной единицы, можно считать следующие: увеличение общего числа разводов и большая загруженность епархиальной власти; большую осведомленность на месте в истинном положении дел; выработку судебного механизма, способствующего принятию быстрого и справедливого решения по бракоразводному делу. Известно, что в синодальный период именно процессы по бракоразводным делам отличались неповоротливостью и вызвали массу нареканий.

На совещании было уделено внимание вопросу реформирования духовных учебных заведений. Основанием для изменений было Определение Поместного Собора, который, по заявлению участников второй сессии, оставил окончательное решение о типе духовных школ до осени 1918 г., поручив на местах обсудить этот вопрос на епархиальных собраниях и частично разрешить его в зависимости от местных условий

По вопросу преподавания Закона Божьего в школах Томское Соборное совещание заняло консервативную позицию, соответствовавшую дореволюционному законодательству и отменявшую постановления не только большевиков, но и Временного правительства. В первую очередь представлялось на утверждение Всероссийского правительства (Директории) определение Поместного Собора Российской Православной Церкви от 28 сентября 1917 г. об обязательности изучения За-

¹ Сибирская жизнь. 1919. 17 января.

кона Божьего в школах с ходатайством о том, чтобы указанное определение возымело силу закона.

Однако в первую очередь для связи с государственной властью и для решения неотложных вопросов церковной жизни в епархиях, оказавшихся под властью «белых» армий, было создано на Томском совещании Высшее временное церковное управление Сибири (ВВЦУ). На заседании 19 ноября 1918 г. были приняты общим собранием Соборного совещания, а 24 ноября утверждены епископским Советом «Положения о Временном высшем церковном управлении Сибири»¹. Пребыванием ВВЦУ определялся тот город, в котором находилась резиденция правительства, соответственно, председателем ВВЦУ по должности объявлялся епархиальный епископ того города, где пребывало возглавляемое им Церковное управление². Данное решение вполне соответствовало исторически сложившейся церковной практике возвышения столичной кафедры.

Совещанием поручалось вновь созданному ВВЦУ обратиться к правительству с представлением о возвращении движимого и недвижимого имущества бывших церковно-приходских школ их владельцам – православным приходам, церквям, монастырям, братствам, попечительствам и другим церковным организациям – согласно определению Поместного Собора от 28 сентября 1917 г.

Развитие церковного правосознания, активизировавшегося во время и после окончания работы Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., сделало возможным самоорганизацию епархий, отделенных от Патриарха линией фронта. Архиереям, священникам и мирянам, членам Поместного собора пришлось создать дисциплинарный прецедент в чрезвычайных условиях, чтобы обеспечить существование церковных организаций. Несмотря на то, что в период, предшествовавший Соборному совещанию, а также во время его работы находились лица, ставившие под сомнение необхо-

¹ Сибирский благовестник. 1919. № 1. С. 1.

² Томские епархиальные ведомости. 1919. № 4. С. 19.

димось организации сибирского ВВЦУ, в дальнейшем никто не высказывал сомнений в правомочности его существования и не оспаривал принятых им решений.

Библиографический список

1. Сибирская жизнь. 1919. 17 января.
2. Сибирский благовестник. 1919. № 1.
3. Томские епархиальные ведомости. 1919. № 2.
4. Томские епархиальные ведомости. 1919. № 4.

Сведения об авторе

ПРОТОИЕРЕЙ ДИМИТРИЙ ОЛИХОВ –
кандидат богословия, кандидат исторических наук, первый
проректор Омской духовной семинарии.

e-mail: olikhovd@inbox.ru

The Siberian Conciliar Meeting in Tomsk as an experience of implementing the decisions taken by the All-Russian Local Council in 1917–1918

Archpriest Dimitri Olikhov

*Candidate of Divinity, Candidate of History, First prorector Omsk
Theological Seminary*

e-mail: olikhovd@inbox.ru

In November 1918, the conciliar meeting was convened in Tomsk, which by all formal features (qualitative composition, list of issues under consideration, the level of authority adopted) was the successor and the continuation of the All-Russian Local Council of 1917-1918.

The conciliar Church meeting managed to develop mechanisms to defend the interests of the Church in Siberia in the territory which came free from Bolshevik influence. The implementation of the decisions of the local council was possible on the periphery in the conditions of the civil war.

Keywords: *Tomsk Cathedral meeting, Local Cathedral, Church.*

Петров И. В.

«Ветер с Запада»: попытки помощи организации приходской жизни на временно оккупированной территории РСФСР эмигрантским духовенством¹

Вопросы попыток Русской Православной Церкви Заграницей организовать специальную миссию для восстановления приходской системы в РСФСР ранее были мало изучены российскими и зарубежными исследователями. Чаще всего рассматривался макроуровень-вопрос решений Синода РПЦЗ по данному вопросу. В данной статье основное внимание уделено проблеме рефлексии местного православного духовенства на эти попытки, а также дилемме желательности привлечения эмигрантов со стороны местной интеллигенции и коллаборационистов.

Ключевые слова: нацистская оккупация, Вторая мировая война, Русская Православная Церковь Заграницей, церковное возрождение.

Нападение Третьего рейха на Советский союз 22 июня 1941 г. для многих православных в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе ознаменовало возможность организации масштабной миссионерской работы на территории исторической России. За все 20 лет, последовавшие за окончанием Гражданской войны и установлением в стране атеистической диктатуры, до верующих доходили сведения об ужасающем положении христиан в государстве, некогда являвшемся главным защитником прав православного населения в мире. И, как часть антисоветской эмиграции ждала нового «весеннего по-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ №18-78-00048 «Служение русского православного пастырства на временно оккупированных районах РСФСР в 1941–1944 гг.».

хода» против большевиков, часть эмиграции церковной, да и всего «православного мира», ждала возможности отправления хотя бы ограниченной группы миссионеров «за чертополох».

Болгарская Православная Церковь, к тому времени еще находящаяся в сложном каноническом положении из-за непризнания собственной автокефалии со стороны Константинопольского Патриархата, в ноябре 1941 г. на заседании Синода поддерживает идею управлявшего русскими православными приходами на территории Болгарии архиепископа Серафима (Соболева) об экстренной отправке всех этнических русских священников, проживающих в Болгарии, с антиминсами, богослужебной литературой и церковной утварью на оккупированную российскую территорию¹. И, несмотря на то, что болгарские архиереи расходились во мнении по вопросу о масштабах миссии и о том, должны ли в ее состав входить священники-болгары, единогласно поддержали идею создания особой миссии и помощи ей материально и духовно. Для этих нужд был открыт специальный банковский счет, приходы и монастыри призывали к выделению одного процента от собственного бюджета на нужды Русской Церкви, массово собирались и изготавливались новые потиры, антиминсы, богослужебная литература и т. д. Однако государственные власти Болгарии более насторожено и взвешенно подходили к возможности создания специальной духовной миссии для оккупированной нацистами и их союзниками России. Так, министр иностранных и религиозных дел Болгарии Иван Попов предостерег представителей болгарского православного духовенства от активной поддержки своих русских собратьев, а немецкие власти, узнав об активности духовенства своей союзницы, и вовсе стали давить на власти с целью остановки широкомасштабной помощи делу религиозного возрождения на временно оккупированной территории.² В качестве «по-

¹ Шкаровский М. В. Православная Церковь Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны. М., 2019. С. 318.

² Там же. С. 321–322.

сла» в Берлин отправился в начале 1942 г. митрополит Врачанский Паисий (Анков), признанный в качестве переговорщика как министром Поповым, так и болгарским царем Борисом III (Саксен-Кобург-Готским). Однако в Берлине его ждала дипломатическая неудача. В планы нацистских ведомств не входила поддержка какой-либо миссионерской деятельности Поместных и Автономных Православных Церквей на территории Советского союза. Поездка болгарского архиерея не имела успеха, то, что он добился отправки ограниченного количества церковной утвари и религиозной литературы, в том числе советским военнопленным, фактически означало установление очень четких рамок деятельности болгар¹. Не достиг результатов и личный разговор между митрополитом Врачанским и архиепископом Берлинским и Германским Серафимом (Лядэ), оба лишь сошлись на сложности организации помощи верующим жителям оккупированных российских регионов. В дальнейшем болгарам удалось отправить миро, иконы, антиминсы и богослужебную литературу, о посылке же духовенства речи не шло. Существенную роль в этой помощи сыграли именно болгарские архиереи, поддерживающие идеи русского эмигрантского духовенства.

Более успешными были представители Румынской Православной Церкви. В отличие от болгар, румыны были не только союзниками нацистской Германии, но и принимали участие в войне против СССР. Представители этой крупной и влиятельной Поместной Православной Церкви видели в миссии в Советском союзе не столько путь к возвращению подвергавшегося массированной атеистической пропаганде населения к вере в Бога, сколько попытку включения внушительной территории в свое каноническое подчинение. Широко известны и достаточно хорошо проанализированы историками вопросы деятельности румынского православного духовенства на территории Бессарабии и Транснистрии (оккупированной Румынией

¹ Шкаровский М. В. Православная Церковь Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны. М., 2019. С. 323.

части Винницкой, Николаевской и Одесской областей УССР, а также левобережной Молдовы)¹. Ключевыми сторонами этой миссионерской деятельности были румынизация, борьба с юлианским календарем, искоренение церковнославянского языка, а также многих традиций православного украинского и русского населения. Собственно, на территории РСФСР представители Бухареста также хотели расширить миссионерскую работу, хотя и без ведома и согласия своих германских союзников. Главными проводниками «румынской линии» являлись представители военного духовенства, которые часто первыми проводили богослужения на временно оккупированных территориях (так было, к примеру, в Симферополе)². В дальнейшем же ситуация видоизменилась: несмотря на то, что к румынам тяготели некоторые представители православных на временно оккупированных российских территориях, в частности, обновленцы, немцы строго запрещали подобного рода «сотрудничество» и ограничили «зону» деятельности румын исключительно собственными вооруженными силами.

Такие же настроения преобладали и среди архиереев Русской Православной Церкви Заграницей. Уже в сентябре 1941 г. епископат РПЦЗ стал высказывать осторожные пожелания по поводу организации Временного Синода и наделения первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского) полномочиями Местоблюстителя Патриаршего Престола (хотя этот процесс и хотели отложить до занятия немцами Москвы)³. Новое оживление представителей РПЦЗ было отмечено летом 1942 г., когда они все более стали интересоваться положением

¹ Драгнев Э. Православная Церковь в Молдавии в XX столетии // Православная Церковь в XX веке. Киев, 2013. С. 179–202; Стратилат Н. В. Восточная церковная политика Румынии и положение Православной Церкви в Молдавии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 167–193; Пэжурариу М. Румынская Православная Церковь в XX столетии // Православная Церковь в XX веке. Киев, 2013. С. 161–178.

² Государственный архив республики Крым. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

³ Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (Сборник документов). М., 2003. С. 154–156.

дел на занятой территории и разработали конкретный план временного замещения приходов. Находящееся же на территории бывшей Югославии русское духовенство готово было незамедлительно отправиться в Россию для помощи в организации там нормальной приходской жизни. Однако и летом 1942 г. все действия РПЦЗ также были ограничены исключительно отправкой церковных сосудов, нательных крестов и антиминсов¹.

В среде православного населения, проживающего на территории России были представители как верующих, так и священства, стремящиеся наладить контакты с зарубежными архиереями. Прежде всего, следует упомянуть представителей местного самоуправления: бургомистров, глав церковных подразделов и отделов, журналистов, которые всячески способствовали налаживанию контактов с зарубежным духовенством. Ими двигала одна, но очень простая аксиома: все служившие ранее под большевиками священники не могут быть надежными, так как они в той или иной степени сотрудничали с режимом, мимикрировали, а иногда являлись агентами советских специальных служб. Представители же эмигрантского (зарубежного) духовенства, наоборот, были людьми независимыми от государственных властей в СССР, к тому же, доказавшими свою стойкую антисоветскую позицию. В результате получалась любопытная дихотомия: «чужой» был в определенной случае лучше «своего», подсоветского, сохранялась уверенность в том, что он надежнее, а иногда «каноничнее». Так, бывший в советское время школьным учителем математики и ставший с приходом немцев городским головой города Пскова Василий Чернепенькин отправлял эстонскому митрополиту Таллинскому Александру (Паулусу), противнику линии объединения с Москвой, следующее письмо: «Благословите Владыка Святой! И разрешите принести Вам самую святую, самую чистую христианскую благодарность за Ваше благословение,

¹ Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (Сборник документов). М., 2003. С. 167–168.

которое я получил от Вас! Это благословение ободрило меня и поддержало мою веру во Всевышнего в это тяжелое время. Всей душой рад буду служить Вам, если когда-нибудь и чем-нибудь буду Вам полезен. Всегда преданный Вам, благородный, надеющийся на Ваши молитвы»¹. Заметить стоит, что переписка между видным эстонским автокефалистом и главой оккупированного Пскова датирована ноябрем 1941 г., когда в городе уже располагался центр Псковской Православной Миссии, созданной экзархом Прибалтики Сергием (Воскресенским) и сохранявшей верность Московскому Патриархату.

Подобно пристрастию псковского городского головы к представителям Эстонской Православной Церкви, у части русских военных и гражданских коллаборационистов могли иметься симпатии и к представителям РПЦЗ. Современный историк иерей Евгений Шишкин подробно рассмотрел, как военный комендант Пятигорска Демидов способствовал тому, что в издаваемой на временно оккупированной территории Северного Кавказа газете «Пятигорское эхо» появилась в августе 1942 г. заметка о подчинении местных «тихоновских» приходов карловчанам и анонсировался Собор в Берлине, который разрешит все канонические противоречия². Естественно, что данные планы были просто нереализуемы в условиях нацистской оккупации и строгого запрета на проникновение «зарубежников» на Восток.

Некоторые коллаборационисты и вовсе были готовы пригласить на свою территорию архиереев РПЦЗ для занятия пустующих церковных кафедр. Так, в Симферополе, гражданское управление православными приходами оказалось в руках учителя географии, выпускника дореволюционных казанских

¹ Эстонский национальный архив. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430. Л. 17. *Петров И. В.* Православная Балтия 1939–1953 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб., 2016. С. 329.

² *Шишкин Е. Н., священник.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 – феврале 1943 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. «История. История Русской Православной Церкви». 2014. Вып. 6 (61). С. 123.

духовных школ Александра Дмитриевича Семенова, хорошо знавшего проблемы Церкви и разбиравшегося в истории церковных нестроений и разделений. Семенову категорически не хотелось допустить расширения в Таврии обновленческого раскола, хотя епископ-обновленец, Викентий (Никипорчик), уже стал проводить первые богослужения на полуострове и искать канонической опоры (в частности, у румын). В противовес Александр Дмитриевич считал наиболее разумным вариантом переход таврических православных приходов в ведение Синода РПЦЗ. Знал он и некоторых представителей Русской Православной Церкви Заграницей лично. В Казани в 1900-е гг. Семенов учился вместе с Владимиром Гавриловичем Павловским. В 1930 г. последний принял монашеский постриг с именем Василий в Харбине. В Харбине архимандрит Василий стал профессором богословия и преподавал в Богословском институте святого князя Владимира. В 1938 г. архимандрит Василий (Павловский) вынужден был покинуть пределы Маньчжурии и перебраться в Третий рейх. В 1939 г. в Белграде состоялась его хиротония во епископа Венского, викария Германской епархии. Узнав в период нацистской оккупации о столь высоком положении своего однокашника, А. Д. Семенов решил вступить с ним в переписку и попытаться добиться назначения последнего в Крым. В 1942 г. в Симферополь приезжает молодой священник «карловацкой» юрисдикции Игорь Ткачук [фамилия приведена предположительно, согласно послевоенному допросу А. Д. Семенова – И. П.]. Отец Игорь приехал в Таврию под видом корреспондента русскоязычного печатного издания и остановился на квартире крымского священника (ярого антикоммуниста) Павла Боброва. Отец Павел познакомил Семенова со своим постояльцем. В следующий раз представитель РПЦЗ посетил полуостров в 1943 г., причем дважды. В июле месяце Ткачук служил в местной Владимирской церкви, а после богослужения для него была организована встреча с представителями местного пастырства. На этой встрече местные священники Павел Бобров, 95-летний

протоиерей Митрофан Василькиоти (впоследствии отступит с немцами и в самые последние годы войдет в подчинение РПЦЗ), помощник церковного старосты Николай Сахно и староста Владимирской церкви Николай Сизарь подняли вопрос об отсутствии в Крыму правящего епископа¹. Но на тот момент вопрос с юрисдикционной принадлежностью был решен и крымские приходы возглавлял епископ Мелитопольский и Таврический Серафим (Кушнерук). Последний относился к юрисдикции Украинской Автономной Православной Церкви, тяготевшей к каноничному решению вопроса о предоставлении автокефалии, однако не появился на территории Крыма с архипастырскими визитами и имел крайне ограниченное влияние на крымскую церковную жизнь. Несмотря на это, таврические священники не рискнули перейти в подчинение РПЦЗ, зная о сложностях организации этого перехода и стоя на позиции верности УАПЦ.

На территорию Северо-Запада России прибывает другой эмиссар РПЦЗ – архимандрит Гермоген (Кивачук), полевой священник гвардейского маршевого батальона РОА, бывший секретарь архиепископа Серафима (Лядэ). Весной-летом 1943 г. архимандрит Гермоген решил вступить в общение с верным сторонником Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского) – Экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским). 16 мая 1943 г. произошла встреча бывшего секретаря митрополита Серафима (Лядэ) с главой Псковской Православной Миссии протоиереем Кириллом Зайц, на которой обсуждалась возможность сослужения военного священника вооруженных антисоветских формирований с духовенством Миссии в кафедральном Свято-Троицком соборе, на что отец Кирилл ответил отказом, сославшись на мнение митрополита Сергия (Воскресенского). Как отмечает М. В. Шкаровский, Виленский и Литовский митрополит еще при своей первой встрече с генералом А. А. Вла-

¹ Архив ГУ ФСБ по Республике Крым и городу Севастополю. Д. 8152. Т. 1. Дело Семенова А. Д. Дело Ковальского Е. А. Л. 34–183.

совым говорил о зависимости «карловчан» от иностранного политического влияния, в особенности немецкого, и об их полной оторванности от местного населения, общение с которым для «зарубежников» было долгое время невозможно¹. К тому же Экзарх был горячим сторонником идеи созыва Синода иерархов Русской Православной Церкви для консолидации находящегося под оккупацией православного духовенства. 17 мая 1943 г. он отказал архимандриту Гермогену в возможности сослужения с псковскими миссионерами, выпустив специальный меморандум по данному вопросу. В нем Экзарх Московской Патриархии дал очень жесткую оценку Русской Православной Церкви Зарубежом: «Карловацкий архиерейский Синод представляет церковную эмигрантскую организацию, которая с нарушением канонического права откололась от Церкви России. Политически этот схизматический Синод всегда выступал за основанную на принципе монархического легитимизма реставрацию династии Романовых»². Многие сторонники митрополита Виленского и Литовского занимали иную позицию по отношению к священникам-эмигрантам, чем миряне и духовенство других оккупированных территорий. Дело в том, что в 1930-е гг. Экзарх Прибалтики, а тогда еще иеромонах Сергей (Воскресенский) четыре года занимал пост главного редактора «Журнала Московской Патриархии». В издании в 1931–1935 гг. часто печатались указы Патриаршего Местоблюстителя, в особенности направленные против Карловацкого Синода. Еще в 1932 г. главный редактор активно доносил до своих читателей идею о канонических проблемах в деятельности РПЦЗ и доказывал, что линия непризнания митрополита Сергия (Страгородского) Предстоятелем Русской Церкви со стороны зарубежного епископата не имеет под собой оснований³.

¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 151.

² Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (Сборник документов). М., 2003. С. 232.

³ Журнал Московской Патриархии. 1932. № 11–12. С. 1.

В период нацистской оккупации данная позиция была поддержана и вверенным ему православным пастырством. Его верный помощник, юрисконсульт Экзаршего управления, Иван Давидович Гримм допускал, что представителей «карловацкой юрисдикции» все же можно допустить к служению, но только при условии личного присоединения последних к Московской Патриархии и покаяния. Более того, представители Прибалтийского Экзархата и Псковской Миссии всячески препятствовали проникновению эмигрантского духовенства в среду вооруженных антисоветских формирований и информировали об этом немецкие власти.¹

Любопытно, но уже упоминаемый нами выше Василий Максимович Черепенькин не видел противоречия в том, чтобы представитель РПЦЗ проводил богослужения на Северо-Западе России. Более того, Черепенькину виделось, что близкие к монархическим идеям «зарубежники» гораздо более применимы для миссионерской работы в России². Сам же архимандрит Гермоген придерживался иной позиции. С одной стороны, он признавал, что «царское управление» себя изжило и не может быть реставрировано в условиях более чем 20-летнего пребывания России в большевизме. С другой стороны, он отмечал, что политические противоречия, существовавшие между сторонниками Московской Патриархии и «карловчанами», преодолены войной, и больше нет смысла в усилении конфликта³. В результате возникла парадоксальная на первый взгляд ситуация: местный городской голова охотно был готов предоставить представителю РПЦЗ приход на территории нынешней Псковской области, в то время как члены Псковской Миссии не признавали «зарубежную юрисдикцию». В результате был достигнут некий временный консенсус: за богослужением духовенство антисоветских формирований должно было поми-

¹ Приказ: Архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944: Сборник документов / Авт.-сост.: Бернев С. К., Рупасов А. И. СПб., 2016. С. 381–383.

² Там же. С. 423–424.

³ Там же. С. 423.

нать только митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского)¹.

В чем особенность разрешения данной коллизии на Северо-Западе России? Отметим, что здесь, в отличие от большинства других оккупированных территорий РСФСР существовала четкая каноническая связь с архиереем Московской Патриархии – митрополитом Сергием (Воскресенским). Местное духовенство было лишено необходимости обращаться к авторитету каких-либо церковных структур извне. Сам же Экзарх и в период нацистской оккупации был противником зарубежного духовенства и строго следил за тем, чтобы вверенное ему священство и миряне не «искушались» перспективой ухода в РПЦЗ. Опасения митрополита Виленского и Литовского были далеко не беспочвенными. Представители местной власти, в лице самого главы Пскова, искали союза с Русским Зарубежьем и доверяли эмигрантам больше, чем тем, кто служил в условиях советского строя. Однако архимандрит Гермоген (Кивачук) не обладал большим влиянием и уж тем более полномочиями для организации приходов РПЦЗ в России. Виной был, кроме вышеуказанных причин, и его достаточно экстравагантный внешний вид. Участник Русского освободительного движения Леонид Самутин после войны вспоминал, что к «подсоветским» людям архимандрит Гермоген был сначала покровительственно-небрежным, но затем простым и обходительным. Судя по всему, архимандрит был довольно авантюрной личностью, о чем можно судить и по его биографии, и по внешнему виду: в частности, вдобавок к своему и так слишком военизированной «одеядию» он носил пистолет системы «Вальтер»².

Иная ситуация сложилась в районе Орла и Смоленска. Здесь в начале оккупации не было тех церковных структур, к которым можно было бы апеллировать для установления ка-

¹ Приказ: Архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944: Сборник документов / Авт.-сост.: Бернев С. К., Рупасов А. И. СПб., 2016. С. 426.

² Самутин Л. А. Я был власовцем... СПб.: Белое и черное, 2002. С. 119–120.

ноничной системы управления. И если Смоленск на рубеже 1942–1943 гг. перешел в ведение Белорусской Православной Церкви, находящийся вдалеке от других епархий Орел не мог разрешить юрисдикционную проблему вплоть до отступления нацистов. Обращаться орловские пастыри решили к Синоду РПЦЗ.

Духовенство Орла стало поминать за богослужением митрополита Серафима (Лядэ) практически сразу после начала оккупации. На их пожелания высказались и сами «карловчане». 18 ноября 1942 г. состоялось заседание Архиерейского Синода РПЦЗ, на котором было принято следующее решение: «Признавая необходимым, чтобы Зарубежная Церковь во всех случаях, когда это нужно и возможно, приходила на помощь верующим на Родине, предложить Преосвященному митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму принять возможные меры к выяснению возможности посылки Епископов в Смоленск и Орел на предмет организации там церковной жизни. Кроме того, предложить Преосвященному митрополиту Серафиму осведомлять Архиерейский Синод о поступающих из освобожденных областей сообщениях о церковной жизни там»¹. Одновременно в Орле было сформировано и временное управление епархией во главе с протоиереем Александром Кутеповым. Параллельно этой церковной структуре, создается светская, которая занимается поддержанием порядка в местных приходах. Первоначально церковными вопросами ведал эмигрант Иван Константинов. Сначала он являлся старейшиной храмов Орловской епархии². Впоследствии, в мае 1943 г., в составе IV главного отдела управы просвещения, культуры и культа немцами был организован четвертый подотдел Церкви и религии, возглавляемый Иваном Константиновым и его помощником Пахомом Ерофеевым³.

¹ Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (Сборник документов). М., 2003. С. 170–171.

² Государственный архив Орловской области. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 15. Л. 162.

³ ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

И Константинов, и отец Александр Кутепов были сторонниками ориентации на РПЦЗ. Однако смогли наладить взаимоотношения с ней только в первый период нацистской оккупации. От имени Орловского епархиального управления отец Александр Кутепов состоял в переписке с архиепископом Серафимом (Лядэ). От последнего летом 1942 г. он получил митру и крест с бриллиантами¹. Однако в конце года, предположительно в связи с неприятием со стороны немцев налаживания связей русского духовенства с эмигрантским, 25 ноября 1942 г. он был нацистами арестован и отправлен этапом в лагерь «Кальков» под Брянском². Оттуда он был освобожден Красной армией только в конце ноября 1943 г. Судя по тому, что шкаф отца Александра в 1944 г. был вскрыт местным духовенством и была составлена подробная опись находившихся там вещей, не избежал он ареста и советскими карательными органами.

В скором времени немцы санкционировали замену временного епархиального управления в Орле на благочиннический совет, который в 1943 г. должен был решить вопрос канонической принадлежности местных православных приходов. 22 июня 1943 г. в Орле собралось местное православное духовенство для организации действующего епархиального управления и для выбора нового благочинного, который бы стал уполномоченным перед нацистской администрацией в деле благоприятного разрешения накопившихся вопросов. Этим благочинным был избран протоиерей Филипп Переведенцев, священник орловской Никитской церкви³. Представители духовенства рассматривали самые разные варианты разрешения канонических споров, в том числе возможность обращения к Белорусской Православной Церкви, но изменение положения дел на фронте положило конец этим поползновениям.

¹ ГАОО. Ф. Р-4330. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

² Там же.

³ ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 6. Л. 164 об.

Тем не менее, «орловская попытка» стала в историографии самой известной из-за того, что местный протоиерей Иоанн Маккавеев после ухода из Орла немцев сообщил корреспонденту британской газеты «The Sunday Times» и Би-би-си Александру Верту о том, что в период оккупации был вынужден поминать за богослужением митрополита Серафима (Лядэ)¹.

Почему же успехи представителей зарубежного духовенства в итоге оказались столь скромными? Повлияли многолетние плоды атеистической пропаганды советских властей? На самом деле, нам кажется, что дело состояло в другом. На занятой нацистами территории многие верующие тяготели к эмигрантскому духовенству, как незапятнаншему себя сотрудничеством с НКВД. Подсоветская интеллигенция, пошедшая на сотрудничество с военным противником советских властей, в первую очередь стала той движущей силой, которая захотела привлечь представителей РПЦЗ к восстановлению религиозной жизни (часто это касалось и просто иностранного духовенства). Легальных же форм для такого привлечения самих эмигрантов просто не было. В начале войны представители Болгарской Церкви пытались создать централизованную миссию для окормления страждущего российского народа, на что получили строгий и категоричный отказ со стороны немцев. Синод РПЦЗ также добился только посылки антиминсов и богослужебной литературы без санкции на отправку самого духовенства. Тем не менее, возникали некоторые нелегальные каналы связи. Как журналисты, представители военного духовенства русских антисоветских формирований, «зарубежники» оказывались в пределах РСФСР и немедленно старались вникнуть в расстановку сил на местных приходах. Не всегда это им удавалось. Многие местные священники были готовы принять священников-эмигрантов, однако они либо уже установили каноническую связь с представителями других церковных юрисдикций, либо натыкались на жесткий отпор со стороны нацистов. В зоне деятельности Прибалтийского Экзархата и Псковской Миссии ситуация выглядела иной только

¹ Верт А. Россия в войне 1941-1945 гг. М.: Воениздат, 2001. С.421.

лишь из-за личной позиции митрополита Сергия (Воскресенского), твердо сохранившего мнение, что РПЦЗ – схизматическая юрисдикция, представители которой могут лишь после покаяния перед Московской Патриархией и признания власти митрополита Сергия (Страгородского) продолжить свое служение на российской территории (однако и здесь ситуация в итоге смягчилась).

Любопытно отметить две закономерности. Первая – к РПЦЗ не тяготели обновленцы, действующие на занятой территории. Они вполне допускали союз с румынским православным духовенством и даже переход в подчинение Румынской Православной Церкви, были согласны на принятие украинской автокефалии, но не хотели переходить в наиболее жесткую антисоветскую РПЦЗ. Вторая – многие представители служившего на временно оккупированных российских территориях духовенства не только эвакуировались на Запад с отступающими частями Вермахта, но и вошли в подчинение РПЦЗ. Этот факт еще раз как нельзя лучше свидетельствует о высоком авторитете и популярности идеи вхождения в каноническое единство с Зарубежной Церковью православного духовенства и мирян на временно оккупированных территориях России.

Библиографический список

1. Архив ГУ ФСБ по Республике Крым и городу Севастополю. Д. 8152. Т. 1. Дело А. Д. Семенова. Дело Е. А. Ковальского.
2. *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 2001. 664 с.
3. Государственный архив Орловской области. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8; Д. 15.
4. ГАОО. Ф. Р-4330. Оп. 1. Д. 20.
5. ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 6.
6. Государственный архив Республики Крым. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2.
7. *Драгнев Э.* Православная Церковь в Молдавии в XX столетии // Православная Церковь в XX веке. Киев: Дух і Літера, 2013. С. 179–202.
8. Журнал Московской Патриархии. 1932. № 11–12.
9. Приказ: Архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944: Сборник документов / Авт.-сост.: *Бернев С. К., Рупасов А. И.* СПб.: Арт-экспресс, 2016. 552 с.
10. *Петров И. В.* Православная Балтия 1939–1953 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб.: Бумажные книги, 2016. 376 с.

11. *Пэкурариу М.* Румынская Православная Церковь в XX столетии // Православная Церковь в XX веке. Киев: Дух і Літера, 2013. С. 161–178.
12. *Самутин Л. А.* Я был власовцем... СПб.: Белое и черное, 2002. 320 с.
13. *Стратилат Н. В.* Восточная церковная политика Румынии и положение Православной Церкви в Молдавии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 167–193.
14. *Шишкин Е. Н., священник.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 – феврале 1943 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. «История. История Русской Православной Церкви». 2014. Вып. 6 (61). С. 113–127.
15. *Шкаровский М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (Сборник документов) М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья Общество любителей церковной истории, 2003. 364 с.
16. *Шкаровский М. В.* Православная Церковь Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны. М.: Издательский дом «Познание», 2019. 608 с.
17. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 219–246.
18. Эстонский национальный архив. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 430.

Сведения об авторе

ПЕТРОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ –

кандидат исторических наук, ассистент кафедры Новейшей истории России Института истории СПбГУ

e-mail: ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@spbu.ru

«Wind from the West»: Attempts of emigrated clergy to help organise parish life in the temporarily occupied territory of the RSFSR

Ivan V. Petrov

Candidate of History, Assistant of Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University

e-mail: ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@spbu.ru

Attempts by the Russian Orthodox Church Abroad to organise a special mission to restore the parish system in the RSFSR have been little studied by Russian and foreign scholars. Most often, the macro-level question of the decisions of the Synod of the Russian Orthodox Church Abroad on this issue has been considered. This article focuses on the problem of the local Orthodox clergy's reflection on these attempts, as well as the dilemma of the desirability of emigration on the part of local intellectuals and collaborators.

Keywords: Nazi occupation, World War II, Russian Orthodox Abroad, church revival.

Урядова А. В.

Будни Русской Православной Церкви за рубежом в 1920-е годы

Работа посвящена исследованию истории Русской Православной Церкви за границей, как «евлогиан», так и «карловчан» в период 1920-х гг. Особое внимание уделяется повседневной жизни Русской Православной Церкви, окормлению паствы, подготовке кадров священнослужителей, религиозному образованию и воспитанию, финансированию церковной деятельности.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь за рубежом, «евлогиане», «карловчане», окормление паствы, подготовка кадров священнослужителей, религиозное образование, религиозное воспитание, финансирование Русской Православной Церкви.

Начиная со времени возникновения высших церковных органов в эмиграции, одной из их основных задач была организация и упорядочение церковной жизни. В связи с этим за границей были образованы новые епархии.

Забота о приходах и церковных общинах была наиболее актуальна особенно в первые годы эмиграции. Это был целый комплекс проблем: организация общины, предоставление ей священнослужителя и церковного здания, информирование обо всех постановлениях и документах вышестоящих церковных органов. О том, как это все происходило, сохранились лишь отрывочные сведения, но без них картина будет не полной.

До 1917 г. русских церквей вне пределов территории Российской империи было не так много. Они находились либо в местах, где часто бывали русские (в столичных и курортных городах Европы), либо там, где велась миссионерская деятельность Русской Православной Церкви. Поэтому во многих странах,

где оказались после революции русские эмигранты, церковью вообще не было (например, в Сербии, где поначалу богослужение совершалось в сербских православных храмах). В некоторых странах была лишь одна (чаще всего посольская) церковь. С ними и были связаны первые проблемы имущественного плана. Перемены, произошедшие на родине со сменой власти, поставили на повестку дня вопрос об их принадлежности: в чьем распоряжении они должны находиться – эмигрантов или советской власти. Многие из этих проблем не разрешены и поныне. Так, более двух лет, например, продолжалась борьба за русскую церковь в Копенгагене, которую, в конце концов, отстаивали эмигранты¹. Посольская же церковь в Берлине была отдана РСФСР². Малочисленность храмов и проблемы, возникавшие в связи с решением вопроса об их принадлежности, поставили перед Русской Православной Церковью в эмиграции серьезнейшую задачу – создание новых приходов.

Проблем с организацией самих церковных общин не было. Это происходило самопроизвольно вокруг давно построенных старых русских храмов или в местах концентрации русских. Если это была построенная ранее церковь, то эмигранты присоединялись к той русской общине, которая уж была здесь и возглавлялась местным священником, тогда как с вновь образованными общинами было сложнее. Инициаторами их создания были сами верующие, но возникало две основных проблемы: во-первых, нужен был пастырь, а во-вторых, само помещение для совершения богослужений.

Вновь образованные церковные общины занимали под богослужение самые различные здания. Это могла быть домовая церковь при чьем-либо доме или просто жилое помещение, церковь другой конфессии (ее брали либо в аренду на определенные дни, либо выкупали) или вообще здание, не приспособленное к данным нуждам. Иногда сами прихожане строили новые церкви. Среди новостроек преобладали здания-времен-

¹ Архив МИД Франции, р. 90–92, 97–104, 129–135; 125, р. 6–18

² *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.* М., 1994. С. 383.

ки, зачастую внешне даже не похожие на церковь. Строительство новых богатых храмов было затруднено из-за тяжелого финансового положения. На временный характер церковей влияла и надежда на скорое возвращение на Родину.

Церковное строительство было наиболее развито во Франции. Здесь сказывалось то, что из мест русского рассеяния Франция была самой обеспеченной, богатой страной с устойчивой экономикой (в отличие, например, от Германии того времени). Сюда эмигрировала знать, которая могла финансировать постройку церковей. Но она расселилась, в основном, в местах, уже обжитых русскими до революции, то есть там, где уже были храмы.

Отличительной чертой новых приходов, как отмечал П. Е. Ковалевский, было то, что они строились не на курортах и местах, где прежде отдыхали богатые люди, а в заводских русских рабочих поселках¹. Чаще всего, строительство вели сами рабочие. Финансовую помощь в этом деле мог оказать и владелец предприятия (если на заводе работало значительное число русских, иногда выделялось помещение для религиозных нужд): он был заинтересован удержать, привязать к данному месту дешевую рабочую силу, нанимаемую по контракту.

Отличалась и сама служба, в зависимости от месторасположения храма. Так, в центрах сосредоточения знати (то есть в столицах государств и на курортах), богослужение из-за ориентации на привычки прихожан велось по укороченному чину, характерному для домовых церковей.

Иконостас церковей составляли иконы, как вывезенные из России, так и новоделы. Более богатые новые храмы создавались чаще всего в ближайших пригородах и небольших городах (в столицах подобное строительство было затруднительно из-за высокой цены на землю), когда старые церкви из-за своих небольших размеров были не способны вместить всех желаю-

¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия (историческая и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека 1920–1970). Париж, 1971. С. 201.

щих (так, например, случилось с главным в дореволюционном Париже русским храмом святого Александра Невского). Они строились видными архитекторами и расписывались знаменитыми художниками, иконописцами. (Храм Сергиевского подворья в Париже – роспись Д. С. Стеллецкого и княгини Е. С. Львовой; церковь в Сент-Женевьев-де-Буа – архитектор А. Н. Бенуа, роспись его и его жены М. Н. Бенуа, иконостас Ф. А. Федорова; храм-памятник в Мурмелон-ле-Гран на военном русском кладбище – архитектор А. Н. Бенуа, роспись его и его жены М. Н. Бенуа)¹. Хотя были и случаи украшения менее известными художниками более простых менее богатых храмов. Так, одним из членов приходского совета парижской церкви, построенной в бараке на ул. Лекурб был бывший директор Московского Строгановского художественного училища Н. В. Глоба, который и расписывал ее, а помогал ему в этом, консультируя по ряду вопросов, другой прихожанин – Калининский, один из известных русских специалистов по древнерусскому искусству². Объединившись с ревнителями русской старины, художники и архитекторы зарубежья создали в 1925 г. в Париже общество «Икона». Оно ставило своей целью изучение и охрану древних икон, помощь в создании и оформлении новых храмов, реставрации старых, ознакомление (путем выставок, бесед и лекций) с русским иконописанием жителей тех стран, где находились эмигранты.

Обратимся к проблеме священнослужителей, отметив для начала особенность, которая возникла в их работе за рубежом. В зависимости от численности прихода один пастырь мог обслуживать только его или брать под свою опеку еще несколько (чаще всего обособленных и удаленных друг от друга). Кроме того, в русской эмиграции существовала довольно значительная группа людей, не способных по состоянию здоровья (по бо-

¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия (историческая и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека 1920–1970). Париж, 1971. С. 201. С. 211.

² Костиков В. В. Не будем проклинать изгнанье... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990. С. 337.

лезни, из-за слабости в связи с плохим питанием и другими тяготами эмиграции) или из-за преклонного возраста посещать церковь (тем более, что та могла находиться в другом городе). Все это привело к появлению «разъездных священников». На появлении подобной особенности сказалась и нехватка пастырей. И это было очень серьезной проблемой.

Окормлявших малочисленную русскую паству за рубежом до революции было немного, а среди эмигрантов духовенство главным образом было представлено архиереями, тогда как рядовые пастыри остались в России. Решение этого «кадрового» вопроса осуществлялось несколькими путями за счет обучения: 1) на местах людей других профессий (чаще это касалось низших церковных чинов); 2) на богословских факультетах заграничных учебных заведений (в православных странах); 3) в новых, только начинавших тогда возникать русских богословских учебных заведениях.

Рядовыми священниками без богословской подготовки, рукоположенными уже в эмиграции, становились чаще всего бывшие военные или дети пастырей, реже интеллигенция. Среднее богословское образование давали семинарии, прежде всего в Варшаве, Софии, Белграде. Среди зарубежных учебных заведений, готовивших священнослужителей, в том числе и для русских церквей, основным был Белградский университет. Необходимо отметить и то, что в этом университете, как и во многих других, работали русские преподаватели, в том числе и на богословском и философском факультетах. Так, в 1922/23 учебном году в нем обучалось и работало на философском факультете 14,2% и на богословском – 25% русских (от общего числа студентов и преподавателей данных факультетов). К 1926/27 учебном году этот процент снижается соответственно до 8,4% и 13,6%. Причем, как отмечал Н. Зернов, среди сербских студентов большинство было выпускниками семинарии и для них обучение в университете способствовало продвижению по иерархической лестнице. Тогда как эмигранты не могли даже предполагать, какая судьба их ожидает, не говоря уже о

карьере¹. Но подобное обучение в зарубежных школах не всегда устраивало русских эмигрантов (там не было учета русской специфики и соответствующей ей подготовки).

Специальных русских учебных заведений данного профиля в начале 1920-х гг. за границей не было вообще. Они только начинали появляться. Так, в Болгарии было организовано пастырское училище во главе которого встал архиепископ Дамиан (Царицынский). В 1922 г. в Берлине (благодаря усилиям Свободного религиозно-философского общества) возникла религиозно-философская академия, которая в 1925 г. переехала в Париж. Она появилась за рубежом одновременно с высылкой из России в 1922 г. ряда философов и стала своего рода приемницей Вольной академии духовной культуры и религиозно-философских обществ, существовавших до этого на родине. В Академии проходили курсы лекций на философские, религиозные, культурные и исторические темы. Но систематического специального образования она не давала, поэтому считать ее настоящим учебным заведением можно лишь с определенной условностью. Ее деятельность носила скорее просветительский, исследовательский характер.

Работа этой Академии окончательно привела к мысли о необходимости специального высшего учебного заведения для подготовки священнослужителей. Предлагались различные проекты. Одни настаивали на создании такого института в Праге (этот город был центром русского студенчества, кроме того учитывалось благосклонное отношение местных властей). Другие предлагали реализовать этот проект в Сербии (Сербская Патриархия всячески помогала русским священнослужителям, но главным доводом было то, что именно на территории этой страны располагались высшие церковные органы Русской Православной Церкви за границей). Но, в конце концов, материальные доводы (финансы и возможность приобрести землю), а также переезд во Францию возможно будущих препода-

¹ За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд (Хроника семьи Зерновых, 1921–1972) / Под. ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Париж, 1973. С. 23.

вательских кадров обусловили создание в 1925 г. Богословского института в Париже. Надо отметить и то, что самое активное участие в решении вопроса принимал митрополит Евлогий (Георгиевский) и его епархиальное управление, расположенное также в этом городе. Открытый Богословский институт вкуче с храмом получил название Сергиевского подворья.

Религиозно-философская Академия и парижский Богословский институт стали кроме всего прочего крупными центрами развития философской и религиозной мысли, продолжая традиции русского богословия и философии. Здесь необходимо отметить, что эти два института находились в ведении митрополита Евлогия (Георгиевского). Православие здесь не было застывшей догмой, его изучали с позиций современности, что наряду с финансовой помощью этим заведениям со стороны иностранных христианских организаций (Young men Christian Association (YMCA) и Appeal for the Russian Clergy) вызвало недовольство со стороны Архиерейского Синода и стало одним из поводов для размежевания в Русской Православной Церкви в эмиграции¹.

Стоит упомянуть и о вопросе религиозного образования в эмиграции вообще, и в частности детского. Чаще всего оно было связано с церковно-приходскими, воскресными (четверговыми) школами, в которых преподавали сами прихожане. В крупных городах существовали даже русские начальные и средние школы, в которых религиозное обучение было частью программы.

Возвращаясь к деятельности священнослужителей, надо отметить, что независимо от образования их материальное положение все же оставляло желать лучшего. Митрополит Евлогий (Георгиевский) писал: «Иногда оклад жалованья нищенский. Бывают дни – приходится голодать, разве кто-нибудь из прихожан покормит»². Еще более удручающая картина, связанная с отсутствием кадров и тяжелым положени-

¹ Хроника Богословского института // Православная мысль. 1928. № 1. С. 228.

² *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.* М., 1994. С. 414.

ем духовенства, предстает перед нами в письме митрополита Антония к графу В. В. Мусину-Пушкину от 21 января 1922 г.: «Кроме того, священников, неопределенных еще на сербские приходы, нет вовсе, а пребывающие в Константинополе нищие, им даже Патриарх Сербский не может за эти 10 месяцев выхлопотать визы. Двое там умерли, почти с голоду. Правда 24 визы послали 46 просителям, но тогда, когда 20 уже и сами перебрались сюда, дав взятку в Константинополе, где следует, остальные 22 остались там. Еще есть надежда, что пробьются сюда 7 военных священников из Бизерты...»¹. Некоторые из пастырей находили дополнительный заработок, работая не только учителями и преподавателями, но даже на фабриках и заводах, возвращаясь к своей настоящей профессии лишь по субботам-воскресеньям и праздникам. И все же многие священнослужители, особенно маленьких приходов, бедствовали. Так, например, месячный доход церкви поселка Сен-Пьерде-Кор (Франция) составлял 150 франков (при прожиточном минимуме 300 франков)².

Материальные трудности испытывали не только рядовые священнослужители, но и архиереи, особенно в начале 1920-х гг. Русские епископы, проживавшие в Сербии, получали ежемесячное пособие. Его сумма не прослеживается по источникам, но известно, что первым пяти русским архиереям, приехавшим сюда в 1920 г. после аудиенции к Сербскому Патриарху было вручено пособие по 1000 динар (при курсе 1 доллар=60 динар)³. Даже высшие церковные органы не имели постоянных доходов и были бедны. В письме к графу В. В. Мусину-Пушкину от 21 января 1922 г. митрополит Антоний (Храповицкий) писал: «Очевидно Вы не представляете, что наше В. Ц. Управление и Епископ. Совет и все мы – формально нищие, не имеющие ни-

¹ Антоний (Храповицкий), митрополит. Письма блаженнейшего митрополита Антония. Джорданвилль, 1988. С. 152.

² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия (историческая и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека 1920–1970). Париж, 1971. С. 202.

³ Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Н. Й., 1956–1971. Т. 5. С. 27.

каких средств и служащие задаром, за исключением секретаря того и другого учреждения. Низших чинов и сбережений у нас нет. Сборы по колониям должны были дать 60000 динар, к 1 января, а дали 2500»¹.

В то время митрополит Евлогий (Георгиевский), например, не имел даже достойного церковного облачения. Что касается епархии, окормляемой им, здесь надо отметить помощь со стороны состоятельных верующих, как при постройке церквей, покупке земли и зданий для этого, так и в финансировании работы самого Епархиального управления. В сентябре-октябре 1922 г. его глава ближе сошелся с бывшими сотрудниками русского посольства и членами Русского политического совещания во Франции В. А. Маклаковым и М. Н. Гирсом, которые в ответ на ходатайство представителей эмигрантской общечественности ассигновали для работы Епархиального управления 2000 франков ежемесячной субсидии, что составило его основной фонд².

Вообще финансирование церквей и оплата работы священнослужителей шла разными путями. Часть суммы составляли пожертвования как собственных прихожан, так и некоторых иностранных организаций и отдельных меценатов (См. например финансовые отчеты Русской Православной церкви в Женеве³), помогали правительства некоторых стран и жертвователи из местного населения (например, на строительство церкви Святой Троицы в Белграде 40 000 динар были отпущены председателем Совета министров Сербии Пашичем, а кирпичи пожертвованы двумя сербскими заводами⁴). Иногда деньги поступали из необычных источников. Так, например, в русском храме во Флоренции находились останки королевы эллинов Софии и короля Константина, за что греки платили ежегодно

¹ Антоний (Храповицкий), митрополит. Письма блаженнейшего митрополита Антония. Джорданвилль, 1988. С. 152.

² Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 373.

³ С.А.Р.А.Н (Национальный архив Франции). АЖ 43/75. Р. 332.

⁴ Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Н. Й., 1956–1971. Т. 5. С. 96–99.

7000 франков¹. Денежные поступления в пользу церкви шли также и от концертов приходских хоров, других выступлений.

Финансовый вопрос стоял в Русской Православной Церкви в эмиграции очень остро. Прекратившееся после революции государственное финансирование заставило Архиерейский Собор и Синод на своих заседаниях неоднократно обращаться к этой проблеме. Установленные карловацким Собором дифференцированные процентные отчисления от приходов давали возможность перераспределять средства более богатых храмов в пользу более бедных. Сам же сбор денег священнослужителями у прихожан, особенно в заводских поселениях, был весьма затруднен. В этом случае для облегчения участи священнослужителя (при согласии его и рабочих) заключались договоры с управлением предприятия, которое автоматически высчитывало из зарплаты 2% в пользу храма и пастыря². Определенную помощь оказывали и заводы, выпускающие церковные предметы, утварь. Так, в Париже был организован небольшой свечной завод, который снабжал восковыми свечами все приходы, подведомственные митрополиту Евлогию (Георгиевскому). Надо отметить и то, что денежные поступления были неравномерными и нерегулярными, иногда зависели от внешних обстоятельств: политической и экономической ситуации в стране проживания, событий, происходивших внутри самой Церкви (например, материальное положение Архиерейского Синода было особенно трудным, когда в сербской печати была начата кампания с требованием его закрытия)³.

Несмотря на все материальные проблемы при церквях возникали школы, библиотеки, хоры, кассы взаимопомощи, устраивались беседы, лекции, собрания. Некоторые более сильные и богатые церковные приходы организовывали амбулатории, столовые и приюты для сирот, пожилых, инвалидов и нужда-

¹ *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.* М., 1994. С. 397.

² *Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия (историческая и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека 1920–1970).* Париж, 1971. С. 201.

³ *Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого.* Н. Й., 1956–1971. Т. 5. С. 100.

ющихся (так называемые «Русские дома»), а летом устраивали лагеря для детей. Заметим, что у Русской Православной Церкви в отличие от протестантской и католической церквей не было большого опыта благотворительных мероприятий и создания специальных организаций для этого. При церквях образовывались православные общества, сестричества, братства, которые оказывали не только духовную помощь верующим, поддержку приходам, но и активно участвовали в сборе денежных средств для церкви. Так, например, сестричество под руководством В. В. Неклюдовой занималось сбором пожертвований не только деньгами, но и бывшими в употреблении вещами. За год через него проходило до 50–60 тысяч франков (сумма по тем временам весьма значительная)¹, вещи же сестры раздавали нуждающимся.

Создаваемые за границей братства носили в основном просветительский характер и состояли в большинстве своем из молодежи. В то время были созданы следующие братства: святого Александра Невского (1921 г., Париж); преподобного Иова Почаевского (Ладомирова (Карпаты)); святой Троицы (1924 г., Париж); Свято-Фотиевское (Франция); Свято-Сергиевское (1928 г., Париж); кружок преподобного Серафима Саровского (Белград). Там же в Сербии существовало «Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев», было положено начало «Русскому Студенческому Христианскому Движению» (РСХД), которое затем переехало в Париж. За образец были взяты формы и методы работы американской организации «Young Men Christian Association» (YMCA) (которая, как считали ее противники, не делала никаких различий между множеством религий и сект). Она даже субсидировала РСХД и первое время ее активисты стояли во главе этой организации. Все это послужило поводом для обвинения «Движения» в масонстве, отходе от православной веры и в результате явилось одной из причин разногласий

¹ Костиков В. В. Не будем проклинять изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990. С. 335.

в Русской Православной Церкви в эмиграции (сторонники митрополита Евлогия (Георгиевского) поддерживали и всячески способствовали развитию и деятельности РСХД, а Архиерейский Собор и Синод осудили ее). Тем не менее, на наш взгляд, все эти общества явились для эмиграции некой отдушиной, социальными реабилитирующими центрами, они способствовали духовному воспитанию молодежи и определенным образом компенсировали нехватку священнослужителей и храмов.

У некоторых из этих обществ и братств были свои печатные органы (например, «Сергиевские листки»). Существовало два основных издательства, публиковавших церковную литературу: 1) YMCA-press (с 1925 г. располагается в Париже), которое выпускало книги и брошюры, связанные в основном с работой РСХД и Сергиевского подворья. 2) Другое издательство существовало сначала в Почаевском монастыре святого Иова (Польша), а затем оно переехало во Владимирово (Ладомирово), в Словакию. С 1922 г. в Белграде выпускался официальный орган Архиерейского Синода «Церковные ведомости», а в Сремских Карловцах с 1923 г. «Церковное обозрение». Церковную жизнь освещали и другие издания, косвенно связанные с ней (например, «Двуглавый орел», «Путь»).

Преодолевая все сложности (материальную и финансовую необеспеченность, отсутствие достаточного количества духовенства), Церковь объединяла вокруг себя эмиграцию. Она была консолидирующим, духовным, социальным, воспитательным центром.

Библиографический список

1. *Антоний (Храповицкий), митрополит*. Письма блаженнейшего митрополита Антония. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1988. 280 с.
2. Архив МИД Франции. Europe 1918–1940. URSS. 124.
3. *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. 2-е изд. М.: Московский рабочий, Издательский отдел Всецерковного православного молодежного движения, 1994. 622 с.
4. За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд (Хроника семьи Зерновых, 1921–1972) / Под. ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Paris: YMCA-press, 1973. 561 с.

5. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия (историческая и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека 1920–1970). Paris: Librairie des cinq continents, 1971. 347 с.
6. Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Международные отношения, 1990. 464 с.
7. Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: В 17 т. Н. Й.: Северо-амер. и канад. епархия, 1956–1971. Т. 5: В эмиграции, 1920–1936 гг. 1959. 336 с.
8. Хроника Богословского института // Православная мысль. 1928. № 1. С. 226–231.
9. С.А.Р.А.Н. (Национальный архив Франции). AJ 43/75.

Сведения об авторе

УРЯДОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА –
 доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей
 отечественной истории Ярославского государственного
 университета им. П.Г. Демидова
e-mail: koukouch@mail.ru

Daily life of the Russian Orthodox Church abroad in the 1920s

Anna V. Uriadova

*Doctor of History, Professor of the Department of Modern National
 History of P. G. Demidov Yaroslavl State University*

e-mail: koukouch@mail.ru

The work is devoted to the study of the history of the Russian Orthodox Church abroad, both «Eulogists» and «Karlovists» in the period of the 1920s. Special attention is paid to the daily life of the Russian Orthodox Church, pastoral care, training of clergy, religious education, financing of church activities.

Keywords: *Russian Orthodox Church Outside of Russia, “evlogian”, “karlovians”, care of the flock, the teaching of clergy, religious education, financing of church activities.*

Халидова О. Б.

**«Безбожное лихолетье»
или антицерковная политика
советского государства:
характер отношений на местах
(1920–1930-е гг.)
(на примере Дагестана)**

С учетом отсутствия в научных исследованиях как российского, так и регионального уровня исторической информации о православном прошлом нашей республики в период революционных событий и Гражданской войны, в центре исследовательской идеи – показать трансформацию государственной политики в отношении Православной Церкви после революции 1917 г. в национальном регионе. Отмечается атеистическая идеологическая направленность новой власти, особенностью которой являлась широкомасштабная и бескомпромиссная борьба с религией, вследствие которой самый сильный удар обрушился на Русскую Православную Церковь как наиболее влиятельную конфессиональную структуру. Однако, в годы Гражданской войны религиозный вопрос не являлся в национальном крае первостепенным, планомерной работы по проведению антицерковного декрета не проводилось. Некоторые декреты СНК периода 1917–1919 г. по религиозным вопросам либо обошли регион стороной, либо выполнялись по прошествии какого-то времени. Подобное положение вещей было связано, прежде всего, с особенностями утверждения советской власти в регионах с преимущественно мусульманским населением (Дагестан, Чечня), а также с непростой ситуацией, связанной с Русской Православной Церковью (Владикавказская епархия).

Ключевые слова: Дагестан, революция, Советская власть, религия, православие, антицерковная политика.

Христианской религии, ее месту и роли в дагестанском обществе посвящена многочисленная и разнообразная по своему характеру литература. Исследования советского периода отме-

чены, в основном, изучением истории раннехристианских памятников на территории республики¹. В постсоветское время появляются исследования по религиозной политике Российской империи в Дагестане², о строительстве в крае церковных культовых сооружений³. Что касается советского периода, то на сегодняшний день информация по данному вопросу имеет весьма разбросанный характер. В свете вышесказанного в представленной статье мы попытаемся немного приблизиться к заполнению образовавшейся лакуны конфессионального исторического прошлого республики Дагестан в разрезе большевистской модернизации национального края.

Прежде чем перейти непосредственно к заявленной теме, определим, что собой представляла православная составляющая Дагестана. К началу 1917 г. среди поликонфессионального населения второе место по численности занимали православные края. На территории Дагестана (включая Хасавюртовский и Кизлярский округа) насчитывалось 30 приходов Русской Православной Церкви, которые входили в состав Владикавказской епархии.

Произошедший в 1917 г. в России Октябрьский переворот стал отправной точкой в жизни новообразованного социалистического государства во главе с большевистским правительством. Отличительной особенностью новой власти явилась атеистическая идеология, широкомасштабная и бескомпро-

¹ См., например: Шмерлинг Р. О. Церковь в с. Датуна в Дагестане // Вестник Отделения общественных наук АН Грузинской ССР. 1968. № 2. С. 211–218; Марковин В. И. О христианизации горцев Северо-Восточного Кавказа и храме Датуна в Дагестане // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987. С. 37–48; Шихсаидов А. Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Ученые записки ИИЯЛИ (Махачкала). Т. 3. 1957. С. 54–76; Магомедов М. Г. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // Советская археология. 1979. № 3. С. 186–202; Кудрявцев А. А. О христианстве в Дербенте // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980. С. 48–51.

² Данилюк М. Ю. Роль Русской Православной Церкви в политике России в Дагестане во второй половине XVIII – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. 28 с.

³ Сергеев А. Ю. Православная культовая архитектура Хасавюрта. Конец XIX–XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 4. С. 115–127.

миссия борьба с религией. Русская Православная Церковь как наиболее влиятельная и связанная с властью конфессиональная структура подверглась сильным испытаниям и ударам в условиях, реализуемых советской властью антирелигиозных законодательных актов. Далекое не лучшие времена переживали священнослужители.

Противостояние советской власти и Церкви уже заметно усилилось после принятия в декабре 1917 г. – январе 1918 г. СНК РСФСР ряда декретов, в той или иной степени непосредственно затрагивающих интересы Церкви. 4 декабря 1917 г. был опубликован Декрет о национализации церковных и монастырских земель, в котором конкретизировались положения Декрета «О земле». Все недвижимое имущество церквей и монастырей объявлялось общенародной собственностью, которое поступало в ведение местных земельных комитетов. Еще одним шагом к урезанию социального пространства Русской Православной Церкви являлся декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г., по которому церковный брак признавался незаконным. В качестве единственной формы брака для всех граждан России, независимо от вероисповедания, вводился гражданский¹.

С введением нового законодательства и началом Гражданской войны отношение к религии и Церкви в обществе складывалось непросто. В циркулярном указе Владикавказской духовной консистории от 23/10 апреля 1918 г. говорилось о злобном настрое прихожан против духовенства в станицах и в селах². Повсеместно происходили ограбления монастырей. Так, в 1918 г. новым революционным правительством дважды был подвергнут осквернению Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь. Были изъяты церковные ценности. За оказание сопротивле-

¹ № 160. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1942. С. 161–163.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 439. Л. 2.

ния были убиты несколько монахинь. В результате повторного ограбления настоятельница монастыря игуменья Антонина бежала, найдя приют у монахинь Владикавказа¹. В 1918 г. в Кизлярском женском монастыре разместился военно-революционный комитет. По воспоминаниям его бывшего председателя, первое заседание ревком был вынужден организовать в столовой из-за отсутствия помещения и средств и только потом «... занята часть помещений женского монастыря»².

Начавшаяся Гражданская война сопровождалась противоречиями между большевиками и мусульманским духовенством и породила межнациональные конфликты на религиозной почве. Множество русских хуторов на территории современного Дагестана подверглись уничтожению со стороны банд Узун Хаджи. Так, 9 апреля 1918 г., напав на слободу Хасавюрт, они подвергли дикой расправе русское население, не оставив ничего, кроме «обгорелых стен и обуглившегося строительного материала»³. Ограблению и разрушению подверглись и православные храмы. Например, 9 апреля 1918 г. диакон разграбленной слободы Хасавюрт Георгий Голубинский просил Владикавказский епархиальный совет о помощи, сетуя на то, что он подвергся ограблению и «остался положительно без всяких средств и без места [работы – О. Х.]»⁴. Большой собор преподобномученика Андрея Критского в Хасавюрте, выполненный в полумавританском стиле, после разрушения оставил после себя лишь «красивый остов»⁵.

¹ Киселев Н. А., протоиерей. Игуменья Антонина Кизлярская // Святые жены и подвижницы благочестия Русской Православной Церкви царского, аристократического и дворянского происхождения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://semyarossii.ru/dochery-rossii/1520-igumeniya-antonina-kizlyarskaya-.html> (дата обращения: 26.10.2016); Урусова Н. В. Материнский плач Святой Руси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://azbyka.ru/fiction/materinskij-plach-svyatoj-rusi/> (дата обращения: 26.10.2016).

² Хорошев А. Ф. Так мы начинали // Это было в Кизляре. Махачкала, 1988. С. 6.

³ Гаджиев А. С. Борьба против идеологии ислама в годы революции и социалистического строительства // НФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 152а. Л. 78.

⁴ Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917–1943 гг.): Сборник документов / Сост. Б. А. Синанов. Владикавказ, 2014. С. 62.

⁵ Хасавюрт. Выставка по животноводству // Красный Дагестан. 1923. 20 декабря. С. 3.

Такой же участи подверглись урочище Дешлагар и населенные пункты в Кайтаго-Табасаранском и Даргинском округах. Для укрепления позиций исламской религии духовенство принуждало русское население принимать ислам, а «женщинам без мужей цинично предлагались вера и замужество на том основании, что женщинам в мусульманской стране жить одним не положено»¹.

1920-е гг. в жизни молодого государства были отмечены с успешной борьбой с голодом. Разразившийся продовольственный кризис явился следствием падения экономического уровня населения. Для разрешения его требовались огромные капиталовложения. Свою готовность добровольно помочь голодающим и организовать сбор денежных, вещественных и продуктовых пожертвований выразила Церковь в лице Патриарха Тихона, который в августе 1921 г. основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим². Духовенство также приступило к созданию епархиальных комитетов помощи голодающим. Однако против участия Церкви в помощи голодающим резко выступил Ленин и некоторые другие видные члены партии. Новой властью было принято решение, что для спасения голодающих нужно обменять на хлеб церковные ценности. Необходимость законодательного обоснования случаев конфискации золота из мест оправлений религиозных культов породила серию декретов верховной власти, предписывающих изъятие материальных ценностей у церквей. С этой целью 27 декабря 1921 г. был принят декрет ВЦИК «О ценностях находящихся в церквях и монастырях»³.

Особенностью данного постановления являлась и его «прозрачность». Это означало, что обо всех ценностях, по-

¹ Гаджиев А. С. Борьба против идеологии ислама в годы революции и социалистического строительства // НФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 152а. Л. 67–68.

² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 254.

³ № 28. Декрет ВЦИК «О ценностях находящихся в церквях и монастырях» // Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 849.

ступивших из церковных имуществ и их расходования, Центральная комиссия помощи голодающим должна была публиковать в периодической печати, причем в местной печати публикация должна содержать подробный перечень ценностей, изъятых от местных храмов, молелен, синагог и т. д., с указанием их названий¹. Изъятие должно было производиться при обязательном присутствии представителей групп верующих.

Более четкая установка лидеров большевиков по отношению к предстоящему процессу была ярко выражена в секретном письме Ленина, адресованном членам Политбюро от 19 марта 1922 г. Он заявлял, что «...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок...»². Одновременно звучали высказывания о репрессиях против духовенства. Повод оказался для этого самым подходящим. По словам Ленина, «чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»³.

16 мая 1922 г. изъятия начались в Горской АССР. 29 мая 1922 г. Горский политотдел во Владикавказе сообщал о спокойном процессе изъятия ценностей по церквям⁴.

Всего было проведено 34 кампании. Это было не так много, если сравнить, что только по Москве количество их составило 1370⁵. В общей сложности было изъято серебра 14 пудов 25 фунтов 32 золотника и 91 доля; золота 42 доли; серебряных

¹ Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917–1943 гг.): Сборник документов / Сост. Б. А. Синанов. Владикавказ, 2014. С. 87.

² Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область. Т. 1. 1917–1941 / Гл. ред. В. В. Алексеев, сост. Е. Ю. Баранов и др. Екатеринбург, 2005. С. 314.

³ Там же.

⁴ Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917–1943 гг.): Сборник документов / Сост. Б. А. Синанов. Владикавказ, 2014. С. 100–101.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп. 4. Д. 32. Л. 78.

монет на 15 рублей 40 копеек¹. На территории Дагестана прошла 1 кампания по изъятию. Отметим, что согласно информации, которую предоставил Гохран о поступивших церковных ценностях, самое маленькое количество числилось по Дагестанской республике: серебра 5 пудов, 17 фунтов, 47 золотников, 42 доли². Можем высказать в качестве предположения, что подобные небольшие цифры объясняются, во-первых, итогами Гражданской войны, когда православные храмы подвергались ограблению, а во-вторых, на наш взгляд, православные приходы в Дагестане не отличались высоким уровнем материального благополучия и убранства. И в-третьих, возможно, что часть церковного имущества от изъятия спасли сами прихожане церквей.

Политика по экспроприации церковных ценностей была продолжена делом об изъятии церковных колоколов, проходившим в 1925–1928 гг. под знаком радиофикации республики Дагестан. Вопросы, связанные со средствами связи и радио в республике, были поставлены в общий ряд с хлебом и мануфактурой³. В 1926 г. ДагЦИК принял постановление «О радио», содержащее в себе решение о создании специальной радиокомиссии, которой было поручено установить радиостанции с громкоговорителями в Махачкале и некоторых окрестностях, а также изыскать средства для этих целей⁴. Решение данного вопроса было увязано с изъятием церковных колоколов, находившихся в церковных дворах вследствие постановления Президиума ЦИК ДАССР, которым воспрещался звон церковных колоколов «как нарушающий отдых трудящегося населения»⁵. Требование сдачи церковных колоколов мотивировалось целями радиофикации республики⁶.

¹ *Пантюхин А. М.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека). Ставрополь, 2014. С. 103.

² ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп. 4. Д. 32. Л. 76.

³ История Дагестана. Т. 3: 1917–1945. М., 1968. С. 137.

⁴ *Короглиева М. Г.* Радиофикация Дагестана 1925–1928 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. № 5. 2010. С. 47.

⁵ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 126. Л. 35.

⁶ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 127. Л. 7.

Одновременно претворялось в жизнь постановление ВЦИК 1923 г. о муниципализации религиозных сооружений, в том числе и православных храмов. Планомерное закрытие религиозных учреждений по экономическим причинам означало использование помещений религиозных организаций под хозяйственные и культурно-просветительские нужды. Например, остатки разрушенного здания Полковой церкви Андрея Критского в Хасавюрте были разобраны в 1928 г. на строительство консервного завода¹. При Соборной церкви в Махачкале была организована детская площадка с двумя группами детей².

Окончательный этап по закрытию религиозных школ пришелся на 1929 г. с выходом Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля³. В Махачкале для нужд верующих решено было оставить лишь собор Александра Невского и мечеть, расположенную по улице Оскара. Бывшая Никольская церковь была передана под клуб ДО ОГПУ и дивизиона ВО ОГПУ⁴. Другие молитвенные учреждения, в основном, были оборудованы под общежитие для семей, пострадавших от стихийного бедствия. В сентябре 1929 г. в Первой Махачкале была закрыта Успенская церковь, а помещение постановили передать под клуб. Основанием для этого послужили многочисленные жалобы со стороны рабочих Петровско-Кавказской железной дороги⁵. После закрытия церкви Успения Пресвятой Богородицы с куполов сорвали кресты, сбросили колокола и отправили их на переплавку, разрушили иконостас, вынесли и сожгли большую часть икон. Церковь Успения Богородицы была превращена в склад-магазин ОРСа Главнефтьесбыта. Потом в ней устроили

¹ Доргобед Б. П. Из истории города Хасавюрт // Кумыкский мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kumukia.ru/article-9343> (дата обращения: 22.10.2019).

² Культурное строительство в Дагестанской АССР (1918–1941 гг.): Сборник документов и материалов. Т. 1 / Сост. Г. Д. Коган, С. И. Юсупова. Махачкала, 1980. С. 61.

³ ЦГА РД. Ф. Р-190. Оп. 16. Д. 10. Л. 57–73.

⁴ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 126. Л. 5.

⁵ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 126. Л. 19.

общежитие, установив внутри дощатые перегородки; позже там размещался ресторан¹.

В начале 1930-х гг. Совнарком ДАССР принял постановление о закрытии религиозных культовых зданий под склады для хранения хлеба². В этой связи в Дербенте сочли подходящим для этого православный собор³. В Кизляре под разведение нового городского сквера была закрыта церковь по улице Советской⁴. Последним церковным культовым сооружением Дагестана, которое было закрыто под культурные нужды, был Александро-Невский собор в Махачкале (1939 г.). Связано это было с обновленческим расколом.

В 1920-е гг. при поддержке государственных органов «господствующей религиозно-политической системой среди православных верующих» стало обновленчество. Столкнувшись с массовым сопротивлением населения введению гражданской метрикации, прекращению преподавания Закона Божия в образовательных учреждениях и другим нововведениям, осознав, что без сохранения в общественной практике церковно-религиозного института не обойтись, партийные лидеры сделали ставку на обновленческое движение.

Более последовательно эта политика проводилась на Северном Кавказе. Уже в январе 1923 г. состоялся переход Владикавказского епархиального управления в обновленчество. В ноябре 1924 г. обновленцами была образована Северо-Кавказская митрополия, включившая в свой состав и Владикавказскую епархию. Сюда 1 марта 1924 г. с титулом архиепископа Владикавказского и Грозненского был назначен ставленник обновленческого ВЦУ епископ Мелхиседек (Николаев)⁵.

¹ Романов А. «Со Христом нам ничего не страшно!» // Русский дом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russdom.ru/node/3489> (дата обращения: 23.10.2019).

² ЦГА РД, Ф. р-37. Оп. 20. Д. 127. Л. 34а.

³ ЦГА РД, Ф. р- 37. Оп. 20. Д. 126. Л. 21.

⁴ ЦГА РД, Ф. р-37. Оп. 20. Д. 127. Л. 12.

⁵ Синанов Б. А. «Тихоновский» молитвенный дом станицы Архонской: К истории церковного подполья в Северной Осетии (1920–1930-е гг.) // Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления: Материалы Международной научной конференции / Ред. З. В. Канукова. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. С. 83.

В секретных документах ОГПУ отмечалась широкая деятельность по распространению идей обновления Владикавказской епархии, территориально объединявшей Дагестанскую, Кабардинскую, Чеченскую и Горскую республики. Однако несмотря на усилия Епархиального управления органы ОГПУ констатировали неважное положение обновленчества. По их мнению, имелось «сильное идеологическое засилье консерваторов»¹. Здесь имелось в виду, что, несмотря на существование обновленческой Владикавказской (с 1931 г. Орджоникидзевской) епархии, на полулегальной основе сохранялись отдельные священнослужители и общины верующих, сохранявших верность Патриаршей, или, как ее называли органы советской власти, «тихоновской» Церкви. В Дагестане и Чечне Епархиальному управлению удалось приостановить попытки образовать самостоятельные епископства, которые могли бы в будущем представить из себя определенную тихоновскую группировку².

О наличии обновленцев в Махачкале можно судить из архивных документов. 21 декабря 1924 г. Александро-Невский собор был передан группе верующих обновленческой церкви, а точнее, судя по заявлению от 1 июля 1925 г. от «староверующей» общины на имя председателя Совнаркома ДАССР Д. Э. Коркмасова, в результате возникшего инцидента во время вечерней службы, собор был «захвачен» обновленческим епископом Владикавказским Мелхисидеком с обновленческими священниками Николаевской церкви – Шанавадзе, Дудкиным. Были отобраны ключи от храма у группы «староверующих» и переданы обновленцам³.

По оценке НКВД республики на 1928 г. в городе действовали общины староцерковников (тихоновцев) с общим количеством верующих 90 человек, и новоцерковников (обновленцев) по официальным спискам насчитывавших 2020 человек⁴.

¹ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. Кн. 2. Новосибирск, 1998. С. 380.

² Там же.

³ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 67. Л. 48–49 об., 57–57 об.

⁴ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 90. Л. 14.

Поддержка обновленцев на местах создавала прецедентные ситуации, где четко обозначились позиции органов власти в пользу обновленчества. Например, в вопросе предоставления храмов для совершения богослужений. Так, в Дагестане представители Патриаршей Церкви неоднократно ходатайствовали перед НКВД, ЦИКом и СНК ДАССР о предоставлении в их пользование «одного из 2-х имеющихся в Махачкале храмов»¹. После обсуждения создавшегося положения обе церкви в Махачкале были оставлены в пользовании обновленцев, «претензии же староцерковников признаны неосновательными и подлежащими окончательному отклонению»². Разъясняя ситуацию, власти придерживались мнения, что «обладание староцерковниками излишней площади (у них уже был молитвенный дом и церковь в пос. Петровск-Кавказский) для соблюдения своих религиозных отправлений, позволит староцерковникам обслуживать такое количество молитвенных единиц, которое значительно превысит количество их у обновленцев (при одной церкви) [имеется в виду церковь Успенско-Иверская, ныне расположенная в первой Махачкале – О. Х.]»³.

Таким образом, потребности обновленческой церкви в Дагестане выполнял Александро-Невский собор. В 1938 г. настоятелем собора был назначен протоиерей Петр Алексеевич Адамов, а штатным клириком – протоиерей Михаил Васильевич Дзорцев⁴. На заседании культовой комиссии при Горсовете в 1939 г. было решено изъять Александро-Невский собор из ведения общины, «... закрыть, передав его для использования под культурные цели»⁵. На момент закрытия собора в нем имелось более 280 икон⁶. Имущество собора практически полностью было распродано, а оставшееся передано для реализации горфинотделу, ему же были переданы и ключи от здания бывшего собора⁷.

¹ ЦГА РД, Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 90. Л. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГА РД, Ф. Р-190. Оп. 16. Д. 10. Л. 7, 12.

⁵ Там же. Л. 28–29.

⁶ Там же. Л. 1–5.

⁷ Там же. Л. 343.

Библиографический список

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ; Братство во имя Всемило- стивого Спаса, 1994. 1063 с.
2. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн. / подгот. Н. Н. По- кровский, С. Г. Петров. Новосибирск: Сибирский хронограф; Москва: Рос- СПЭН, 1997–1998. Кн. 2. 1998. 647 с.
3. Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917–1943 гг.): Сборник документов / Сост. Б. А. Синанов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 2014. 167 с.
4. Власть и общество: Российская провинция. Свердловская область, Т. 1. Екате- ринбург, 2005.
5. Гаджиев А. С. Борьба против идеологии ислама в годы революции и социалисти- ческого строительства // НФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 152а.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1065. Оп. 4. Д. 32.
7. Данилюк М. Ю. Роль Русской Православной Церкви в политике России в Даге- стане во второй половине XVIII – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. 28 с.
8. Дорогобед Б. П. Из истории города Хасавюрт // Кумыкский мир [Электрон- ный ресурс]. Режим доступа: <http://kumukia.ru/article-9343> (дата обращения: 22.10.2019).
9. Игуменья Антонина Кизлярская // URL: <http://semyarossii.ru/docheri-rossii/> (дата обращения: 26.10.2016 г.); Материнский плач Святой Руси – Н.В.Урусова // URL: [http:// azbyka.ru/fiction/materinskij-plach-svyatoj-rusi/#n1](http://azbyka.ru/fiction/materinskij-plach-svyatoj-rusi/#n1) (дата обращения: 26.10.2016)
10. История Дагестана: в 4 т. Т. 3: 1917–1945. М.: Наука, 1968. 426 с.
11. Киселев Н. А., протоиерей. Игуменья Антонина Кизлярская // Святые жены и подвижницы благочестия Русской Православной Церкви царского, аристокра- тического и дворянского происхождения [Электронный ресурс]. Режим досту- па: <http://semyarossii.ru/docheri-rossii/1520-igumeniya-antonina-kizlyarskaya-.html> (дата обращения: 26.10.2016)
12. Короглиева М. Г. Радиофикация Дагестана 1925–1928 гг. // Научные проблемы гу- манитарных исследований. № 5. 2010. С. 46–50.
13. Кудрявцев А. А. О христианстве в Дербенте // X Крупновские чтения по археоло- гии Северного Кавказа. М., 1980. С. 48–51.
14. Культурное строительство в Дагестанской АССР (1918–1941 гг.): Сборник доку- ментов и материалов. Т. 1 / Сост. Г. Д. Коган, С. И. Юсупова. Махачкала: Дагестан- ское книжное издательство, 1980. С. 461.
15. Магомедов М. Г. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // Советская ар- хеология. 1979. № 3. С. 186–202.
16. Марковин В. И. О христианизации горцев Северо-Восточного Кавказа и храме Дагуна в Дагестане // Художественная культура средневекового Дагестана. Ма- хачкала, 1987. С. 37–48.
17. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область. Т. 1. 1917–1941 / Гл. ред. В. В. Алексеев, сост. Е. Ю. Ба-

- ранов, Е. В. Вертилецкая, С. В. Воробьев и др.* Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 792 с.
18. *Пантюхин А. М.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека). Ставрополь: АГРУС СГАУ, 2014. 280 с.
 19. *Романов А.* «Со Христом нам ничего не страшно!» // Русский дом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russdom.ru/node/3489>) (дата обращения: 23.10.2019).
 20. *Синанов Б. А.* «Тихоновский» молитвенный дом станицы Архонской: К истории церковного подполья в Северной Осетии (1920–1930-е гг.) // Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления: Материалы Международной научной конференции / Ред. З. В. Канукова. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. С. 83.
 21. *Сергеев А. Ю.* Православная культовая архитектура Хасавюрта. Конец XIX–XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 4. С. 115–127.
 22. Следственное дело патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: ПСТБИ, 2000. 1015 с.
 23. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1942. 1483 с.
 24. *Урусова Н. В.* Материнский плач Святой Руси. М.: Русский паломник, 2010. 416 с.
 25. Хасавюрт. Выставка по животноводству // Красный Дагестан. 1923. 20 декабря. С. 3.
 26. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 67, 90, 126 и 127.
 27. ЦГА РД. Ф. Р-190. Оп. 16. Д. 10.
 28. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 143. Оп. 2. Д. 439. Л. 2.
 29. *Шихсаидов А. Р.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Ученые записки ИИЯЛИ (Махачкала). Т. 3. 1957. С. 54–76.
 30. *Шмерлинг Р. О.* Церковь в с. Датуна в Дагестане // Вестник Отделения общественных наук АН Грузинской ССР. 1968. № 2. С. 211–218.
 31. Это было в Кизляре: Воспоминания и очерки о героической обороне города в 1918 г. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988. 73 с.

Сведения об авторе

ХАЛИДОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА –
кандидат исторических наук, научный сотрудник Института
истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Махачкала)
e-mail: o.khalidova2011@mail.ru

«Godless Hard times» or the anti-church policy of the soviet state: the nature of local relations (1920–1930s) (on the example of Dagestan)

Olga B. Khalidova

*Candidate of History, Researcher at the Institute of History,
Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the
Russian Academy of Sciences (Makhachkala)*

e-mail: o.khalidova2011@mail.ru

Given the lack of historical information on the Orthodox past of our republic during the revolutionary events and the Civil War in both Russian and regional scientific studies, the research idea is to show the transformation of state policy towards the Orthodox Church after the 1917 revolution in the national region. The atheistic ideological orientation of the new government, is noted, which was characterised by a large-scale and uncompromising struggle against religion, affected the Russian Orthodox Church the most as the most influential confessional structure. However, during the civil war, the religious issue was not paramount in the national territory, and systematic work on the implementation of the anti-church decree was not carried out. Some decrees of the Council of People's Commissars of the period 1917-1919 on religious issues, they either bypassed the region, or were carried out only after some time. This state of affairs was primarily due to the peculiarities of the establishment of Soviet power in regions with predominantly Muslim populations (Dagestan, Chechnya), as well as the difficult situation associated with the Russian Orthodox Church (Vladikavkaz Diocese).

Keywords: *Dagestan, revolution, Soviet power, religion, Orthodox Church, anti-church policy.*

Священник Евгений Шишкин

Гонения на Церковь в 1918 г. как фактор работы Юго-Восточного Русского Церковного Собора

Работа Юго-Восточного Русского Церковного Собора отражает подъем соборного движения Русской Православной Церкви в начале XX в. Гонения на Церковь в 1918 г. обозначили исторический рубеж между двумя эпохами в истории России. На материале Ставрополя и Кубани показаны трагические условия, в которых делегаты Собора вырабатывали ответ Церкви на злободневные вопросы послереволюционной действительности. Прослеживаются изменения религиозной жизни локальных сообществ в условиях гражданского вооруженного противостояния. Рассматриваются попытки диалога Церкви в лице Собора с обеими сторонами конфликта. Делается вывод о евангельской основе церковной позиции, выраженной в документах Юго-Восточного Русского Церковного Собора и не сводимой к идеологическим конфликтам противоборствующих сторон Гражданской войны.

***Ключевые слова:** Юго-Восточный Русский Церковный Собор, революция, гражданская война, Русская Православная Церковь, Ставропольская епархия, новомученики*

Юго-Восточный Русский Церковный Собор выпал на переломную эпоху отечественной истории. Линии фронта, изрезавшие страну между белыми и красными и поставившие ребром вопрос о проведении Собора в Ставрополе, предопределили неизменное сопутствие политической проблематики любым рассуждениям об этом Соборе. Собор ассоциируется с Белым движением, и даже исследования, полемизирующие с подобным односторонним подходом, косвенно акцентируют его значимость. Вместе с тем, в деяниях Юго-Восточного Русского Церковного Собора явственно прослеживается соб-

ственно церковная позиция – причем не только в решениях миссионерского и канонического порядка. Наоборот, именно «политически окрашенные» решения Собора при внимательном анализе позволяют наиболее явственно различить голос Церкви, не сводимый к идеологическим конфликтам противоборствующих сторон Гражданской войны.

Церковь иначе ощущала переломный характер эпохи – нравственные маркеры были для нее ключевыми. Соборное движение начала XX в. стало стихийным ответом на духовный кризис российского общества. Сельские священники Ставропольской епархии в феврале 1918 г. в епархиальных ведомостях как знак «современной жизни» отмечали «эпидемический», «обыденный» характер преступлений в деревнях. Пока они называли это зло «хулиганством», но уже справедливо усматривали в качестве его причины «поход на Христа... поход на Церковь... поход на нашу святую веру»¹. Через год эта фраза появится в текстах Ставропольского Собора. И опять же, в качестве выхода предлагался нравственный подъем и идейное объединение духовенства, согласованность действий, сотрудничество с интеллигенцией – эти мотивы потом также прозвучат в посланиях Собора: «Наступает время творческого собирания всех живых духовных сил для мощного воссоздания разрушенной Родины и нравственного исцеления самых основ духовной жизни народа... избранные церковным народом духовные лица и миряне... считают своим священным долгом объединиться для планомерной усиленной работы на поприще духовного возрождения русского народа»².

Юго-Восточный Русский Церковный Собор также был ответом Церкви на духовный кризис паствы. Для разделения позиции Собора от позиции Добровольческой армии стоит обра-

¹ Современная жизнь и духовенство // Ставропольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1918. № 4. 13 февраля. С. 83–95.

² Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов / ред. Ю. А. Бирюкова. М., 2018. С. 87–88.

тить внимание на избирательный подход Собора к принятию воззваний, тексты которых заготавливались Предсоборной комиссией. С одной стороны, Собор из церковно-канонических соображений отверг послание всем христианским Западным церквам (олицетворявшим европейских союзников Белого движения, оккупировавших отдельные территории России в период Гражданской войны). С другой стороны, он принял обращение к красноармейцам, которое не предусматривалось подготовительными материалами.

«Красноармейцы! Южнорусский церковный Собор... обращается к вам от имени распинаемой вами Православной Церкви со словами увещания»¹. В этом деянии отразился пастырский подход отцов Ставропольского Собора к разделенному народу: сам факт подобного обращения подчеркивает, что не только «крестоносные дружины рыцарей» Добровольческой армии были «своими» для Церкви Кавказской, но и в обезбоженных представителях противоположного лагеря она видела свою паству. С болью рвались горькие слова обличения: «Есть среди вас и обманутые, есть и обольщенные, есть и сознательные преступники, но все вы одинаково служите делу грядущего антихриста. Во что вы превратили святую Русь? Вы залили ее братской кровью, которая вопиет ко Господу. Вы разорили Государство, вы осквернили, разрушили семью, вы измучили, истерзали, втоптали в грязь лучшее, что было в народе нашем, – его церковную жизнь». Мудро различая в обращении заблудших чад и зачинщиков гонений, Церковь устами Собора изрекала: «Революция – это кровавый поход против Христа. Вот почему вы слепо разрушаете православные храмы, когда синагоги и мечети стоят неприкосновенными. Вот почему Вы оскверняете святые честные мощи. Вы растаптываете, как бесноватые, в алтарях Святые Дары, вы издевались над иконами Спасителя, и Божией Матери, и угодников Божиих»². В этих

¹ Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов / ред. Ю. А. Бирюкова. М., 2018. С. 163.

² Там же. С. 164.

словах – страшная реальность тех месяцев 1918 года, когда Ставрополье впервые вкусило власть большевиков.

В конце июня 1918 г. ставропольские крестьяне, рассказывая о тяготах своей жизни при большевиках, отмечали, что «стали бытовым явлением случаи бессмысленного надругательства над тем, что крестьянскому сердцу было свято. Шла бессмысленная револьверная и ружейная пальба по иконам»¹. В станице Сенгилеевской красноармейцы забрали из храма святую чаша, превратив ее в мыльницу для бритвы; 3 лжицы, антиминс; со святого престола сорвали одежды, рассыпали святые дары, священническое облачение забрали и одели на лошадей. В нижнем ряду иконостаса иконы выбили с мест и разбили... уничтожили святое миро»². Грозным предостережением звучали обличения Собора, но еще до них народ видел, что Бог поругаем не бывает (Гал. 6, 7): «На хуторе Сотникова, который находится в 12 верстах от Бешпагира, произошел замечательный случай, о котором и посейчас много говорят бешпагирцы. В отсутствие Сотникова, когда в доме была только невестка его с детишками, туда заявились «напиться воды» четыре дюжих красноармейца. Удовлетворив жажду, незваные гости стали осматривать внутренность избы с целью, очевидно, «социализировать», что покажется подходящим. Внимание одного из «товарищей» привлек к себе висевший в углу образ Николая Чудотворца. «Пойдешь, товарищ, заодно с нами защищать советскую власть?» - говорит красный, обращаясь к иконе. – «Что же ты молчишь, не хочешь идти против кадет? Не хочешь. А, саботажник...» От слов «товарищ» перешел к действиям... Икона была сорвана с места и брошена на пол. «Товарищ» стал топтать ее ногами, изрыгая поток «истинно-товарищеских» ругательств на Бога, Матерь Божию и «саботажничающего» Святителя. Вдруг послышалось какое-то шипение. Казалось, будто начинает гореть одежда кощунника. На самом же деле шипение

¹ Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив русской революции в 22 тт. М., 1991. Т. 11. С. 110.

² Кощунства и святотатства // Ставропольские ведомости. 1918. № 36. 25 августа. С. 4.

издавала ручная бомба, находившаяся в кармане «товарища», которую он, очевидно, не в меру потревожил во время своих неистовых телодвижений при глумлении над иконой. «Ох, батюшки, погиб я», – хватаясь за голову, закричал от неожиданности растерявшийся «товарищ». Прочие красноармейцы спасались, выскакивая из дома в окно. Невестка Сотникова спаслась бегством через сени. Детворы же давно не было в хате. Раздался оглушительный треск, от которого обрушилась часть дома. От взрыва пострадали: Сотникова (контужена); не участвовавшие в кощунстве над иконой «товарищи» (все сильно изранены и с контузиями). Несчастный же кощунник лежал бездыханным трупом, с оторванными рукою и ногою... Случай этот произвел сильное впечатление на бешпагирцев. В смерти, постигшей красноармейца-кощунника, они видят справедливый Суд Божий»¹.

Новый 1918 год Ставропольская губерния встретила установлением советской власти, а 25 января Всероссийский Поместный Собор в связи с изданием декрета об отделении Церкви от государства объявил о начале «открытого гонения» на Церковь². Духовная и физическая война, развязанная против Церкви, не сразу докатилась на места – многие священнослужители еще питали надежду, что «чаша сия минует» Церковь. В мартовских публикациях «Епархиальных ведомостей» протоиерей Симеон Никольский подчеркивал «мир и спокойствие» в общественной и церковной жизни города Ставрополя³; публикуя письмо СНК Ставропольской губернии, он отмечал «благо-разумную попечительность губернской нашей власти о вполне справедливом отношении к Церкви в лице ее клира»⁴.

¹ Свистопляска краснокожих // Ставропольские ведомости. 1918. № 36. 25 августа. С. 4.

² Постановление Собора по поводу декрета о свободе совести. // СЕВ. 1918. № 10. 01 апреля. С. 235–236.

³ Никольский С., протоиерей. Исторические дни в церковной жизни г. Ставрополя на Кавказе // СЕВ. 1918. № 7. 11 марта. С. 163–165.

⁴ СЕВ. 1918. № 8. 18 марта. С. 165. В том же году упомянутый в данном письме священник Андрей Острецов был переведен в с. Камбулат, где спустя три года арестован как заложник вместе с другими сельчанами (14 человек) и расстрелян 25 октября 1921 г. [Архив УФСБ СК, № 32152-пф].

Однако в тех же номерах церковной газеты отображались тревожные реалии новой революционной действительности: «Ассигновки из государственной казны духовному ведомству прекращены. Епархиальный свечной завод остался в настоящее время почти единственным источником средств на просветительные, религиозные и благотворительные общепархиальные нужды»¹. Вскоре владыке Агафодору пришлось особым воззванием просить пастырей и паству о поддержке Свято-Андреевского братства на содержание убежища, в котором призрелись около 100 человек беспомощных стариков и бесприютных детей². Еще большее беспокойство вызывала публикация уже цитированных документов Поместного Собора, в том числе Воззвания с призывом объединиться для защиты святынь: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание»³.

Начинались первые выпады против духовенства. Из газеты «Власть труда» известно, что 30 марта прошел обыск у архиепископа Агафодора под предлогом поиска оружия. На следующий день отец Симеон Никольский передал комиссару по охране Ставрополя запрос архипастыря, на который новая власть ответила, что обыск произведен без ведома СНК неизвестными лицами самочинно. Комиссар поручил провести дознание и привлечь виновных к ответственности перед военно-революционным трибуналом⁴. Надо учитывать, что Православная Церковь по-прежнему сохраняла важнейшее значение для жителей городов и сел Ставрополья. В той же газете «Власть труда» за 5 апреля сообщалось: «В с. Тугулукском местный гражданин И. И. Г-в за курение табаку в церкви во время совершения священником таинства бракосочетания был приговорен сходом к

¹ От правления Ставропольского епархиального свечного завода // СЕВ. 1918. № 8. 18 марта. С. 176.

² Воззвание архиепископа Кавказского и Ставропольского Агафодора к пастырям и пастве Ставропольской епархии // СЕВ. 1918. № 10. 01 апреля. С. 217–219.

³ Воззвание Собора // СЕВ. 1918. № 10. 01 апреля. С. 236–239.

⁴ Власть труда. 1918. № 11. 16 (3) апреля. С. 3.

десяти ударам розгами, но затем, ввиду раскаяния, приговор сходом был отменен»¹. 23 апреля на конференции комитетов и правлений профсоюзов установлены нерабочие праздничные дни на ближайший год, из которых только Годовщина революции, Международный праздник пролетариата, Первое мая – светские, а остальные 20 – двенадцатые и иные церковные праздники².

Одним из первых документов, фиксирующих мученический путь православного духовенства Юга России, является сообщение члена Всероссийского Церковного Поместного Собора от Ставропольской епархии Якова Дмитриевича Сперанского (впоследствии – члена Юго-Восточного Русского Церковного Собора), представленное предположительно в марте 1918 г. в Комиссию о гонениях на Православную Церковь, где он отмечал: «В Ставропольской епархии (Ставропольской губернии и Кубанской области) имели место и досель совершаются насилия над служителями православной церкви... Большинство станиц Кубанской области и [во]семь Ставропольской губернии оказались настроенными большевистски, но немало и таких станиц, которые отказывались признать власть большевиков. Вследствие этого – по крайней мере, до последнего времени – происходили настоящие сражения между отдельными станицами. Духовенство обычно старается играть умиротворяющую роль, убеждая население прекратить братоубийственную брань, но большевики такую деятельность духовенства перетолковывают в смысле противодействия большевистской власти... Особенно нужно отметить убийство священника ст. Платнировской Кубанской области Волоцкого. Когда на эту станицу, не признавшую большевистской власти, стали наступать большевики и среди самих станичников обнаружилось разделение, грозившее перейти в кровавую бойню, священник Волоцкой, после убеждений оставить раздор, начал служить в церкви молебен об умиротворении междуусобной брани. В это

¹ Наказание розгами // Власть труда. 1918. № [2]. 5 апреля. С. 4.

² Праздничные дни // Власть труда. 1918. № 46. 23 мая (5 июня). С. 4.

время в станицу вступили большевики, и кто-то пустил слух, что священник служит молебен о даровании победы кадетам. В об[лачении] свящ[енник] Волоцкой был вытащен из церкви на площадь и здесь, услышав о готовящихся расстрелах «кадетов», с крестом в руках на коленях умолял прекратить убийства. Но за это он сам как «сторонник кадетов» был обречен на смерть. Ему закричали, чтобы он бросил крест, но свящ[енник] Волоцкой ответил, что он умрет с крестом у груди; тогда один из красноармейцев выхватил у него крест из рук и священник был расстрелян в упор... Свящ[енник] хутора Романовского [в настоящее время г. Кропоткин Краснодарского края – свящ. Е. Ш.] Александр Самоваров в числе других крестьян был отправлен на суд революционного трибунала в соседнюю станицу, отстоящую на 15 верст от хутора, причем во все время дороги шли пешком, его били прикладами, палками. Совершенно обессилив от усталости и побоев, свящ[енник] А. Самоваров упал на землю и просил его убить, но не мучить больше, и только благодаря случайному заступничеству кого-то из конвоиров он спасся от смерти и был посажен на подводу»¹.

Позднее член Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков В. М. Краснов вспоминал, что «обследование установило исключительно большой процент жертв, павший на православных священнослужителей и лиц духовного звания»². Казни приобретали массовый характер. Так, 19 апреля крестьяне-большевики с Горькая Балка расстреляли священника Гавриила Соболева, псаломщика и ктитора; тогда же был тяжело ранен красноармейцами и брошен, как убитый, священник того же села Василий Богданов (он стал калекой, но выжил)³. В с. Ореховском был расстрелян 60-летний священник Илия Лавров⁴, в ст. Барсуковской убит красноар-

¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 563. Л. 275–276 об.

² Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив русской революции в 22 тт. М., 1991. Т. 8. С. 164.

³ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 7. Л. 89.

⁴ Там же. Л. 88 об.

мейцами 40-летний священник Григорий Златорунский¹. Летом расправы прокатились еще шире: 4 июня в с. Новогригорьевском расстрелян священник Виктор Дьяковский², 15 июня в с. Бешпагир был зверски замучен красноармейцами 45-летний священник Димитрий Семенов (его имущество было полностью разграблено, а матушка, ожидавшая седьмого ребенка, осталась в настолько бедственном материальном положении, что вскоре умерли трое ее детей из семи, включая младшего, родившегося уже после убийства отца)³, в июле 27-летний священник с. Соломенского Григорий Дмитревский, «выведенный красноармейцами за село на казнь, просил дать ему помолиться перед смертью; опустил на колени и молился вслух, осыпаясь насмешками по поводу произносимых молитв и требованиями кончать молитву скорее; не дождавшись этого, красноармейцы бросились на него, коленопреклоненного, с шашками и отрубили ему сначала нос и уши, а потом голову»⁴, 6 августа в с. Надежда красноармейцами был повешен 80-летний священник Василий Золотовский⁵, 20 августа в с. Тахта был убит священник Николай Лосинский⁶.

07 (20) сентября 1918 г. Поместный Собор Православной Российской Церкви, обобщая поступившие в Комиссию о гонениях материалы, отмечал: «...Кровь леденеет в жилах и сердце наполняется ужасом перед этими картинами дикой кровавой расправы темных масс над своими пастырями...» В череду упомянутых Собором пастырей-мучеников вошел и расстрелянный в те сентябрьские дни выпускник Ставропольской духовной семинарии «знаменитый бесстрашный проповедник,

¹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 7. Л. 86 об.

² Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / подгот. Ю. Г. Фельштинский и Г. И. Чернявский. М., 2004. С. 111.

³ ГАСК. Ф. 237. Оп. 1. Д. 105.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 7. Л. 89 об.

⁵ Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / подгот. Ю. Г. Фельштинский и Г. И. Чернявский. М., 2004. С. 42.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 7. Л. 89.

настоятель храма Василия Блаженного в Москве протоиерей Иоанн Восторгов», и «неведомый пока по имени, пастырь Ставропольской епархии, расстрелянный в облачении и со крестом в руках». Отцы Собора клеймили «забывших всякую совесть» агентов ВЧК и «потерявших человеческий облик, разнуданных до последней степени представителей власти на местах», которые «в своей дышащей поистине каким-то сатанинством злобе перешли всякие границы». Пророчески звучали их завершающие слова: «Многим пришлось и придется еще перенести страдание за веру и Церковь, а может быть, и запечатлеть свою верность Христу мученической смертью»¹. Это заседание Собора стало последним.

Однако горькое предсказание Поместного Собора сбывалось на Ставрополье. После Покрова в с. Безопасном было казнено до 70 человек, в том числе священник Леонид Соловьев². Отец Леонид пользовался общим уважением сельчан, «50 стариков крестьян от имени населения просили о его освобождении», однако хлопоты оказались безрезультатными. Перед смертью его под звуки гармоники возили по селу, оповещая прохожих, что «по бате некому будет служить панихиды». Священник читал себе отходную. Ему разрубили голову, а диаконов Виктора Острикова и Александра Флегинского подняли на штыки. Перед этим без предъявления какого бы то ни было обвинения ... их вывели на место, где раньше закапывали чумной скот, велели самим копать могилы и, не дождавшись окончания этого, набросились на них с шашками и недорубленных, полуживых закопали в наполовину вырытой яме³. На этом красноармейцы не остановились: они разгромили дом священника, кощунственно выбросив из дарохранительницы Святые Дары⁴, а жену диакона поочередно из-

¹ Кривошеева Н. А. Последнее Деяние Священного Собора 1917–1918 гг. (окончание) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 1 (30). С. 51–60. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 173. Л. 71–186.

² ГАСК. Ф. 237. Оп. 1. Д. 63. Л. 8 об.

³ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 7. Л. 89 об.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 28. Л. 9–9 об.

насиловали на глазах у детей, «набивая ей рот, глаза и уши конским навозом...»¹.

19–20 октября на Пятигорском госпитальном (холерном) кладбище в числе десятков других заложников был зарублен шашками 62-летний священник Иоанн Рябухин из ст. Ессентукской. Находясь в тюрьме, отец Иоанн исповедовал и причащал других заключенных; ведомый на казнь, он не расставался с Евангелием, а уже перед смертью, «... когда у могилы всех раздели и выставили в ряд... произнес краткую речь к приводившим в исполнение приговор матросам религиозно-назидательного характера, призывая их опомниться и вернуться на путь мирной жизни...»². Все имущество его семьи было разграблено, дом реквизирован, жена-вдова и дочь-вдова с малолетними детьми «были брошены на произвол судьбы»³. В том же октябре 1918 г. в Ставрополе «за то, что имел внуков офицеров, приговорен красноармейцами к наказанию плетьюми и умер под ударами» 72-летний заштатный старец-священник Павел Калиновский⁴. В ноябре в с. Кугульта погиб диакон Василий Рождественский, который 25 лет был также учителем в сельской школе: после ареста его вместе с девятью другими мирными жителями Кугульта вывезли в с. Кевсалу, где подвергали пыткам (раздев догола, обливали кипятком так, что у него вылезла борода), после чего насмерть закололи штыками⁵.

В «Обращении Церкви Екатеринодарской к христианским Церквам всего мира» упоминается случай, когда «в Херсонской губернии священника распяли на кресте». Отсюда и в Обращении Ставропольского Собора к красноармейцам появляется следующая фраза: «Вы распинали на крестах, мучили, закапывали живыми в землю служителей Бога живого. Ни один народ

¹ Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив русской революции в 22 тт. М., 1991. Т. 8. С. 163–164.

² ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 12. Л. 95 об.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 7. Л. 89 об.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 28. Л. 16–16 об.

за всю историю не творил таких страшных преступлений, какие сделаны Вами за два последних года»¹.

После таких ужасов неудивительно, что Церковь Юга России на тот момент видела в Добровольческой армии своих заступников. Белые воспринимались как единственные возможные защитники православного народа от бесчинств безбожников. Однако Церковь не отворачивалась от своих распинателей. Цель Соборного обращения была одна: «Покайтесь. Сознайте преступления свои, безмерные и тяжкие. Вспомните, что и вы когда-то были верными чадами Церкви Христовой. Смойте слезами раскаяния ту кровь, которая на руках ваших. Отрекитесь от сатаны. Сложите оружие ваше. Земная власть пощадит кающихся. А перед Богом вы должны искупить грехи всею вашей последующей жизнью. И тогда Господь, веруем, простит вас, примет в лоно Свое, как отец принимает блудного, но раскаявшегося сына»². В подтверждение своих слов Собор обратился к Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России, а также к атаманам Донского, Кубанского и Терского казачьих войск с ходатайством о помиловании красноармейцев. Деникин в ответ объявил об амнистии военнопленных³.

Таким образом, деяния Юго-Восточного Русского Церковного Собора были живым откликом на сложнейшие вызовы послереволюционной эпохи. И этот отклик был дан в духе Евангельской Истины. Только осознавая, в каких обстоятельствах созывался Собор, мы можем в полной мере понимать его духовное наследие и верность Священному Преданию Церкви.

Библиографический список

1. Воззвание архиепископа Кавказского и Ставропольского Агафодора к пастырям и пастве Ставропольской епархии // СЕВ. 1918. № 10. 01 апреля. С. 217–219.
2. Воззвание Собора // СЕВ. 1918. № 10. 01 апреля. С. 236–239.
3. ГАСК. Ф. 237. Оп. 1. Д. 63, 105.

¹ Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов / ред. Ю. А. Бирюкова. М., 2018. С. 164.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 58. Л. 38–39.

4. ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 173, 563.
5. ГАРФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 58.
6. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 12, 28.
8. Кошунства и святотатства // Ставропольские ведомости. 1918. № 36. 25 августа. С. 4.
9. *Краснов В. М.* Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив русской революции в 22 тт. М.: Terra, Политиздат, 1991. Т. 8, 11.
10. Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / подгот. *Ю. Г. Фельштинский* и *Г. И. Чернявский*. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004.
11. *Кривошеева Н. А.* Последнее Деяние Священного Собора 1917–1918 гг. (окончание) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 1 (30). С. 37–72.
12. Наказание розгами // Власть труда. 1918. № [2]. 5 апреля. С. 4.
13. *Никольский С.* Исторические дни в церковной жизни г. Ставрополя на Кавказе. // СЕВ. 1918. № 7. 11 марта. С. 163–165.
14. От правления Ставропольского епархиального свечного завода // СЕВ. 1918. № 8. 18 марта. С. 176.
15. Постановление Собора по поводу декрета о свободе совести // СЕВ. 1918. № 10. 01 апреля. С. 235–236.
16. Праздничные дни // Власть труда. 1918. № 46. 23 мая (5 июня). С. 4.
17. Свистопляска краснокожих // Ставропольские ведомости. 1918. № 36. 25 августа. С. 4.
18. Современная жизнь и духовенство // СЕВ. Отдел неофициальный. 1918. № 4. 13 февраля. С. 83–95.
19. Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сборник документов / ред. *Ю. А. Бирюкова*. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018.

Сведения об авторе

СВЯЩЕННИК ЕВГЕНИЙ ШИШКИН –
секретарь Ученого совета Ставропольской духовной
семинарии

e-mail: evgeniysh@yandex.ru

The persecution of the Church in 1918 as a factor in the work of the South-eastern Russian Church Council

Priest Evgeny Shishkin

*Secretary of the Academic Council of the Stavropol Theological
Seminary*

e-mail: evgeniysh@yandex.ru

South-eastern Russian Church Council's work reflects the rise of the conciliar movement of the Russian Orthodox Church at the beginning of the twentieth century. The persecution of the Church in 1918 marked the historical boundary between two epochs in the history of Russia. The material from Stavropol and Kuban shows the tragic conditions in which the Council delegates worked out the Church's response to the pressing issues of post-revolutionary reality. The changes in the religious life of local communities under the conditions of civil armed confrontation are traced. Attempts at dialogue between the Church, represented by the Council, and both sides of the conflict are examined. It concludes that the evangelical basis of the Church's position, as expressed in the documents of the South-eastern Russian Church Council, cannot be reduced to the ideological conflicts of the opposing sides in the civil war.

***Keywords:** Southeastern Russian Church Council, revolution, civil war, Russian Orthodox Church, Stavropol diocese, new martyrs*

Вестник

Ставропольской духовной семинарии. –
Ставрополь: Издательский центр СтДС, 2019–2020. –
Вып. 1 (6). – 176 с.

ISBN 978-5-6048187-9-4

Подписано в печать 10.10.2020 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,23.
Тираж 150 экз.

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Ставропольская духовная семинария
Ставропольской и Невинномысской епархии
Русской Православной Церкви»

Издательский центр
355017, г. Ставрополь, ул. Дзержинского, 155
stpds@yandex.ru
www.stpds.ru
Издательская лицензия ЛР № 065840 от 23.04.1998 г.

Дизайн: А.К. Колбасников, Л.В. Галкина

Отпечатано в типографии ООО «Бюро новостей»
355002, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 191 б.
Тел. +7 (8652) 24-98-53